

НОВАЛИСЪ

Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ.

(посмертный романъ).

Перев. съ нѣм. *Зин. Венгеровой* и *Василія Гиппиуса* (стихи). Вступительная статья *Зин. Венгеровой*).

МОСКВА.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.

МСМХІV.

НОВАЛИСЬ.

Въ послѣднее время замѣчается возобновившійся интересъ къ эпохѣ романтизма. Появляются новые труды и изслѣдованія, выходятъ въ свѣтъ новыя изданія произведеній романтиковъ. Въ частности, у насъ появились работы по исторіи нѣмецкаго романтизма профессора Брауна, В. Жирмундскаго. Обострившійся интересъ относится при этомъ не къ романтикамъ позднѣйшей поры, не къ Байрону, не къ Виктору Гюго, зажегшимъ міръ дерзновеніями мятежной личности. Намъ въ настоящее время близки не они, а ихъ предшественники ранней поры романтизма, тѣ поэты-мечтатели, тѣ мыслители, которые на грани XVIII и XIX вѣковъ углубляли внутреннее отношеніе человѣка къ мірозданію и въ области индивидуализма были болѣе метафизиками, нежели психологами. То были нѣмецкіе писатели іенскаго кружка братья Шлегели, Тикъ, Шеллингъ и Новались.

Любопытную параллель представляютъ девяностые годы XVIII вѣка въ дѣятельности этихъ писателей съ концомъ XIX вѣка. Въ тоже послѣднее десятилѣтіе завершающагося вѣка, ровно сто лѣтъ спустя послѣ возникновенія іенскаго кружка, началось литературное движеніе въ западной Европѣ, а затѣмъ и у насъ, которое противопоставило материалистическому міросозерцанію натурализма искусство идеалистическое, отражающее жизнь подъ знакомъ вѣчности. Подъ названіемъ символизма и родст-

венныхъ ему теченій, подъ обобщающимъ названіемъ модернизма, оно опредѣляетъ собой основное настроеніе и въ литературѣ нашихъ дней. Большая опредѣленность волевого начала также отличаетъ новѣйшій модернизмъ отъ идеалистическаго самоуглубленія первыхъ символистовъ, какъ отдѣлялся громкій героизмъ позднѣйшихъ романтиковъ отъ тихой созерцательности ранняго романтизма.

Едва ли, конечно, слѣдуетъ—какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики—присваивать символизму названіе неоромантизма. Между современнымъ искусствомъ съ его эстетической эмоціональностью и романтизмомъ, разумнымъ при всемъ своемъ пафосѣ, больше расхожденій, чѣмъ близости. Но есть между ними коренная общая черта. Принимаютъ ли романтики міръ, или же отрицаютъ его, руководящимъ принципомъ являются для нихъ мысли о цѣли бытія, о вѣчной его сущности. Такова же и атмосфера нашего современнаго идеализма. Поэтому, какъ ни измѣнилось пониманіе цѣлей и задачъ искусства, все же совершенно понятно теперешнее тяготѣніе къ раннимъ романтикамъ. Намъ чужда ихъ отвлеченность; въ современномъ искусствѣ больше плоти, ибо недаромъ оно прошло черезъ искусство реализма и натурализма, сохранивъ его внимательность къ реальному содержанію жизни. Но духомъ своимъ оно снова живо ощущаетъ связь съ раннимъ романтизмомъ, объединявшимъ вѣчное начало въ человѣкѣ съ божественной тайной міра.

Родственное нашему времени вдохновляющее начало романтизма наиболѣе ярко и полно представлено Новалисомъ. Въ немъ религіозная отвлеченность, ощущение непосредственной близости къ сверхчувственному, къ міру за чертой человѣческаго бытія, соединялись съ жи-

вой любовью къ жизни, съ яснымъ, радостнымъ переживаніемъ каждаго момента во времени. Въ разныя эпохи разнo ощущается мистическая двойственность духа человѣческаго, одновременно любящаго свою землю и страстно рвущагося преодолѣть временное и утвердиться въ вѣчномъ. Мы живемъ въ моментъ повышенной напряженности этого чувства и потому намъ такъ близокъ Новалисъ, одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ его выразителей. А для поэзіи всѣхъ вѣковъ Новалисъ потому не прошлое, а вѣчно живое явленіе, что онъ пророкъ, провозгласившій созидательную роль поэзіи въ мірозданіи, что для него поэзія не отдѣлена отъ жизни, а возведена въ дѣйственное начало, творящее міръ въ соотвѣтствіи съ его цѣлями.

Два поэта, жившіе на разстояніи почти цѣлаго вѣка,—Гейне и Метерлинкъ—опредѣлили тѣ основныя силы въ Новалисѣ, въ которыхъ коренится его творчество. Для Гейне, тяготѣвшаго всѣмъ своимъ существомъ къ землѣ, главное въ Новалисѣ—подлинность его связи съ природой и связанный съ этимъ даръ осязать въ природѣ чудесное: „Новалисъ“, говоритъ Гейне, „видѣлъ всюду чудеса и чудеса прекрасныя; онъ подслушалъ бесѣды растеній, зналъ тайну каждой распускающейся розы, отождествилъ себя, наконецъ, со всей природой, и когда наступила осень и опали листья, онъ умеръ“. Для Метерлинка, на ново открывшаго Новалиса для нашего времени и указавшаго на близость его намъ, самое основное въ Новалисѣ—его живая связь съ тайной потусторонности: „Новалисъ“, говоритъ Метерлинкъ на своемъ образномъ поэтическомъ языкѣ, „взиралъ на міръ съ разсѣяннымъ любопытствомъ досужаго ангела, вниманіе котораго отвлечено долгими воспоминаніями. Онъ съ

простотой играетъ въ садахъ души, не подозрѣвая, что подошелъ къ границамъ жизни и что онъ часто просовываетъ руки между вѣтвями, чтобы сорвать волшебные цвѣты по другую сторону пламенѣющей изгороди“. „Дневникъ Новалиса“, говоритъ Метерлинкъ въ другомъ мѣстѣ,---„часы, на которыхъ обозначились нѣсколько самыхъ утонченныхъ мгновений, пережитыхъ душой человѣчества“.

Этими двумя путями, чутко угаданными современникомъ Новалиса и его духовнымъ братомъ иного вѣка, Новалисъ пришелъ къ цѣли своего творчества. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы утвердить единство міровой жизни, сводя ее къ той вѣчной сущности, которая разбиваетъ грань между человѣкомъ и природой, между бытіемъ во времени и внѣ времени, уничтожаетъ предѣлъ смерти и превращаетъ цѣпь вѣковъ въ мистическое, вѣчно равное себѣ мгновение сосуществованія Бога и міра. Ученіе о все-единствѣ и о міровой душѣ Новалисъ раздѣлялъ со всѣми теоретиками романтизма, но особенность Новалиса въ томъ, что онъ былъ не теоретикъ; философскія мысли были живой тканью его существа, и цѣли свои онъ познавалъ не отвлеченно, а дѣйственно. Его жизнь и творчество сплетены были въ неразрывный мистическій узелъ, и факты его краткаго земного существованія были неотдѣлимыми отъ его поэзіи и философіи ступенями его мистическаго самоопредѣленія. Жизнь Новалиса -- слитая съ его творчествомъ философская поэма, гдѣ не было мѣста будничному и случайному. Всѣ жизненные встрѣчи и обстоятельства вели его къ его цѣли, возвращали его къ самому себѣ, и къ нему самому болѣе всего примѣнимы его же собственныя слова о судьбѣ: „Судьба это

чувство недостаточной связи между нашимъ внутреннимъ міроопредѣленіемъ и тѣмъ, что къ намъ подступаетъ извнѣ. Такъ какъ часто оно какъ разъ и выдвигаетъ наружу самое сокрытое въ насъ и потому какъ бы содержать въ себѣ необходимое отношеніе къ нашему бытію, то мы беспомощно считаемъ это вмѣшательствомъ высшей силы“.

Въ личности и въ судьбѣ Новалиса было такъ много необычайнаго, что вокругъ его имени создалась романтическая легенда: согласно съ нею Новалисъ до двадцати двухъ лѣтъ хотя и обнаруживалъ творческія настроенія въ общеніи и въ перепискѣ съ друзьями и былъ многообѣщающимъ талантомъ, но ничего самостоятельнаго не создавалъ, занятый практическимъ устройствомъ жизни.

Въ двадцать два года онъ полюбилъ тринадцатилѣтнюю дѣвочку, которая черезъ годъ сдѣлалась его невѣстой, а черезъ два года послѣ того умерла отъ долгой мучительной болѣзни. Послѣ ея смерти Новалисъ, принявъ рѣшеніе умереть вслѣдъ за невѣстой, весь ушелъ въ мысли, въ загадочно свѣтлыя мысли о смерти, затѣмъ втеченіе трехъ лѣтъ создалъ одно за другимъ рядъ вдохновенныхъ произведеній, философскихъ и поэтическихъ, и умеръ, не достигнувъ полныхъ двадцати девяти лѣтъ.

Такова легенда о поэтѣ, призваніемъ котораго было проснуться отъ тихаго сна обыденной жизни для краткаго мгновенія любви, творчества и свѣтлой смерти. Въ реальной дѣйствительности было, конечно, много обстоятельствъ, очеловѣчивающихъ легенду. Жизнь и смерть Новалиса не были исключительно актомъ внутренней воли; въ трагической судьбѣ его играла большую роль

наслѣдственность, а позднее сосредоточенно краткое развитіе его творчества вызвано было жизненными причинами. Но и при трезвомъ изученіи жизни Новалиса вполне сохраняется мистическая ея окраска. Мистикъ тотъ, кто осязаетъ цѣль въ случайномъ и свѣтло подчиняется ей, не противодѣйствуя во имя мнимыхъ цѣлей, создаваемыхъ чувствами и желаніями. А таковымъ было отношеніе Новалиса къ своей судьбѣ. Ему приходилось утверждать въ духѣ самое непріемлимое для сердца человѣческаго: утрату наиболѣе дорогого въ жизни, собственную болѣзнь и раннюю смерть. И то, что это самое непріемлимое сдѣлалось для него сущностью свѣтлаго паѳоса, свидѣтельствуешь о подлинности его мистицизма.

Настоящее имя Новалиса—Фридрихъ Филиппъ фонъ-Гарденбергъ. О своемъ псевдонимѣ онъ говорилъ: „Это имя, которое носили нѣкоторые мои предки, и оно мнѣ до нѣкоторой степени подходит“. Онъ родился 2-го мая 1772 г. въ родномъ замкѣ Гарденберговъ, Видерштедтѣ. Въ домѣ родителей его окружала піэтистическая атмосфера, несомнѣнно отразившаяся на религіозномъ складѣ его души. Отецъ Новалиса, описанный имъ отчасти въ образѣ отца Гейнриха въ „Офтердингенѣ“, подпаль послѣ бурно проведенной первой молодости и послѣ смерти первой жены подъ вліяніе гернгутеровъ. Мать Новалиса (вторая жена его отца), тихая, кроткая женщина, не пользовалась почти никакимъ вліяніемъ въ семьѣ и прекрасна была лишь тѣмъ безконечнымъ смиреніемъ, съ какимъ она переносила тяжкіе удары судьбы: у Гарденберговъ было одиннадцать дѣтей, изъ которыхъ только одинъ сынъ пережилъ родителей. Остальные дѣти умерли молодыми отъ наслѣдственнаго туберкулеза и отъ нервныхъ болѣзней.

Новались былъ вторымъ ребенкомъ этого брака. Десяти лѣтъ онъ пережилъ тяжкую болѣзнь, которая была переломомъ въ его дѣтской жизни. Изъ мало развитого ребенка онъ превратился въ очень способнаго и воспріимчиваго и сталъ обнаруживать необычайно богатую фантазію.

Перерывомъ въ тихомъ дѣтствѣ Новалиса былъ годъ, проведенный имъ у его богатаго дяди, комтура Вильгельма фонъ-Гарденберга, въ Луклумѣ, близъ Брауншвейга. Тамъ онъ пріобщился къ болѣе широкой свѣтской жизни. Послѣ того Новались кончилъ въ 1790 г. гимназію въ Вейсенфельсѣ, куда семья переѣхала съ назначеніемъ отца Новалиса директоромъ саксонскихъ соляныхъ копей. Онъ пробылъ въ гимназіи только одинъ годъ, поступивъ прямо въ послѣдній классъ, увлекался переводами классиковъ и поэзіей Бюргера. Самостоятельная духовная жизнь Новалиса началась въ студенческіе годы. Осенью 1790 г. онъ поступилъ на юридическій факультетъ въ Іенѣ, потомъ, по настоянію отца, перешелъ въ Лейпцигскій университетъ; но и тамъ занятія его не ладились. „Я не юристъ по натурѣ“ — *ein ganz unjuristischer Mensch*—говорилъ онъ въ оправданіе своего равнодушія къ факультетскимъ занятіямъ. Онъ переселился поэтому въ Витенбергъ, гдѣ, наконецъ, въ 1794 г., блестяще сдалъ государственный экзамень. Годы въ Іенѣ и Лейпцигѣ сыграли большую роль въ духовномъ развитіи Новалиса, благодаря ряду встрѣчъ съ людьми, вліяніе которыхъ на него было творческимъ. Онъ не подчинялся волѣ и мыслямъ своихъ друзей, но они выявляли въ немъ разныя, иногда загадочно противорѣчивыя тяготѣнія его собственнаго существа. Подъ знакомъ близости къ избранникамъ его сердца и его

ума духовная жизнь Новалиса дѣлится на двѣ половины: въ первой, проведенной въ близкомъ общеніи съ романтиками, въ тѣсной дружбѣ со старшимъ братомъ Эразмомъ и озаренной любовью къ Софій, въ Новалисѣ ярко горѣло пламя жизни, и лишь, какъ подпочвенная струя, намѣчалось противоположное начало, жажда уйти въ себя и слиться съ небытіемъ. Во второй, краткой, но всецѣло сосредоточенной на творествѣ половинѣ его духовной жизни, т. е. въ послѣдніе неполныхъ четыре года до смерти, рѣшающее вліяніе оказала на него трагическая смерть его невѣсты и его брата Эразма. Тогда основнымъ влеченіемъ его духа сдѣлалась смерть; и если въ немъ сохранилось любовное утвержденіе жизни, то лишь какъ отраженіе его мыслей о смерти.

Первое творческое вліяніе на Новалиса оказалъ Шиллеръ, лекціями котораго онъ увлекался въ Іенѣ. Шиллеръ, насаждавшій въ то время кантіанство въ іенскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Рейнгольдомъ, открылъ Новалису его собственное призваніе. Для Новалиса Шиллеръ знаменовалъ живую связь философіи съ жизнью. Подъ его вліяніемъ у Новалиса зародилась жажда выдвигать философскія проблемы, „дѣлать философію живой“ (*die Philosophie zu vivificieren*), и у Шиллера онъ научился философской техникѣ, легкости и ясности философскаго мышленія, которая поразила въ немъ съ первыхъ встрѣчъ Фридриха Шлегеля. Новалисѣ относился къ Шиллеру восторженно; онъ сохранилъ къ нему благодарное чувство и послѣ того, какъ романтики откололись отъ Шиллера, обвиняя его въ чрезмѣрномъ рационализмѣ. Самъ онъ никогда не участвовалъ въ походѣ романтиковъ противъ Шиллера.

Въ Лейпцигѣ главнымъ событіемъ внутренней жизни

Новалиса была встрѣча съ Фридрихомъ Шлегелемъ, ставшимъ его другомъ на всю жизнь. Близкія отношенія съ Шлегелемъ установились у Новалиса не сразу, а послѣ частыхъ столкновений, во время которыхъ Шлегель упрекалъ его въ умственномъ легкомысліи, а Новалисъ писалъ брату „Берегись Шлегеля“ (Hüte dich vor Schlegeln) и обвинялъ своего друга во властности и высокомеріи. Дѣло дошло чуть не до полного разрыва и даже дуэли. Но потомъ страсти улеглись, и если навсегда осталась нѣкоторая инстинктивная рознь между поэтомъ и критикомъ, но все же ихъ духовная связь была неразрывной. Шлегель разбудилъ въ Новалисѣ художника, направилъ его на путь творчества, сплотилъ его съ духомъ романтизма. Первые литературные опыты Новалиса конца іенскаго, а потомъ лейпцигскаго періода были слабыя, почти дилетантскіе. Созидательныя силы Новалиса еще спали. Но тѣмъ напряженнѣе шло его внутреннее развитіе. По свидѣтельству Шлегеля, Новалисъ увлекался Платономъ и голландскимъ мистикомъ Гемстергейсомъ. Новалиса привлекало въ Гемстергейсѣ его отношеніе къ природѣ, какъ къ источнику морали. У него же Новалисъ почерпнулъ свою мечту о грядущемъ „золотомъ вѣкѣ“, увлекательно пророчествуя о немъ въ первыхъ же бесѣдахъ съ Шлегелемъ.

Въ Лейпцигѣ Новалисъ вель—тоже отчасти подъ вліяніемъ Шлегеля—легкомысленный образъ жизни, неудачно влюблялся, запутался въ долгахъ, и все это продолжалось съ характерной для него во всю его жизнь дѣтскостью. Одно время онъ сталъ мечтать о блестящей карьерѣ, о военной службѣ и ссорился изъ за этого съ отцомъ; но какъ только мечта его приняла нѣкоторую осязательность, онъ самъ же мгновенно отказался отъ нея.

Послѣ государственнаго экзамена Новалисъ поселился въ Тенштедтъ, съ цѣлью изучить подъ руководствомъ окружнаго начальника Юста администрацію солянаго производства. Жизнь и характеръ его совершенно измѣнились. Вѣрнѣе, опредѣлилась сущность его натуры. Быстро, въ одинъ только лейпцигскій годъ, онъ изжилъ до конца весь угаръ юношескихъ страстей. Всѣ мечты о внѣшнемъ блескѣ разсѣялись—онъ весь ушелъ въ свой собственный внутренній міръ: „Не безразлично ли для человѣка, живущаго въ духѣ, чѣмъ онъ занимается въ жизни?“ отвѣчаетъ онъ брату Эразму, тщетно пытавшемуся пробудить въ немъ честолюбивыя мысли. Единственно вѣрной философіей жизни становится для него „тихое углубленіе въ самого себя“. Филистерство, мѣщански мелкое во внѣшней жизни не только не пугало, но даже привлекало его, какъ свобода для внутренняго міра. Онъ хочетъ уйти „въ неприязнательное однообразіе частной жизни“. „Судьба и духъ человѣка названія одного и того понятія“, говоритъ Новалисъ въ „Офтердингенѣ“, и эти слова выражаютъ стихію его собственной жизни. Онъ искалъ свою судьбу только въ самомъ себѣ—и все, что происходило въ его жизни со времени Виттенберга и Тенштедта, дѣйствительно возвращало его безъ малѣйшихъ отклоненій къ самой сути его существа, укрѣпляло его въ сознаніи его цѣли и цѣли всякой человѣческой души.

Работа Новалиса у Юста шла необыкновенно успѣшно, и подружившійся съ нимъ учитель—впослѣдствіе его первый біографъ—поражался его усердіемъ. Простодушный провинціальный чиновникъ не могъ, конечно, проникнуть во внутренний міръ Новалиса и видѣлъ служеніе долгу въ томъ, что для молодого мистика было даромъ

извлекать радость изъ всего, что приносила жизнь. Канцелярское изученіе горнаго дѣла сдѣлалось для Новалиса вдохновеннымъ путемъ проникновенія въ тайны природы.

Съ Тенштедтомъ связано центральное событіе въ жизни Новалиса—его любовь къ Софіи фонъ-Кюнъ. 17 го ноября 1794 г. Новалисъ поѣхалъ по дѣламъ въ сосѣдній Грюнингенъ. Тамъ, въ веселомъ открытомъ домѣ помѣщика фонъ-Рокентина, онъ познакомился съ его тринадцатилѣтней падчерицей Софіей и полюбилъ ее. Чѣмъ была въ дѣйствительности умершая почти ребенкомъ Софія, трудно выяснитъ за отсутствіемъ объективныхъ данныхъ. Ее называли при жизни „розой Грюнингена“; одинъ изъ братьевъ Новалиса писалъ, имѣя ввиду ее, что „послѣ грюнингенскихъ дѣвушекъ всѣ другія не интересны“. Къ ней привязался строгій отецъ Новалиса. Ею заинтересовался Гете. Для Тика она была воплощеннымъ образомъ поэзіи. Новѣйшіе біографы Новалиса, Гейльборнъ, Бѣльше, Шлафъ, стараются, однако, на основаніи историческихъ данныхъ разрушить легенду объ ангелоподобіи Софіи. Они доказываютъ, что она была незначительная, неразвитая деревенская барышня— „eine Landprometanze“,—выросшая среди грубыхъ нравовъ рокентинскаго дома, гдѣ нескончаемое веселье принимало часто вульгарный характеръ. (Новалисъ самъ писалъ брату, что видитъ „грязную оборотную сторону медали“). На сохранившемся портретѣ лицо Софіи фонъ-Кюнъ кажется одухотвореннымъ и значительнымъ. Нѣжныя полудѣтскія черты, короткіе выющіеся волосы—какъ будто ребенокъ, не задумывающійся о жизни. Но не по-дѣтски серьезенъ взглядъ острыхъ темныхъ глазъ, и чувствуется душевная зрѣлость въ выраженіи большого

яснаго лба. Письма и дневники Софіи—наивныя записи о прїѣздахъ и отъѣздахъ Новалиса, о самомъ будничномъ. Изъ записей этихъ видно только, что Софія была очень нетверда въ правописаніи, но ключа къ пониманію ея душевнаго облика онѣ не даютъ.

Что же видѣлъ въ ней Новалисъ? Онѣ много писалъ о Софіи за время своего краткаго счастья любви. Въ письмахъ своихъ онѣ сообщалъ, что „Софія не любитъ поэзію“, что она, повидимому, „не дошла еще до умѣнія думать отвлеченно“, что она „холодна“ и что его любовь „тяготитъ ее“. Онѣ трогательно описывалъ всѣ подробности ея полудѣтской жизни, перечислялъ ея любимыя кушанья. Но наряду съ этимъ онѣ писалъ, что „она ничѣмъ не хочетъ быть, ибо она есть нѣчто (sie will nichts sein, sie ist). И еще онѣ писалъ Шлегелю, что Софія сдѣлалась „фундаментомъ его покоя, его дѣятельности, всей его жизни“. Заключительное сужденіе о Софіи и ея значеніи для него содержится въ словахъ Новалиса: „У меня къ Софіи не любовь, а религія“. Это значило на мистическомъ языкѣ Новалиса, что въ чувствѣ къ Софіи ему открылось единство земного и вѣчнаго.

Туманный реальный обликъ Софіи теряется въ глубинѣ времени. Но вѣчно живымъ остается—какъ образъ Дантовской Беатриче—сотворенный поэтомъ въ близкомъ общеніи съ ея дѣтской душой образъ его мистической возлюбленной. Этотъ имъ сотворенный образъ въ своей трагической красотѣ контрастовъ страсти, юности и смерти, сдѣлался основой его творчества, а въ его творествѣ перешелъ въ вѣка.

Въ мартѣ 1795 г. Софія сдѣлалась невѣстой Новалиса, черезъ годъ заболѣла, а 19 марта 1797 г. умерла

и была похоронена въ Грюнингенѣ. Меньше чѣмъ мѣсяць спустя умеръ въ родительскомъ домѣ любимый братъ Новалиса, Эразмъ. Эти двѣ смерти произвели переворотъ въ жизни Новалиса. Вѣрнѣе, сливъ внѣшнія событія съ сущностью его духа, они утвердили его въ себѣ, сдѣлались, какъ онъ утверждаетъ про все мнимослучайное и внутренне необходимое, „путемъ домой“. Смерть Софіи претворилась для него въ мистерію міро-зданія, любовь къ умершей возлюбленной въ вѣчно живой знакъ преодоленія смерти на землѣ.

Смерть Софіи пробудила въ Новалисѣ любовное отношеніе къ небытію. Уже раньше, во время болѣзни невѣсты и брата, въ немъ зародилось острое влеченіе къ болѣзни. Его привлекали духовные горизонты страданія и онъ забывалъ то, что есть жизненно грознаго въ болѣзни. Больного Эразма онъ убѣждалъ не страшиться болѣзни и смерти. Въ болѣзни Софіи онъ видѣлъ открывавшуюся „возможность безконечно обаятельной боли“. Страданіе было ему радостно, какъ приближеніе къ слитности бытія и небытія. Отсюда его слова: „Болѣзнь принадлежитъ къ отрадамъ человѣческимъ, какъ и смерть“.

Утрата Софіи придала утвердительную опредѣленность его мыслямъ о смерти. Точно исчезла тайна, точно открылась осязательная истина, которую онъ славить въ восторженныхъ гимнахъ. Смерть и жизнь слились во едино. Откровенія, которыя принесла Новалису смерть Софіи, запечатлѣны въ дневникѣ (Journal), который онъ сталъ вести, помѣтивъ начало его 31-мъ днемъ послѣ ея смерти (18 апрѣля 1797 г.), продолжая въ дальнѣйшихъ записяхъ вести счетъ днямъ до 110-го (до 6 го іюля). Только конецъ дневника, отражающій другія на-

строения, написанъ уже въ 1799 и 1800 годахъ, дальше отъ смерти Софіи и ближе къ его собственной.

Основная тема „Дневника“—проникновенныя и почти радостныя чувства Новалиса у могилы Софіи, у „милрой могилы“, „доброй могилы“, какъ онъ ее называетъ, а также принятое имъ „рѣшеніе“ (Entschluss), т.-е. внутренне осознанная необходимость умереть, укрѣпленіе себя въ этомъ рѣшеніи и борьба съ неугасшимъ инстинктомъ жизни. Желаніе смерти является для него мыслью о цѣли (Zielgedanke), и поскольку оно въ немъ твердо, онъ чувствуетъ себя „мужественнымъ, радостнымъ“, и доволенъ собой. Противоположное чувство связанности съ жизнью кажется ему недостойнымъ колебаніемъ и какъ бы грѣховнымъ „вожделѣніемъ“ (Lüsternheit). Въ немъ онъ себя горько упрекаетъ. Онъ долженъ послѣдовать за Софіей—это для духа его непреложная истина: „Съ нею (Софіей) весь міръ умеръ для меня. Я уже не принадлежу ему“. „Безъ нея для меня нѣтъ ничего въ мірѣ. Собственно, я не долженъ былъ бы придавать ничему значенія“. „Она умерла. Значить умираю и я. Міръ опустѣлъ“ и т. д.

Но его путь къ Софіи долженъ вести не черезъ самоубійство, не черезъ болѣзнь: „Я хочу умереть радостно, какъ молодой поэтъ“, говоритъ онъ въ „Дневникѣ“, а въ письмѣ къ Шлейермахеру пишетъ: „Я хочу вернуться къ Софіи не больнымъ, а преисполненнымъ чувства свободы, счастливымъ, какъ перелетная птица“. Твердый въ своемъ „рѣшеніи“, онъ вѣритъ въ какую-то особую, мистическую смерть, вѣритъ, что Софія безболѣзненно и свѣтло поведетъ его за собой, если только онъ не измѣнитъ ея памяти, не будетъ соблазненъ жизнью. Отсюда радостный тонъ, въ которомъ ведутся эти изуми-

тельные по искренности записи человека, потрясенного до самых основ души смертью любимого существа. Лишь изрѣдка прорываются отзвуки глубокого человѣческаго горя: „Сегодня вечеромъ и весь день я чувствовалъ весь ужась потери ея“. „Я испытываю такое страшное горе отъ того, что случилось со мной“. Но въ общемъ „Дневникъ“ свѣтлый и бодрый, а отмѣчаемые Новалисомъ моменты упадка духа относятся къ самообличенію. И это въ самыя острыя минуты душевныхъ страданій, въ первые три мѣсяца послѣ смерти возлюбленной. Но въ такомъ радостномъ отношеніи Новалиса къ смерти Софіи и сказалась глубина его мистики, перешедшей потомъ въ его произведенія и проведенной въ нихъ черезъ строгость философской мысли. Смерть стала истиной, жизнь сдѣлалась призракомъ. Смысль его переживаній, отраженныхъ въ „Дневникѣ“—утвердить такое перемѣщеніе цѣнностей въ собственныхъ эмоціяхъ. Это стоитъ ему упорной борьбы, переданной съ поражающей правдивостью, безъ романтическихъ жалобъ и сердечныхъ изліяній, какъ бы съ научной точностью наблюденій надъ тончайшими переходами собственныхъ чувствъ. Съ убѣжденностью познавашаго истину Новалисъ все время приводитъ доводы самому себѣ: „Моя смерть должна стать свидѣтельствомъ моего чувства къ самому высокому, свидѣтельствомъ истиннаго самопожертвованія, не бѣгствомъ, не принужденіемъ“. „Онъ радуется каждому вечеру, каждому дню, когда онъ думалъ о Софіи съ большимъ чувствомъ“ (*recht innig*), когда „сильно плакалъ“, и несчастенъ, когда печаль его была недостаточной, холодной, вялой. Почти по-дѣтски онъ часто упрекаетъ себя за то, что ѣлъ съ слишкомъ большимъ аппетитомъ: „Опять я сегодня слишкомъ много ѣлъ!“

„О, если я не исправлюсь, я не смогу утвердиться въ моемъ высшемъ „я“!“

Первая часть „Дневника“ (до 6-го іюля 1797 г.) повѣствуетъ о томъ, какъ открылось Новалису его мистическое призваніе и какъ онъ боролся за утвержденіе его въ самомъ себѣ. Въ этой борьбѣ временно побѣдила жизнь. Новалису суждено еще было въ кратчайшій срокъ—менѣе чѣмъ въ четыре года—осуществить свою творческую писательскую миссію и тогда только уйти къ Софіи легко и безъ борьбы. Воля, удерживавшая его въ жизни, казалась ему внѣшной и недостойной его „цѣли“, но со своей дѣтски мудрой искренностью онъ подчинился ей. И плодотворность послѣднихъ лѣтъ его жизни доказала, что то, что ему казалось внѣшнимъ, было на самомъ дѣлѣ внутренно цѣлесообразнымъ и необходимымъ.

1797 годъ былъ началомъ литературной дѣятельности Новалиса. Въ журналѣ „Atheneum“ появился рядъ его литературныхъ и философскихъ „фрагментовъ“ подъ заглавіемъ „Цвѣточная пыль“ (Bluthenstaub). Съ конца 1797 года Новалисъ изучалъ въ фрейбергской горной академіи естественныя науки подъ руководствомъ Вернера и увлекался параллельно съ этими занятіями натурфилософіей. Личное знакомство съ Шеллингомъ, Риттеромъ и Вернеромъ углубило его восторженное отношеніе къ естествовѣденію, столь существенному для его ученія. Философіей Фихте, съ которой онъ тѣсно связанъ былъ въ своемъ міропониманіи, онъ усердно занимался въ мѣсяцы писанія „Дневника“, и въ одной записи отмѣтилъ свое радостное настроеніе, когда онъ постигъ сущность фихтевскаго „я“.

Въ 1798 году въ жизни Новалиса произошло, казалось

бы, странное событіе: онъ сдѣлался женихомъ Юліи Шарпантье. Многихъ это обстоятельство смущало. Меттерлинкъ говоритъ, что Новалисъ „былъ бы ему милѣе, если бы онъ не любилъ два раза въ жизни“. Но на самомъ дѣлѣ ничего внутренно противорѣчиваго нѣтъ въ помолвкѣ уже смертельно больного Новалиса съ больной дѣвушкой, съ которой никакой духовной близости у него не было. Все цѣлесообразное было связано для Новалиса съ мыслью о Софіи и о смерти—въ жизни онъ видѣлъ только безцѣльное, призрачное. Знакомъ этой безцѣльности, послѣдней вспышкой жизненнаго инстинкта, безнадежно ухватившагося за призракъ связи съ жизнью, и была эта ненужная, почти равнодушная попытка полюбить, создать семью. Въ духовной жизни Новалиса она ничѣмъ не отразилась.

Въ 1798 году появился второй сборникъ философскихъ „фрагментовъ“ Новалиса, „Вѣра и любовь“ (Glauben und Liebe). Въ томъ же году онъ написалъ философскій отрывокъ „Ученики въ Саисѣ“, впервые напечатанный въ посмертномъ изданіи 1902 г. Въ 1799 году. Новалисъ получилъ мѣсто ассессора при курфиршескихъ салинахъ въ Вейсенфельзѣ и въ томъ же году познакомился и подружился съ Тикомъ. Въ общеніи съ нимъ Новалису открылось его поэтическое призваніе и углубились мысли о творческомъ значеніи поэзіи. Зима 1799—1800 года была самой напряженной порой его творчества. Тогда написаны были „Гимны къ ночи“ и „Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ“. Къ этому же времени относятся послѣднія записи „Дневника“. Какъ въ первой части двойственность настроенія относилась къ свѣту въ мысли о „цѣли“, о смерти, а мракъ къ колебанію въ сторону жизненнаго инстинкта, такъ здѣсь, съ такой же, теперь трагичной

искренностью Новались укрѣпляетъ себя въ мысляхъ о Богѣ и борется противъ страха. „Всякій страхъ отъ дьявола. Мужество и радость отъ Бога“. И опять безпощадныя наблюденія за собой: „Утромъ явились легкіе приступы страха“. „Вечеромъ грозилъ припадокъ. Мнѣ было очень страшно“. А потомъ радость: „У меня не было припадковъ страха“. И во всѣхъ записяхъ борьба противъ себя, стараніе обосновать вѣрой и разумомъ покорность болѣзни и смерти: „Каждая грустная мысль земная, преходящая, внушенная страхомъ. Всякое грустное настроеніе—иллюзія“. Лучше всего умѣть принимать все случающееся съ радостнымъ сердцемъ, какъ благодѣяніе Господне“. „Когда ощущаешь Бога въ сердцѣ, то не мудрствуешь. Тогда въ душѣ единое, великое, возвышающее чувство“, и т. д.

Дневникъ заканчивается 16 октябрёмъ 1800 года, когда Новались уже умиралъ отъ чахотки. Онъ умеръ 25 марта 1801 года, свершивъ путь къ Софіи среди внутренней борьбы, но въ конечной твердости и примиренности. Она сказала въ его творествѣ, расцвѣтшемъ подъ знакомъ надвигавшейся смерти. Ею отмѣчена была личность Новалиса, котораго называли „Христомъ романтизма“. Знавшихъ его современниковъ онъ поражалъ своимъ „разсѣяннымъ видомъ человѣка, живущаго въ иныхъ мірахъ“. Шлегель говорилъ, что „у Новалиса глаза духовидца, свѣтящіеся вдаль“. Захарій Вернеръ называлъ его „святымъ Новалисомъ“, а Шлейермахеръ говорилъ, что онъ „высится какъ коринѣская невѣста надъ землей“. Всѣ чувствовали въ немъ чистѣйшій образъ мистика въ жизни, какъ и въ творествѣ.

Ученіе Новалиса утверждаетъ въ философскомъ мышленіи и въ художественномъ творествѣ то, что сдѣ-

лалось для него истиной въ личныхъ эмоціальныхъ переживаніяхъ. Жизнь его была путемъ самоопредѣленія; внутренней цѣлью, къ которой онъ шелъ, было сліяніе чувственнаго міра съ сверхчувственнымъ, бытія съ небытіемъ и уничтоженіе въ мистическомъ сознаніи грани смерти. Его философія, не строго систематически, а интуитивно художественно изложенная въ „фрагментахъ“, является, по его собственному опредѣленію, „философіей философіи“, т.-е. мистикой, превращающей проблему человѣка въ проблему міра. Примыкая къ общей идеѣ романтиковъ о „все-единствѣ“, о всеобъединяющей „міровой душѣ“, исходя изъ фихтевскаго „я“,—мірового разума, творящаго „не—я“, т.-е. видимый міръ, Новалисъ переступаетъ въ опредѣленіи абсолютнаго „я“ за предѣлы разума, поставленнаго ему Фихте; онъ присоединяетъ къ разуму „мистическую интуицію“. Трансцендентальное „я“, „я своего я“, становится для него началомъ, устанавливающимъ единство человѣка, міра и Бога. Въ этомъ коренится „идея Новалиса“, его ученіе о „магическомъ идеализмѣ“, составляющемъ и объясненіе міра и опредѣленіе нравственной и духовной миссіи человѣка. Магическій идеализмъ—ученіе о вѣчной сущности, о мистическомъ центрѣ міра. Въ мірѣ видимомъ, въ природѣ эта вѣчная сущность живетъ безсознательно. Человѣку въ его мистической интуиціи дана способность осознать ее: „Самымъ произвольнымъ предразсудкомъ является мнѣніе, что человѣку не дано выходить за предѣлы своего „я“ и сознательно пребывать въ сверхъ-чувственномъ. Человѣкъ можетъ когда угодно сдѣлаться существомъ сверхъ чувственнымъ. Овладевъшій своимъ трансцендентальнымъ „я“—магъ. Онъ творитъ міръ по своему произволу. Путь магическаго міротворчества—

погруженіе въ природу, въ ея безсознательное абсолютное начало съ цѣлью сдѣлать его сознательнымъ, съ цѣлью воспитать, очеловѣчить природу: „Природа должна стать моральной, мы ея воспитатели“. Человѣкъ мессія природы и черезъ природу, сливая свое трансцендентальное „я“ съ абсолютномъ въ природѣ, онъ становится магомъ, творящимъ міръ. Вѣчное погруженіе сознательнаго въ безсознательное и восхожденіе безсознательнаго къ сознательному составляетъ непрерывно длящуюся мистерию міросозиданія. „Все произвольное должно стать произвольнымъ“, т.-е. органическое должно стать магическимъ. Этимъ создается единство бытія и связь съ Богомъ. „Богъ цѣль природы, то, съ чѣмъ она когда-нибудь должна слиться въ гармоніи“. Таково центральное ученіе Новалиса, или, вѣрнѣе, его мистическая мечта о грядущемъ „золотомъ вѣкѣ“ для духа. Единство бытія уже нѣкогда существовало. Былъ „золотой вѣкъ“ позади насъ, когда вся вселенная была міромъ духовъ, когда природа была живая и все въ ней обладало волей, какъ теперь обладаетъ волей человѣкъ. Она тогда не была застывшей и мертвой, какъ теперь. Но то единство живой вселенной было безсознательно—а мистическая мечта, заключенная въ ученіи о магическомъ идеализмѣ, относится къ грядущему сознательному творчеству духа, постигнувшаго сверхчувственное, абсолютное „я“ своего „я“.

Путь къ осуществленію своей мистической идеи единства Новалисъ видитъ въ любви, которая и есть творческая сила бытія. „Если бы всѣ люди были любящей четой, исчезло бы различіе между мистическимъ и не мистическимъ“. Міръ становится въ свѣтѣ любви переживаніемъ любящаго духа.

Съ центральной идеей магическаго идеализма связана вся философія Новалиса. Міръ становится твореніемъ свободной воли. „Все, что хочу—будетъ“. Но магическая воля творить не по слѣпому произволу, а въ соотвѣтствіи съ безсознательнымъ абсолютомъ природы; поэтому она должна быть моральной. „Мы должны стать магами, чтобы сумѣть быть моральными“. Только тогда „міръ становится осадкомъ (gleichsam ein Niederschlag) чело-вѣческой природы“. Философія такимъ образомъ перестаетъ быть отвлеченностью; она становится созидательной силой. „Истинное мышленіе является созиданіемъ (ein Machen) и таково на самомъ дѣлѣ“. Что нибудь помыслить—значить это создать. Въ устанавливаемомъ такимъ образомъ единствѣ духа и матеріи („Философъ превращаетъ міръ дѣйствительный въ мысль и обратно“) положительное знаніе, изученіе природы пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе, ибо нужно погрузиться въ самую сущность органическаго бытія, чтобы на глубинѣ его обрѣсти пониманіе скрытаго въ немъ абсолюта. Но знаніе обрѣтается не на однихъ путяхъ разума, а еще болѣе путемъ интуиціи, и Новалисъ славить дѣтскую непосредственность на путяхъ познания міра.

Магическій идеализмъ—свѣтлое, проникнутое восторгомъ ученіе. Магъ, утвердившій въ себѣ абсолютъ, становится властителемъ своего тѣла, въ идеалѣ можетъ создать тѣло свое по своему усмотрѣнію. Это объясняетъ утвердительное отношеніе Новалиса къ физическому бытію. Человѣческое тѣло для него единственный истинный храмъ въ мірѣ, ибо въ немъ происходитъ магическое преображеніе относительнаго въ абсолютное. Отношеніе къ міру существующему становится проникновеннымъ, моральное чувство возводится въ священный долгъ, ибо

только подъ знакомъ морали каждое мгновѣніе, каждое явленіе утверждаетъ единство мірового цѣлаго. Жизнь не отмечена какъ зло, противоположное истинному бытію за гранью временнаго, а превращается въ вѣчно длящуюся мистерію, становится жизнью въ духѣ, созидающемъ эту жизнь. Смерти для живущаго въ абсолютѣ магантъ. „Смерть есть жизнь. Смертью укрѣпляется жизнь“. Духъ все соединяетъ, превращая все переживаемое въ „путь домой“, т.-е. въ тайну собственного духа, творящаго міръ.

О таинствѣ магическаго міротворчества Новалисъ говоритъ пророчески, какъ о моментѣ, когда духъ овладѣетъ тѣломъ и сдѣлается независимымъ отъ природы, когда онъ, „быть можетъ, сможетъ возстановлять утраченные члены, умерщвлять себя собственной волей и этимъ только приобрѣтетъ истинныя откровенія о тѣлѣ, о душѣ, мірѣ, жизни, смерти и мірѣ духовъ. Возможно, что тогда онъ по своему произволу сможетъ одухотворять матерію. Онъ заставитъ внѣшнія чувства производить тотъ образъ, который ему нуженъ и будетъ въ истинномъ смыслѣ слова жить въ своемъ мірѣ. Онъ будетъ въ состояніи разставаться со своимъ тѣломъ, когда сочтетъ это желательнымъ. Онъ будетъ видѣть, слышать и чувствовать все, что захочетъ, какъ захочетъ и въ томъ сочетаніи, въ какомъ захочетъ“.

Таковъ будетъ человѣческой духъ въ своихъ магическихъ достиженіяхъ. Философія только путь къ магіи. Философія не можетъ быть завершена въ себѣ. Новалисъ утверждаетъ, что истинной философіи даже еще нѣтъ—таковой можетъ быть только магія. И въ связи съ этой градаціей отъ философіи къ магіи Новалисъ ставитъ поэта выше философа и отводитъ въ своемъ уче-

ни особое мѣсто искусству, поэтическому вымыслу. Онъ считаетъ вымысль поэта болѣе реальнымъ, чѣмъ видимый міръ, ибо это магическая дѣйствительность, созданная въ согласіи съ абсолютъ. „Поэтическій философъ пребываетъ“ *en état du créateur absolu*. „Поэтъ понимаетъ міръ лучше, чѣмъ ученый“. „Въ сказкѣ больше правды, чѣмъ въ ученой хроникѣ“. „Поэзія абсолютно реальна; чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ ближе къ правдѣ“. Поэтъ и есть магъ, творящій міръ по своему произволу во всеоружіи мистической интуиціи.

Творческая миссія поэзіи, приведенная въ „фрагментахъ“ въ твердую связь со всѣмъ философскимъ ученіемъ Новалиса, составляетъ основное содержаніе художественнаго творчества Новалиса. Искусство осуществляетъ въ идеалѣ единство бытія, уничтожаетъ грань времени, сливая минувшее съ настоящимъ и грядущимъ. Для него нѣтъ предѣла смерти, для него человѣкъ не отдѣленъ отъ вселенной и въ этомъ цѣльномъ бытіи нѣтъ начала и конца, нѣтъ отклоненій отъ пути къ цѣли, а все есть цѣль—все „ведетъ домой“. Согласно такому пониманію искусства, Новалисъ завершаетъ свою философію нѣсколькими художественными произведеніями—тоже „фрагментами“, ибо кромѣ „Гимновъ къ ночи“ все, имъ написанное, осталось въ незаконченномъ видѣ. Проникнутые вѣрой въ магическую силу поэзіи, эти художественные „фрагменты“ Новалиса своего рода пророческія книги, облеченныя въ форму апологіи символическаго смысла поэзіи.

Форма художественныхъ произведеній Новалиса, общая у него съ другими романтиками,—свободное сочетаніе стиховъ и прозы. Самое законченное изъ всего, что онъ написалъ, „Гимны къ ночи“. Въ нихъ Новалисъ

прославляетъ ночь, какъ символъ объединенія, противоположный дню, царству солнца, расчленяющаго, обособляющаго каждую частицу бытія. Первые три гимна, написанные непосредственно послѣ смерти Софіи, проникнуты паэосомъ смерти. Любовь къ ушедшей возлюбленной сливается съ любовью къ ночи, какъ благостному знаку смерти.

Поэтъ воспѣваетъ возлюбленную — „милое солнце ночи“. Она превратила для него смерть въ жизнь—и ночь символъ того, что открылось ему въ смерти возлюбленной („Ты возвѣстила мнѣ ночь для жизни“— *du hast the Nacht mir zum Leben verkündet*). Ночь сливается для поэта съ видѣніемъ возлюбленной на ея могилѣ, когда „разорвались для него узы рожденія, распались оковы свѣта“, когда весь міръ исчезъ, могильный холмъ развѣлся въ облако пыли и „надо всѣмъ виталь мой освобожденный, рожденный для новой жизни дух“. Въ непосредственной лирикѣ этихъ первыхъ трехъ „Гимновъ къ ночи“ смерть воспѣта какъ радость отказа отъ жизни. Это образное воплощеніе „рѣшенія“, „мысли о цѣли“ „Дневника“ Новалиса. Въ четвертомъ гимнѣ, соотвѣтствующемъ возвращенію къ жизненнымъ задачамъ въ переживаніяхъ Новалиса, онъ воспѣваетъ радости утра, но лишь съ тѣмъ, чтобы сказать: „Но хранить вѣрность ночи тайникъ моего сердца, и хранить онъ также вѣрность творящей любви, дочери ночи“. Новый мотивъ звучитъ въ этомъ гимнѣ. Ночь знаменовала для поэта смерть въ жизни—четвертый гимнъ воспѣваетъ жизнь въ смерти: „Я чувствую смерти—Молодящій потокъ.—Въ благоуханіе и эфиръ—Превращается моя кровь“. Смерть, которую таитъ въ себѣ ночь, превращается въ новую жизнь. Послѣдніе гимны чисто ре-

лигіознаго содержанія; въ нихъ воспѣвается Христось, побѣдившій земную жизнь и земную смерть и „Жажда смерти“ (такъ озаглавленъ послѣдній гимнъ) отождествляется съ тоской по небу: „Не радостна намъ болѣе чужбина.—Мы жаждемъ вернуться домой, къ отцу“.

Къ „Гимнамъ къ ночи“ непосредственно примыкають „Духовныя пѣсни“ Новалиса; нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ сборники протестантскихъ гимновъ. Ихъ содержаніе—прославленіе Христа и Маріи (Marienlieder). Образы догматическаго христіанства имѣють для Новалиса почти исключительно символическое значеніе. Они являютъ для него мистерію міросозиданія, онъ видитъ въ нихъ знакъ преодоленія бытія небытіемъ—и небытія бытіемъ. Въ этомъ смыслѣ они становятся для него магической истиной, истиной поэтическаго творчества. Новалисъ придавалъ глубокое творческое значеніе вѣрѣ, но не былъ догматическимъ христіаниномъ. Вѣра сливалась для него съ магической волей: „Всякая вѣра чудесна и чудотворна. Богъ существуетъ въ то мгновеніе, когда я въ него вѣрю“. Религія понимается Новалисомъ внѣ всякихъ догматическихъ вѣроученій, а только какъ ощущеніе связи чувственнаго съ сверхчувственнымъ, какъ утвержденіе міроваго единства.

„Въ религіи люди соединяются во едино“. Въ этомъ смыслѣ онъ и говорилъ, что чувство его къ Софіи— „не любовь, а религія“. При этомъ Новалисъ утверждалъ религію, какъ и философію, только въ идеалѣ, такой, какой она еще не осуществлена. „Еще нѣтъ религіи“. Его религія, какъ и его философія, сводится къ магическому идеализму и входитъ въ его мечту о совершенномъ бытіи, о золотомъ вѣкѣ для духа.

Въ двухъ произведеніяхъ Новалиса наиболѣе ярко

выступаетъ его мысль о назначеніи поэта какъ мессіи природы и магическаго творца міра: въ философскомъ отрывкѣ „Ученики въ Саисѣ“ и въ романѣ „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“. „Ученики въ Саисѣ“ написаны въ видѣ свободной бесѣды учителя съ учениками въ храмѣ Изиды въ Саисѣ. Въ лицѣ учителя Новались изобразилъ своего фрейбергскаго профессора Вернера, выдающагося ученаго, въ которомъ онъ высоко цѣнили страстное, философски обобщающее отношеніе къ наукѣ. Ученикъ, отъ лица котораго ведется повѣствованіе, самъ Новались. Онъ тотъ, „кого все возвращаетъ въ самага себя“. Основная тема „Учениковъ въ Саисѣ“—отношеніе человѣка къ природѣ. „Вся природа—шифръ, начертанный на крыльяхъ, на яичной скорлупѣ, на облакахъ, на снѣгу, на кристаллахъ и камняхъ, на замерзшихъ водахъ, во внутреннемъ строеніи и на внѣшнихъ очертаніяхъ горъ, на растеніяхъ, на звѣряхъ и людяхъ, на закопченныхъ стеклахъ, на опилкахъ, пристающихъ къ магниту и въ странныхъ сплетеніяхъ случая“. Чтобы понять этотъ шифръ, нужно уподобить исторію природы исторіи духа человѣческаго, исходящаго изъ единства бытія и жаждущаго возвращенія къ нему. Не разумъ путь къ постиженію природы, а „творческое міросозерцаніе“, и ему учить своихъ учениковъ мудрый учитель. Для пониманія природы нужно къ тому же обладать особымъ чувствомъ природы, особымъ органомъ познания природы (Naturorgan), нужно „въ тѣсномъ многообразномъ единеніи со всѣми тѣлами, черезъ посредство ощущеній, смѣшиваться со всѣми созданіями природы, и вливаться въ нихъ своими чувствами“. Учитель обладаетъ этимъ даромъ; онъ такъ долго созерцалъ природу и объединялся душой со всѣмъ, открывающимся взору, что „вскорѣ

ничего уже не видѣлъ отдѣленнымъ“, т.-е. не слившимся съ цѣльностью явленій. Звѣзды представлялись ему людьми, люди звѣздами, камни звѣрями, облака растеніями.

Ученики, слѣдуя примѣру учителя, должны тоже сами стать ищущими и найти себя въ природѣ. Символомъ тайны мірозданія является въ „Ученикахъ въ Саисѣ“ статуя Изиды, покрывало съ которой, какъ гласитъ надпись, не дано снять ни одному смертному. На эту тему Шиллеръ до Новалиса (1795 г.) написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Das verschleierte Bild zu Sais“. Для Шиллера рѣшеніе въ томъ, что истина должна оставаться на вѣкъ сокрытой и потому юноша, сорвавшій покровъ, долженъ искупить свое дерзновеніе смертью. Новалисъ, въ противоположность Шиллеру, рѣшаетъ вопросъ въ духѣ магическаго идеализма: „Если, согласно надписи, ни одному смертному не дано снять покрывало, то мы должны стремиться стать безсмертными. Кто не сниметъ покрывала, тотъ не истинный ученикъ въ Саисѣ“. Къ бесѣдѣ учениковъ присоединяются странники. Они ищутъ слѣды того таинственнаго перваго племени (Urvolk), для котораго природа была міромъ живыхъ духовъ, общающихся съ духомъ человѣческимъ. „Каждое наименованіе въ языкѣ было словомъ, высвобождающимъ души предметовъ“ (Замѣтимъ попутно, что въ этихъ словахъ изъ „Учениковъ въ Саисѣ“, также какъ и во всемъ, что въ этомъ произведеніи Новалиса и въ „Гейнрихѣ фонѣ Офтердингенѣ“ говорится о духахъ, таящихся въ предметахъ видимаго міра—прямой источникъ „Синей Птицы“ Метерлинка).

Въ бесѣдахъ учениковъ и учителя между собой и со странниками дана оцѣнка возрѣвнѣй на природу историковъ, пессимистовъ, также какъ и практическихъ фило-

софовъ—и предпочтеніе передъ всѣми отдается поэту; его вымысль единственная истина для духа. Онъ одинъ возвышаетъ природу, воспитывая въ ней (т.-е. находя, мысля, творя,—что тоже самое) нравственныя цѣли и воспринимая ея единство съ человѣкомъ („Не становится ли утесъ своеобразнымъ „ты“, когда я къ нему обращаюсь“?).

Славословя поэта, какъ мага и мессію природы, Новалисъ указываетъ на мистическій ключъ къ пониманію природы въ цѣляхъ магическаго міросозиданія. Ключъ этотъ—любовь. Въ ней истина, осуществляющая міровое единство, въ ней откровеніе связи человѣка съ міромъ и съ Богомъ. Въ отвѣтъ мыслителю, который прославляетъ разумъ, какъ единственный путь къ познанию природы и ея нравственныхъ цѣлей, „веселый юноша съ челомъ, увѣнченнымъ розами и вьюнками“ (поэтъ) рассказываетъ сказку о Гіацинтѣ, который покидаетъ свою возлюбленную, Розовый Цвѣтокъ (Rosenblüte), томимый жаждой найти истину. Но когда послѣ долгихъ скитаній онъ приходитъ (въ мистическомъ сновидѣніи) въ храмъ Изиды и поднимаетъ покрывало, скрывающее богиню, въ его объятія падаетъ Розовый Цвѣтокъ. Любовь и есть та истина, которую онъ искалъ вдали отъ нея. Сказка о Гіацинтѣ и Розовомъ Цвѣткѣ по прозрачности и поэтической нѣжности лучшее художественное созданіе Новалиса.

Средоточіемъ всего творчества Новалиса, завершеніемъ его философскихъ идей и его мечты о поэтѣ-магѣ, осуществляющемъ слитность бытія въ подлинномъ міротворчествѣ, является „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“, задуманный въ соотвѣтствіи съ теоріями романтиковъ объ универсальномъ романѣ. Внѣшнія жизненныя переживанія

героя замѣнены событіями внутреннаго міра, ростомъ духа, постигающаго и свершающаго свое призваніе, приче́мъ духовная жизнь отдѣльнаго человѣка воплощаетъ миссію человѣчества въ цѣломъ; свершенная миссія становится пророчествомъ о мистическихъ судьбахъ міра. По этому замыслу „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“ является не столько романомъ въ нашемъ пониманіи слова, сколько символической сказкой. Для Новалиса сказка была высшей формой художественнаго творчества; въ ней истина идеальная, то, что должно быть, вытѣсняеть правду внѣшнюю — то, что есть. Въ связи съ этимъ Новалисъ вводитъ въ свои повѣствованія отдѣльныя, не связанныя съ дѣйствіемъ сказки; таковы сказка о Гіацинтѣ и Розовомъ Цвѣткѣ въ „Ученикахъ въ Саисѣ“ и сказка Клингсора въ „Офтердингенѣ“. Но и помимо этихъ отдѣльныхъ сказокъ весь „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“ насквозь символиченъ, и символы, изъ которыхъ онъ сотканъ, создаютъ, въ особенности въ пророческой сказкѣ Клингсора, самобытный миѳъ; въ немъ минувшія, настоящія и грядущія судьбы міра слиты въ стройное цѣлое, проникнутое единствомъ идеи. Всѣ элементы своего миѳа Новалисъ черпалъ исключительно изъ своей собственной фантазіи, внѣ связи съ миѳическими образами прошлаго; это привело къ туманной аллегоричности нѣкоторыхъ эпизодовъ и образовъ. Но въ связи съ ученіемъ Новалиса, изложенномъ въ его философскихъ писаніяхъ, миѳическій замыселъ „Офтердингена“ становится прозрачнымъ и художественно завершеннымъ.

Образцомъ для „Гейнриха фонъ Офтердингенъ“ Новалису послужилъ „Вильгельмъ Мейстеръ“ Гете. Своей энциклопедичностью, тѣмъ, что въ немъ заключены всѣ идейные запросы тогдашняго времени, всѣ его эстетиче-

скія и нравственныя проблемы, „Вильгельмъ Мейстеръ“ отвѣчалъ идеалу романтиковъ въ области романа. Но по своей основной идеѣ „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“ противоположенъ „Мейстеру“ и написанъ съ цѣлью опровергнуть выводы Гете. Новалисъ долго восхищался „Мейстеромъ“, много думалъ и писалъ о немъ въ письмахъ и дневникахъ; но увлеченіе смѣнилось у него полнымъ разочарованіемъ. „Вильгельмъ Мейстеръ“ сталъ казаться ему мѣщанскимъ; онъ сравнивалъ романъ Гете съ Вольтеровскимъ Кандидомъ, называлъ его „Кандидомъ, направленнымъ противъ поэзіи“. Въ „Мейстерѣ“ жизненное міросозерцаніе торжествуетъ надъ поэтическимъ, и въ отвѣтъ на это Новалисъ доказываетъ въ „Офтердингенѣ“ превосходство поэзіи надъ дѣйствительностью, утверждаетъ познавательную и творческую миссію поэзіи.

Герой романа Новалиса, Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ, миннезингеръ, участвовавшій въ состязаніи пѣвцовъ въ Вартбургѣ, ученикъ колдуна Клингсора; но со своимъ легендарнымъ праобразомъ онъ ничего общаго, кромѣ имени, не имѣетъ. Содержаніе романа, задуманнаго какъ „апоеозъ поэзіи“, заключается въ первой законченной части (Ожиданіе) въ подготовленіи поэта къ своему призванію мессіи природы и творца міра, а во второй (Исполненіе), законченной, въ исполненіи его призванія. Пророчество второй части намѣчено символически въ сказкѣ Клингсора, завершающей первую часть.

Въ первой части Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ ищетъ себя среди міра, томящагося подъ знакомъ раздѣльности духа и матеріи. Духовныя событія свершаются въ сокрытыхъ тайникахъ души, а міръ, безжизненный и бездушный, живетъ отдѣльной, слѣпой жизнью, не сознающей своихъ цѣлей. Задача поэзіи, постигнувъ міръ,

вдохнуть въ него жизнь духа и востановить расторгнутое единеніе, уже нѣкогда существовавшее въ безсознательные райскіе дни, востановить „золотой вѣкъ“ въ новой высшей осознанности для духа. Въ первой главѣ романа Гейнрихъ видитъ вѣщій сонъ, въ которомъ съ упоеніемъ созерцаетъ голубой цвѣтокъ, символъ мистическаго синтеза, единенія бытія съ небытіемъ въ мистической связи человѣка съ міровой душой. Этотъ голубой цвѣтокъ Новалиса сдѣлался символомъ романтизма съ его томленіемъ, съ его жаждой вѣчности во временномъ.

Во второй главѣ Гейнрихъ отправляется въ путешествіе вмѣстѣ съ матерью и купцами, въ образѣ которыхъ представленъ реальный чувственный міръ съ его непосредственными интересами и цѣлями. Путники Гейнриха и рядъ встрѣчъ, съ рыцарями, съ рудокопомъ, съ восточной дѣвушкой, съ отшельникомъ, знакомятъ Гейнриха съ міромъ. Купцы рассказываютъ о власти поэзіи въ быломъ, плѣнная дѣвушка вводитъ его въ поэзію востока, рыцари открываютъ ему паѳосъ войнъ, рудокопъ знаменуетъ собой глубину положительныхъ знаній, просвѣтленныхъ мистическимъ исканіемъ, отшельникъ раскрываетъ тайны исторіи, какъ ее понималъ Новалисъ, т.-е. единство духа въ мѣняющихся внѣшнихъ образахъ и событіяхъ. Въ таинственной книгѣ отшельника Гейнрихъ видитъ самого себя въ разныхъ невѣдомыхъ ему образахъ, также какъ потомъ всѣ образы женщинъ, восточная дѣвушка, Матильда, Ціана, оказываются однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ женскимъ образомъ, утверждая смерть, какъ знакъ возрожденія. Конечное просвѣтленіе приноситъ Гейнриху встрѣча съ Матильдой и мгновенно вспыхнувшая любовь къ ней. Любовь—ключъ, открывающій міръ чудесъ; она востановляетъ мистиче-

скую слиянность духа и матеріи, бытія и небытія. Озаренный любовью, Гейнрихъ созрѣлъ для своей поэтической мисси: Матильда и есть голубой цвѣтокъ, открывшійся ему во снѣ, означавшемъ предвидѣніе истинной жизни. Въ ней тайна міровой гармоніи, побѣждающей роковую расколотовъ слѣпой и томящейся внѣшней жизни. И то, что свершается въ проснувшейся, побѣдившей душѣ поэта, переносится на мистическую исторію мірозданія въ сказкѣ Клингсора, т.-е. въ миѣѣ, сливающимъ въ стройное цѣлое прошлое съ грядущимъ.

Миѣѣ Новалиса, т.-е. сказка Клингсора, былъ предметомъ множества толкованій. Многое выясняется непосредственно изъ внимательнаго изученія сказки въ связи съ ученіемъ Новалиса. Нѣкоторыя толкованія даетъ самъ Новалисъ въ письмахъ, а затѣмъ всѣ намеки разработаны многочисленными комментаторами. Особаго вниманія заслуживаетъ обстоятельное толкованіе Spenlé въ его книгѣ о Новалисѣ. Онъ даетъ сказкѣ Клингсора натурфилософское объясненіе, приводитъ ее въ связь съ господствовавшими во времена Новалиса теоріями непутизма (вода, какъ первородная стихія, изъ которой образовался міръ), съ увлеченіемъ гальванизмомъ и т. д.; мы придерживаемся въ объясненіи сказки его толкованія роли сестеръ (парокъ).

Міръ дѣйствительный, томящійся въ оковахъ двойственности, изображенъ въ сказкѣ Клингсора, какъ оконченѣвшее царство Арктура, олицетворяющаго духъ жизни, Случай. „Въ царствѣ множественнаго“, по словамъ Новалиса, — „царитъ Случай, и бытіе въ пространствѣ и времени подвластно его закону“. Арктура окружаютъ силы природы; гадая на картахъ, Арктуръ устанавливаетъ движеніе свѣтилъ. Дочь короля Арктура, прекрасная Фрея,

являетъ собой миръ и свободу. Она томится въ полуснѣ (миръ чувственный жаждетъ духовнаго бытія), и тотъ, кто высвободитъ ее, внесетъ нравственное начало въ природу и тѣмъ возстановитъ единство духа въ бытіи. Своимъ прикосновеніемъ Фрея придаетъ магнитную силу щиту стараго героя, олицетворяющаго желѣзо, одну изъ высшихъ силъ природы. Герой бросаетъ въ пространство свое копье, какъ знакъ духу человѣческому, который долженъ начать свою миссію оживленія и одухотворенія природы. Душа человѣческая съ сокрытыми въ ней духовными силами представлена въ семьѣ, причемъ отецъ являетъ собой внѣшній разумъ, мать—любящее сердце. Ихъ сынъ Эросъ—любовь, которая и должна свершить подвигъ освобожденія Фрей. Эросъ спитъ въ колыбели. Его кормилица Гинистана—фантазія. Ея имя указываетъ на восточное происхожденіе. Дочь Гинистаны, молочная сестра Эроса—Басня, т.-е. поэзія. Она главная сподвижница Эроса, помогающая ему свершить его назначеніе. Въ семьѣ водворился Писецъ, врагъ души человѣческой, сухой научный разумъ, задуманный какъ сатира на рационализмъ XVIII вѣка. У алтаря бодрствуетъ Софія, высшая мудрость. Она супруга Арктура, покинувшая его, чтобы стать жрицей у алтаря мудрости. Съ ея уходомъ и наступилъ расколъ между природой и духомъ, и бытіе, лишенное духовнаго начала, застыло въ мертвенномъ полуснѣ. Когда Эросъ освободитъ Фрею, Арктуръ вновь соединится съ Софіей и миръ оживетъ въ одухотворенномъ единствѣ.

Чаша на алтарѣ Софіи заключаетъ въ себѣ магическую субстанцію, вѣчную истину. Брызгами воды изъ чаши Софія одаряетъ членовъ семьи—силы души человѣческой—творческимъ воображеніемъ, т.-е. мистической ин-

туиціей, творящей міръ изъ глубинъ духа. Погруженные въ чашу листки, исписанные писцомъ, стираются, а начертанное Басней утверждается навѣки: поэтическая истина торжествуетъ надъ измышленіями сухого положительнаго разума. Отецъ хлопотливо дѣятеленъ—такова функція житейскаго разума—и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластенъ чувственнымъ чарамъ фантазіи. Мать—любящее сердце—о всѣхъ скорбитъ и приноситъ себя всѣмъ въ жертву. Копье героя, брошенное въ пространство, превращается въ магнитную стрѣлку, которую находитъ отецъ. Магнитъ долженъ указать Эросу путь къ Фрей. Отъ прикосновенія стрѣлки Эросъ вырастаетъ въ дивнаго юношу и отправляется въ путь вмѣстѣ съ Гинистаной. Во дворцѣ мѣсяца, отца Гинистаны, Эросъ присутствуетъ при пророческомъ зрѣлищѣ столкновенія всѣхъ стихій и конечнаго торжества гармоніи и единства въ видѣ молочноголубого потока, изливающегося на смятенный міръ и поглощающаго всѣ ужасы и призраки. На водахъ потока появляется символическій голубой цвѣтокъ; любовь и мудрость царятъ въ объединенномъ мірѣ.

Но прежде чѣмъ свершается пророчество, надъ семьей, олицетворяющей душу человѣка и душу міра, проходятъ бури. Гинистана соблазняетъ Эроса, забывающаго о своемъ подвигѣ. На землѣ воцарился грѣхъ. Писецъ устраиваетъ заговоръ и завладѣваетъ домомъ. Мать закована въ цѣпи, отецъ посаженъ на хлѣбъ и на воду, Басня и Софія спасаются бѣгствомъ. Басня—поэзія—становится избавительницей міра. Она борется противъ союзницъ Писца, парокъ; онѣ властительницы міра, подчиненнаго закону случайнаго. Въ мірѣ парокъ все безжизненно, живой духъ замѣненъ мертвымъ механизмомъ, эгоистическая чувственная мораль питается низменными

влеченіями души (ядъ тарантуль). Басня предвѣщаетъ Арктуру приближеніе любви—Софіи и побѣждаетъ парокъ, соткавъ имъ платья и украсивъ ихъ цвѣтами, рожденными въ пламени; это пламя мистическаго вдохновенія, пронизывающаго поэзію. Парки запутываются среди пляски въ пряжѣ, сотканной Басней и ихъ поѣдаютъ пауки. Царство парокъ миновало—и минуетъ также царство солнца, тоже союзника Писца (намекъ на просвѣтительный вѣкъ и царство разума, противъ котораго ополчилась разрѣшающая отъ оковъ мистика романтиковъ). Мать, принося себя въ жертву, сжигаетъ себя на кострѣ и пламя костра поглощаетъ свѣтъ солнца. Наступаетъ ясность мистической ночи—царства мудрости. Софія, Эросъ и Гинистана возвращаются въ домъ, гдѣ ихъ застаютъ Басня послѣ того, какъ она съ своими символическими спутниками, Золотомъ и Турмалиномъ, замыкаетъ гальваническую цѣпь и оживляетъ міръ, вернувъ силы парализованному Атласу. Софія всыпаетъ пепель матери въ чашу, даетъ всѣмъ выпить божественное питье и среди возрожденнаго блаженнаго міра Эросъ и Басня направляются въ замокъ Арктура. Эросъ пробуждаетъ Фрею, Арктуръ соединенъ съ Софіей и освобожденный объединенный міръ славить своихъ повелителей. „Основанъ вѣчности завѣтный градъ“.

Вторая незаконченная часть романа изображаетъ свершенное призваніе поэта, ставшаго магомъ, побѣду магической воли надъ двойственностью чувственнаго міра и слияніе всѣхъ прежде разъединенныхъ силъ міровой жизни. Апоеозъ всего—отождествленіе голубого цвѣтка съ возлюбленной Гейнриха, Матильдой. Мистерія единаго бытія въ духѣ человѣка распространяется на всю совокупность міра: „Люди, животныя, растенія, камни и созвѣздія, сти-

хіи, звуки, краски сходятся, какъ одна семья, дѣйствуютъ и говорятъ, какъ члены одного рода“. Чудо завершается „бракомъ временъ года“. Уничтожена раздѣльность времени—въ блаженно-единомъ мірѣ царитъ единое время.

„Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“ остался незаконченнымъ—какъ не дано было Новалису осуществить и дальнѣйшіе широкіе замыслы, о которыхъ говоритъ Тикъ въ своемъ послѣсловіи къ роману. Но и въ отрывочномъ видѣ его романъ о поэзіи ясенъ во всей универсальности своего замысла. Новалисъ остается во всемъ своемъ творествѣ авторомъ „фрагментовъ“, и философскихъ, и художественныхъ. Но основная его идея—изображеніе міра и мірозданія какъ мистеріи вѣчно творимаго въ духѣ единства, также какъ апофеозъ поэзіи какъ магически творческаго начала, воплощены въ его „фрагментахъ“ съ вдохновенной цѣлостностью.

Зин. Венгерова.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Первое изданіе сочиненій Новалиса вышло въ 1802 г. при ближайшемъ участіи его друзей, Тика и Шлегеля въ 2 томахъ. Затѣмъ въ теченіе 35 лѣтъ появилось пять изданій. Въ 1846 г. при участіи E. von Bülow изданъ былъ 3 томъ. Лучшія научныя изданія Новалиса, въ которыхъ использованъ рукописный матеріалъ архивовъ Гарденберговской семьи E. Heilborn'a (1901) и Минора (Novalis Schriften, herausgegeben von I. Minor. 4 Bände. Iena 1907 г.

Литература о Новалисѣ: Fortlage, Sechs philosophische Vorträge, Iena, 1872. G. Baur, Novalis als religiöser Dichter, Leipzig, 1877. Schubart, Novalis Leben, Dichten und Denken, Güttersloh, 1887. R. Wörner, Novalis Hymnen an die Nacht u. geistliche Lieder, München, 1885. Rothe, Novalis als religiöser Dichter, 1886. Bing, Novalis, eine biographische charakteristik, Hamburg und Leipzig, 1893. Maeterlinck, Les disciples à Saïs etc précédés d'une introduction par Maeterlinck, Bruxelles, 1895. R. Busse, Novalis Lyrik, Oppeln, 1898. Huber, Studien zu Novalis. Euphorion, 1899 (4—tes Ergänzungheft). E. Heilborn, Novalis, der Romantiker, Berlin, 1901. H. Delacroix, Novalis. La formation de l'idéalisme magique. Revue de Metaphysique et de morale. Mars, 1903. E. Fridell, Novalis als Philosoph, München, 1904. E. Spenté, Novalis, essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne. Paris, 1904. Dr H.

Simon Der magische Idealismus, Heidelberg, 1906. I. Schlaf, Novalis und Sophie von Kühn, München, 1906. I. Schlaf, Christus und Sophie, 1906. W. Olshausen Fr. v. Hardenbergs (Novalis) Beziehungen zur Naturwissenschaft seiner Zeit, Leipzig, 1905. W. Dilthey, Erlebniss und Dichtung, 1907. Havenstein Fr. von H's aesthetische Anschauenden, 1909. Blei, Novalis, 1904. Willy Pastor Novalis (Dichtung, Bd. XVII). Gloege, Novalis „Heinrich von Ofterdingen als Ausdruck seiner Persönlichkeit (Teutonia, Hft. 20). I. Minor, Studien zu Novalis, 1911. Paul Riesenfeld, Heinrich von Ofterdingen in der deutschen Literatur., 1912. H. Lichtenberger, Novalis, Raris, 1912 и др.

По-русски: проф. О. А. Браунъ, Новалисъ (Исторія Западной Литературы, изд. т-ва Миръ, томъ I, книга 3). В. Жирмундскій—Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. 1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА СТИХОВЪ.

Стихотворенія Новалиса не случайно вошли въ его романъ. Романтики — искатели новой формы для новыхъ идейныхъ замысловъ неизбѣжно пришли къ синтезу мѣрной и немѣрной рѣчи; мечта объ „универсальномъ романѣ“ не вмѣщалась въ обычныя рамки. И если въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“, который во многомъ былъ для романтиковъ образцомъ, пѣсни вкраплены лишь для оживленія—въ „Офтердингенѣ“ въ нихъ сосредоточено высшее напряженіе лирической силы. Если выдѣлить изъ романа его пѣсни — получится квинтъ-эссенція романа, получится какъ бы новое произведеніе, своеобразная лирическая поэма, въ которой заключена душа всего замысла. То, что не удалось Тику, тоже пытавшемуся сочетать свои романы (William Lovell, Franz Sternbald's Wanderungen) съ лирикой—удалось Новалису *).

Весь жизненный путь Гейнриха—и вмѣстѣ путь са­мого романтизма отраженъ въ стихахъ „Офтердингена“. Первое стихотвореніе юноши-поэта даетъ предчувствіе будущихъ тайнъ, въ пѣсняхъ побѣдителя—пѣвца, крестоносцевъ и рудокопа—въ простыхъ, наивныхъ словахъ выражены первыя ступени романтической любви—къ

*) Въ русской литературѣ—примѣръ такого слянія романа съ лирикой—романъ Кар. Павловой—„Двойная жизнь“, гдѣ о таинственной „второй“ жизни говорятъ стихи.

искусству, къ Богу и къ землѣ. Пѣснь отшельника въ 5-й главѣ, которая и для Гейнриха прозвучала вѣстью изъ еще не достигнутаго міра—говорить о сляніи земного съ небеснымъ. Объ этомъ будущемъ синтезѣ, о соединеніи разъединеннаго, сперва говорятъ пророчества (въ сказкѣ Клингсора, въ словахъ Astralis'a); въ отрывкахъ второй части должны были раздаться заклинанія (заклинаніе мертвецовъ о сляніи жизни и смерти), и, наконецъ, въ эпическомъ тонѣ и даже въ эпическихъ гекзаметрахъ разсказывается о чудѣ, какъ о подлинномъ событіи (Бракъ время года). Любовь къ отдѣльнымъ явленіямъ міра становится любовью ко всему („Любви опять настала власть... все должно другъ въ друга проникнуть“...). Интимная близость къ Христу и къ Богоматери (въ пѣснѣ крестonosцевъ) приводитъ къ такой любви къ нимъ, въ которой заключена любовь ко всему міру (пѣснь пилигрима во II части). Сначала только ликъ любимой дѣвушки покоится въ сердцѣ (3-я глава)—отшельнику дано было познать, что въ его сердцѣ начертанъ („eingegraben“) ликъ „царицы женъ“; а когда пилигримъ понялъ, что въ возлюбленной Матильдѣ онъ любилъ тотъ же вѣчный ликъ Матери, въ его сердцѣ уже соединились всѣ прошлыя и будущія чудеса и онъ хочетъ „въ тысячѣ волшебныхъ жизней“ „прославить зѣмлю“. Такъ, отъ дѣтской, трогательной любви къ Богу и къ міру романтики приходили къ великому слянію всѣхъ явленій въ Богѣ.

Стихотворенія Новалиса, который умѣлъ быть то дѣтски-простымъ, то философски-сложнымъ, налагаютъ на переводчика тяжелую отвѣтственность. Не мнѣ судить о томъ, насколько отъ неизбежной неточности въ передачѣ нѣмецкихъ образовъ русскими, отъ неизбежныхъ

иногда сознательныхъ отступленій отъ смысла подлинника пострадалъ духъ и стиль стиховъ Новалиса. Но отступать отъ формальныхъ особенностей подлинника я считалъ себя не въ правѣ. Стихотворенія „Офтердингена“ представляютъ большое разнообразіе поэтической формы; изъ 21 стихотворенія романа—16 разныхъ типовъ. Всѣ размѣры переданы соотвѣтствующими русскими. Въ „свободныхъ“ размѣрахъ, приближающихся къ типу Knittelvers'a, сохранено число стопъ и, по возможности, мѣста удареній. Вообще же, ритмической точности достигнуть было нельзя по самой природѣ нѣмецкаго стиха, гдѣ Nebenton—второе удареніе—почти всегда парализуетъ возможные пѣоны; иногда, впрочемъ, удавалось достигать нѣкоторой близости ритмовъ („Zärtliche q̄esange sieigen“ — „нѣжные напѣвы мчались“ „die grausamkeit der Saracenen“ „неистовые сарацины“). Созвучія въ концѣ стиховъ у Новалиса крайне разнообразны, онъ пользуется то римами, то полу-римами, то ассонансами, то повтореніемъ словъ, и, очевидно, что это вездѣ сознательное разнообразіе мастера, а не „плохія римы“. Поэтому, въ переводѣ я старался сохранить всѣ оттѣнки его созвучій—полуримы переданы полуримами, ассонансы—ассонансами („Schwerte Herde“ == латы—рады, Plaudern schauen—augen* нѣги — сильнѣе—склоненье. „Kuss—Lust“—устъ—чувствъ и т. д.); въ такихъ случаяхъ, какъ Fäden-Fehden пришлось удовлетвориться приблизительнымъ совпадениемъ: нити—прокляните.

Къ сохраненію формальныхъ особенностей стиха меня побуждалъ не суетный педантизмъ, а твердое убѣжденіе, что въ поэзіи Новалиса, какъ во всякой подлинной поэзіи, тѣло стиха органически слито съ его душой.

Новались въ „Фрагментахъ“ говоритъ о трехъ родахъ

переводовъ — грамматическомъ, излагающемъ („Verändernd“ и мистическомъ. Третій родъ, въ которомъ идеаль переводимаго („nicht das wirkliche Kunstwerk sondern das Ideal desseeben“), онъ считалъ еще не существеннымъ. Не смѣя и мечтать о приближеніи къ этому идеалу, я и свою задачу „изложенія“ не могу признать вполне исполненной, но вѣрю, что Новались дождется—и именно въ Россіи — „мистическаго“ переводчика.

Василій Гунніусъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

О Ж И Д А Н І Е.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ты. вызвала высокія мечты,
Огромный міръ манилъ въ твоихъ призывахъ.
Дай руку—и сомнѣній нѣтъ пугливыхъ,
Полуночной не страшно темноты.

Въ предчувствіяхъ меня взростила ты,
Со мной на сказочныхъ бродила нивахъ,
И, какъ прообразъ дѣвушекъ счастливыхъ,
Звала къ очарованьямъ чистоты.

Зачѣмъ же сердце съ суетою слито?
И развѣ жизнь и сердце—не твой?
И въ этомъ мірѣ ты мнѣ—не защита?

Меня умчатъ поэзіи ручьи,
Но музѣ милой навсегда открыты
Всѣ замыслы завѣтные мои.

Мѣняясь, исчезая и кружась,
Зоветь насъ пѣсенъ благодная сила.
Тамъ землю мирною рукой укрыла,
Здѣсь юность вѣчную струить на насъ.

Она, какъ свѣтъ для нашихъ слабыхъ глазъ,
Любить прекрасное сердцамъ судила,
Ей упоенъ и бодрый и унылый
Въ молитвенный и опьяненный часъ.

И грудь ея дала мнѣ утolenье;
Ея велѣніемъ я сталъ собой
И поднималъ взоръ отъ прежняго томленья.

Еще дремалъ верховный разумъ мой,
Но, чуя въ ангелѣ ея явленье,
Лечу въ ея рукахъ—и съ ней одной.

О Ж И Д А Н І Е.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Родители уже лежали и спали, стѣнные часы однообразно тикали, за хлопающими окнами свистѣлъ вѣтеръ; комната по временамъ озарялась луннымъ сіяніемъ. Юноша метался на постели и думалъ о незнакомцѣ и его разсказахъ.

— Не сокровища такъ невыразимо привлекають меня,—говорилъ онъ себѣ самому:—жадность чужда моей душѣ: я мечтаю лишь о томъ, чтобы увидѣть голубой цвѣтокъ. Онъ неустанно занимаетъ мои мысли, я не могу ни писать и думать о чемъ-либо другомъ. Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго: точно все прежнее было сномъ, или точно я перенесся во снѣ въ другой міръ. Въ томъ мірѣ, въ которомъ я жилъ, никто бы не сталъ думать о цвѣтахъ; а про такую странную страсть къ цвѣтку я даже никогда и не слыхалъ. Откуда собственно явился незнакомецъ? Никто изъ насъ никогда не видалъ такого человѣка; не знаю, почему только я одинъ былъ такъ потрясенъ его рѣчами; другіе тоже слушали его, но ни съ кѣмъ не случилось того, что было со мной. Не могу даже объяснить словами свое странное состояніе. Я часто ощущаю изумитель-

ную отраду и только когда я не вполне ясно представляю себѣ цвѣтокъ на меня нападаетъ глубокая тревога: этого никто не пойметъ и не можетъ понять. Мнѣ казалось бы, что я сошелъ съ ума, если бы я не сознавалъ все въ себѣ съ такой ясностью, не мыслилъ бы такъ отчетливо; я точно все лучше знаю. Я слышалъ, что въ древнія времена животныя, деревья и скалы разговаривали съ людьми. У меня теперь такое чувство, точно они каждую минуту опять собираются заговорить, и я какъ бы ясно вижу, что они хотятъ мнѣ сказать. Есть, вѣроятно, еще много словъ, которыхъ я не знаю: знай я ихъ больше, я бы могъ лучше все постичь. Прежде я любилъ танцевать, теперь я предпочитаю думать подъ музыку.—Юноша постепенно забылся въ сладкой дремѣ и заснулъ. Ему приснилась сначала безграничная даль и дикія невѣдомыя мѣста. Онъ переплывалъ моря съ непостижимой легкостью; онъ видѣлъ странныхъ звѣрей; онъ жилъ съ различными людьми, то среди битвъ, то въ дикомъ смятеніи, то въ тихихъ селеніяхъ. Онъ попалъ въ плѣнъ и въ страшную нужду. Всѣ ощущенія достигли въ немъ невѣдомой до того напряженности. Онъ прожилъ безконечно пеструю жизнь, умеръ и снова родился, любилъ съ безумной страстью, и затѣмъ снова настала вѣчная разлука съ возлюбленной. Наконецъ, подъ утро, когда стало свѣтать, буря въ его душѣ стихла и образы сдѣлались болѣе ясными и устойчивыми. Ему казалось, что онъ бродитъ одинъ въ темномъ лѣсу. Лишь изрѣдка пробивался свѣтъ сквозь зеленую сѣть. Вскорѣ онъ подошелъ къ ушелю, которое вело вверхъ. Ему пришлось карабкаться по мшистымъ камнямъ, когда-то снесеннымъ внизъ потокомъ. Чѣмъ выше онъ подымался, тѣмъ лѣсъ все болѣе

свѣтлѣль. Наконецъ, онъ дошелъ до маленькаго луга склона горы. За лугомъ высился утесъ, у подножія котораго онъ увидѣлъ отверстіе; оно казалось началомъ прохода, вырубленнаго въ утесахъ. По этому внутреннему ходу онъ шелъ прямо нѣсколько времени и дошелъ до широкаго выхода, откуда сверкнулъ ему на встрѣчу яркій свѣтъ. Приблизившись, онъ увидѣлъ мощный лучъ, поднимавшійся, какъ струя фонтана, до самаго потолка; тамъ онъ разсыпался на безчисленныя искры, которыя собирались внизу въ большомъ бассейнѣ; лучъ сверкалъ какъ зардѣвшееся золото. Не слышно было ни малѣйшаго звука; священная тишина окружала дивное зрѣлище. Онъ приблизился къ бассейну, искрившемуся разноцвѣтными переливами свѣта. Стѣны пещеры были покрыты этой влагой, не горячей, а прохладной; она свѣтилась слабымъ голубоватымъ свѣтомъ. Онъ погрузилъ руку въ бассейнъ и омочилъ свои губы. Его точно пронизало вѣяніе духа, и онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ и освѣженнымъ. Его охватило непреодолимое желаніе выкупаться; онъ снялъ одежду и вошелъ въ бассейнъ. Тогда его точно окутало вечернее облако; небесное чувство охватило его; несчетныя мысли сладострастно сливались въ немъ; возникали новые, никогда невиданные образы, которые тоже сливались и превращались въ воплощенныя существа; и каждая волна нѣжной стихіи льнула къ нему какъ нѣжная грудь. Въ потокѣ точно растворились юныя дѣвы, которыя обрѣтали плоть отъ прикосновенія къ юношѣ.

Опьяненный восторгомъ и все же вполне сознательно воспринимая каждое ощущеніе, онъ медленно плылъ вдоль сверкающаго потока, который вливался изъ бассейна въ

утесы. Его охватила нѣжная дремота, и ему снились неописуемая происшествія; затѣмъ его пробудило новое просвѣтленіе. Онъ очутился на мягкомъ лугу у края ручья, точно вливающегося въ воздухъ и въ немъ исчезающаго. Темно-синія скалы съ пестрыми жилками возвышались на нѣкоторомъ разстояніи; окружавшій его дневной свѣтъ былъ свѣтлѣе и мягче обыкновеннаго; небо было черно-синее и совершенно ясное. Но съ наибольшей силой его привлекалъ голубой цвѣтокъ, который росъ у ручья, касаясь его своими широкими, блестящими листьями. Цвѣтокъ окружали безчисленные другіе цвѣты всевозможной окраски и въ воздухъ носилось чарующее благоуханіе. Но онъ ничего не видѣлъ, кромѣ голубого цвѣтка, который онъ долго разглядывалъ съ невыразимой нѣжностью. Наконецъ ему захотѣлось приблизиться къ цвѣтку; но цвѣтокъ вдругъ зашевелился и видъ его измѣнился; листья сдѣлались болѣе блестящими и прижались къ растущему стеблю, цвѣтокъ склонился къ нему и лепестки образовали широкій голубой воротникъ, изъ котораго выступало нѣжное личико. Его радостное изумленіе все возрастало при видѣ страннаго превращенія, какъ вдругъ его разбудилъ голосъ матери и онъ проснулся въ родительскомъ домѣ, въ комнатѣ, уже озаренной золотыми лучами утренняго солнца. Слишкомъ очарованный, чтобы разсердиться за то, что его разбудили, онъ привѣтливо поздоровался съ матерью и поцѣловалъ ее.

— Ахъ ты соня,—сказалъ отецъ.—Я-то уже давно сижу здѣсь и пилю. Изъ-за тебя мнѣ запретили стучать молоткомъ; мать не хотѣла, чтобы тревожили сонъ ея сына. И завтрака мнѣ тоже еще не даютъ Ты умно сдѣлалъ, что избралъ учительское дѣло; мы для него

трудимся и не спимъ. Но хорошій ученый, какъ мнѣ говорили, тоже долженъ ночей не досыпать, чтобы успѣть изучить великія произведенія мудрыхъ предшественниковъ.

— Милый отецъ,—отвѣтилъ Гейнрихъ,—не гнѣвайтесь за мой долгій сонъ, непривычный у меня. Я очень поздно заснулъ и мнѣ снилось много тревожнаго; потомъ только приснился пріятный сонъ. Его я долго не забуду и мнѣ кажется, что это не былъ простой сонъ.

— Милый Гейнрихъ,—сказала мать,—ты вѣрно легъ на спину, или же думалъ о постороннемъ во время вечерней молитвы. И видъ у тебя какой-то странный. Позавтракай скорѣе, чтобы придти въ себя.

Мать вышла изъ комнаты, а отецъ, продолжая усердно работать, сказалъ:

— Сны ничто какъ пѣна, что бы ни говорили ученые господа; и лучше, если бы ты не предавался бесполезнымъ и вреднымъ мыслямъ. Прошли времена, когда сны соединялись съ божественными откровеніями; мы даже понять не можемъ и никогда не поймемъ, что испытывали тѣ избранники, о которыхъ говорить Библия. Въ то время, вѣроятно, сны были другіе, и все человѣческое было инымъ.

Въ нашъ вѣкъ уже нѣтъ непосредственнаго общенія съ небомъ. Старыя сказанія и писанія единственные источники, изъ которыхъ мы можемъ черпать познанія о надземномъ мірѣ, поскольку намъ это нужно; и вмѣсто прямыхъ откровеній святой духъ общается съ нами теперь черезъ посредство умныхъ и благородныхъ мужей, проявляется въ жизни и въ судьбѣ людей благочестивыхъ. Чудеса нашихъ дней никогда не трогали меня

и никогда я не вѣрилъ въ ихъ великое значеніе, о которомъ говорятъ наши священники. Но, конечно, кто хочетъ, пусть вѣритъ; я не стану смущать ни чьей вѣры.

— Но почему же, милый отецъ, вы такъ возстаете противъ сновъ, которые должны вызывать на размышленія своей легкостью и странными превращеніями? Развѣ всякій, хотя бы самый спутанный сонъ не представляетъ собой нѣчто странное и даже если не кажется испосланнымъ Богомъ, все же какъ бы разрываетъ таинственную завѣсу, которая окутываетъ тысячью складокъ нашу душу? Въ самыхъ мудрыхъ книгахъ есть рассказы достовѣрнѣйшихъ людей о замѣчательныхъ снахъ. Помните сонъ, о которомъ недавно рассказалъ намъ почтенный придворный капелланъ; сонъ этотъ и вамъ показался очень замѣчательнымъ.

Но и помимо чужихъ рассказовъ, если бы вамъ въ первый разъ въ жизни приснился сонъ, до чего бы это удивило васъ. Вы бы считали чудомъ событіе, которое сдѣлалось для насъ будничнымъ. Мнѣ сны кажутся оплотомъ противъ правильности и обыденности жизни, отдыхомъ для скованной фантазіи; она перемѣшиваетъ во снѣ всѣ жизненныя представленія и прерываетъ радостной дѣтской игрой постоянную серьезность взрослого человѣка. Безъ сновъ мы бы, навѣрное, всѣ раньше состарились; и поэтому можно считать сонъ если и не непосредственнымъ даромъ свыше, то все же божественной милостью, дружественнымъ спутникомъ на пути къ Гробу Господню. Сонъ, который я видѣлъ сегодня ночью, навѣрное, не пустая случайность въ моей жизни. Я чувствую, что онъ захватилъ мою душу, какъ большое колесо и властно мчитъ ее вдаль.

Отецъ кротко улыбнулся и сказалъ, взглянувъ на мать, которая вошла въ эту минуту въ комнату:

— Послушай, мать, Гейнрихъ ясно свидѣтельствуешь всѣмъ своимъ существомъ о часѣ, которому онъ обязанъ жизнью. Въ его рѣчахъ кипитъ пламенное итальянское вино, которое я тогда привезъ изъ Рима и которое такъ пьянило всѣхъ на нашемъ свадебномъ пиру. Я былъ въ то время еще другимъ человѣкомъ. Южный воздухъ оживилъ меня, я былъ полонъ отваги и веселья, и ты тоже была горячая, очаровательная дѣвушка. Какой тогда твой отецъ устроилъ дивный пиръ! Музыканты и пѣвцы собрались со всѣхъ сторонъ; въ Аугсбургѣ долго послѣ того не было болѣе веселой свадьбы.

— Вы говорили о снахъ,—сказала мать.—Помнишь, ты мнѣ тогда тоже рассказывалъ о снѣ, который тебѣ приснился въ Римѣ? Сонъ этотъ и побудилъ тебя ѣхать въ Аугсбургъ и просить моей руки.

— Ты какъ разъ во время напомнила мнѣ о немъ,—сказалъ старикъ.—Я совсѣмъ забылъ про тотъ странный сонъ, который долгое время занималъ меня; но онъ подтверждаетъ то, что я говорилъ о снахъ. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе опредѣленное и ясное; я и теперь помню каждую подробность этого сна. Но развѣ въ немъ былъ какой-нибудь смыслъ? То, что я видѣлъ тебя во снѣ и вскорѣ послѣ того охваченъ былъ влеченіемъ къ тебѣ, совершенно естественно; я тебя уже раньше зналъ. Ты сразу плѣнила меня привѣтливой прелестью твоего существа и только жажда увидѣть чужія страны сдерживала мое желаніе обладать тобою. Въ то время, когда мнѣ приснился сонъ, моя любознательность уже въ значительной степени улеглась, и чувство къ тебѣ могло легче одержать верхъ.

— Расскажите намъ тотъ странный сонъ,—сказалъ сынъ.

— Однажды вечеромъ, — началъ отецъ, — я пошелъ

бродить. Небо было чистое; мѣсяць озарялъ древнія колонны и стѣны своимъ блѣднымъ жуткимъ свѣтомъ. Мои товарищи пошли увиваться за дѣвушками и мнѣ тоже не сидѣлось дома; тоска по родинѣ и любовь томили меня. Послѣ долгой ходьбы мнѣ захотѣлось пить, и я вошелъ въ первый встрѣчный деревенскій домъ, чтобы попросить глотокъ вина или молока. Ко мнѣ вышелъ старый человѣкъ, которому я, вѣроятно, показался очень подозрительнымъ гостемъ. Я попросилъ его дать мнѣ напитокъ, и когда онъ узналъ, что я иностранецъ и нѣмецъ, онъ вѣжливо позвалъ меня въ комнату, принесъ бутылку вина, попросилъ меня сѣсть и спросилъ, чѣмъ я занимаюсь. Комната была полна книгъ и разныхъ древностей. Мы вступили въ длинную бесѣду; онъ много рассказывалъ мнѣ о старыхъ временахъ, о художникахъ, о ваятеляхъ и поэтахъ. Никогда еще я не слышалъ такихъ рѣчей. Я какъ бы высадился на берегъ въ новомъ мѣрѣ. Онъ показалъ мнѣ разныя печати и другіе предметы художественной работы, потомъ пламенно прочелъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній и время проходило, какъ единое мгновеніе. И теперь еще сердце мое преисполняется радостью, когда я вспоминаю пестроту дивныхъ мыслей и чувствъ, охватившихъ меня въ ту ночь. Въ языческихъ временахъ онъ чувствовалъ себя какъ дома и страстно рвался въ мечтахъ обратно въ сѣрую древность. Наконецъ онъ провелъ меня въ комнату, гдѣ предложилъ провести остатокъ ночи; было уже слишкомъ поздно, чтобы возвращаться домой. Я вскорѣ заснулъ и мнѣ показалось, точно я въ родномъ городѣ и выхожу за городскія ворота. Я будто долженъ былъ куда-то идти, но не зналъ куда, и не зналъ зачѣмъ. Я быстрыми шагами направился въ горы и на

душѣ было такъ хорошо, точно я спѣшилъ къ вѣнцу. Я шель не по большой дорогѣ, а полемъ черезъ долины и лѣса, и вскорѣ очутился у высокой горы. Поднявшись на вершину ея, я увидѣлъ золотистую равнину и передо мной простиралась вся Тюрингія; никакая гора по близости не застилала мнѣ взоръ. Противъ меня высился темный Гарцъ и я увидѣлъ безчисленные замки, монастыри и деревни. Тогда мнѣ сдѣлалось еще отраднѣе на душѣ и въ ту же минуту мнѣ вспомнился старикъ, у котораго я ночевалъ; мнѣ казалось, что прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я у него былъ. Вскорѣ я увидѣлъ лѣстницу, которая вела въ глубь горы, и сталъ спускаться по ней. Послѣ долгаго времени я очутился въ большой пещерѣ; тамъ сидѣлъ старецъ въ длинной одеждѣ передъ желѣзнымъ столомъ и неотступно глядѣлъ на стоящее передъ нимъ мраморное изваяніе дивно прекрасной дѣвушки. Борода старца проросла черезъ желѣзный столъ и покрывала ему ноги. У него было ласковое, вдумчивое лицо и онъ напомнилъ мнѣ старинное изваяніе, которое я видѣлъ въ этотъ вечеръ у моего хозяина. Пещера была озарена яркимъ свѣтомъ. Когда я такъ стоялъ и смотрѣлъ на старика, мой хозяинъ вдругъ хлопнулъ меня по плечу, взялъ меня за руку и повелъ меня за собой по длиннымъ переходамъ. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ пробиравшійся издали дневной свѣтъ. Я быстро направился къ свѣту и вскорѣ очутился на зеленой равнинѣ. Но все казалось мнѣ не такимъ какъ въ Тюрингіи. Огромныя деревья съ большими блестящими листьями распространяли тѣнь далеко вокругъ себя; было очень жарко, но никакой духоты не чувствовалось. Всюду были ручьи и цвѣты; изъ всѣхъ цвѣтовъ одинъ понравился мнѣ больше всего и

мнѣ казалось, что всѣ другіе цвѣты склоняются передъ нимъ.

— Ахъ, милый отецъ, скажите мнѣ пожалуйста, какого цвѣта былъ этотъ цвѣтокъ?—взволнованно спросилъ сынъ.

— Этого я не помню, хотя все другое совершенно ясно запечатлѣлось въ моей памяти.

— Не былъ ли онъ голубой?

— Возможно,—продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на странное возбужденіе Гейнриха.—Знаю только, что мною овладѣло какое-то невыразимое чувство, и я долго не оборачивался къ моему спутнику. Когда же я взглянулъ на него, то замѣтилъ, что онъ очень внимательно смотрѣлъ на меня и съ искренней радостью улыбался мнѣ. Какъ я ушелъ оттуда, совсѣмъ не помню. Я снова очутился на вершинѣ горы. Мой спутникъ стоялъ подлѣ меня и сказалъ мнѣ: Ты видѣлъ чудо міра. Ты можешь стать самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ и кромѣ того еще прославиться. Запомни, что я тебѣ говорю: если ты въ Ивановъ день придешь сюда подъ вечеръ и отъ души попросишь Господа, чтобы тебѣ дано было понять этотъ сонъ, то на твою долю выпадетъ величайшее земное блаженство. Тогда обрати вниманіе на голубой цвѣтокъ, который ты здѣсь найдешь. Сорви его и смиренно отдайся власти неба. Послѣ того я очутился во снѣ среди дивныхъ существъ и множества людей и неисчислимыя времена проносились передъ моими взорами въ разнообразныхъ измѣненіяхъ. У меня точно развязался языкъ, и то, что я произносилъ, звучало какъ музыка. Потомъ все снова сдѣлалось узкимъ, темнымъ, обыденнымъ; я увидѣлъ передъ собой твою мать съ кроткимъ, стыдливымъ взоромъ. Она держала

въ рукахъ сіяющаго младенца и протянула его мнѣ; тогда младенецъ сталъ вдругъ рости и становился все болѣе свѣтлымъ и сверкающимъ. Потомъ онъ вдругъ поднялся въ высь на ослѣпительно бѣлыхъ крыльяхъ, взялъ насъ обоихъ въ свои объятія и улетѣлъ съ нами такъ высоко, что земля казалась золотымъ блюдомъ, украшеннымъ красивой рѣзбой. Потомъ я помню еще, что снова появились цвѣтокъ, гора и старецъ; но вскорѣ послѣ того я проснулся и почувствовалъ себя охваченнымъ пламенной любовью. Я простился съ моимъ радужнымъ хозяиномъ, который попросилъ меня почаще его навѣщать. Я ему это обѣщалъ и сдержалъ бы слово, но вскорѣ послѣ этого я оставилъ Римъ и помчался въ Аугсбургъ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Ивановъ день миновалъ; мать давно уже собиралась съѣздить въ Аугсбургъ къ отцу съ милымъ внукомъ, котораго онъ еще не зналъ. Нѣсколько купцовъ, добрыхъ друзей стараго Офтердингена, отправлялись туда по торговымъ дѣламъ. Мать рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы выполнить свое желаніе. Ей тѣмъ сильнѣе хотѣлось ѣхать, что уже нѣсколько времени она замѣчала перемѣну въ сынѣ; онъ притихъ и сдѣлался болѣе замкнутымъ, чѣмъ обыкновенно. Она думала, что онъ разстроень или боленъ и полагала, что далекое путешествіе, видъ новыхъ людей и новыхъ странъ, а также, какъ она втайнѣ надѣялась, чары одной изъ ея молодыхъ землячекъ разсѣять его грусть и вернуть ему его прежнюю отзывчивость и жизнерадостность. Отецъ далъ свое со-

новались.

гласіе и Гейнрихъ безконечно обрадовался, что попадетъ въ тотъ край, который уже давно представлялъ себѣ, по рассказамъ матери и нѣкоторыхъ путешественниковъ, какимъ-то раемъ на землѣ и куда часто тщетно стремился попасть.

Гейнриху только что исполнилось двадцать лѣтъ. Онъ никогда еще не уѣзжалъ дальше окрестностей роднаго города: свѣтъ онъ зналъ только по рассказамъ. Книгъ ему тоже мало попадалось на глаза. При дворѣ ландграфа, по обычаю того времени, жизнь была простая и тихая. Пышность и жизненные удобства владѣтельнаго князя едва ли могли бы сравниться съ тѣми удовольствіями, которыя въ позднѣйшее время могъ предоставить себѣ и своей семьѣ, не будучи расточительнымъ, всякій частный человѣкъ со средствами. Но зато любовь къ предметамъ, которыми люди окружали себя въ жизненномъ обиходѣ, была тѣмъ болѣе нѣжной и глубокой. Люди больше цѣнили вещи, больше восхищались ими. Тайна природы и происхожденія простыхъ тѣлъ сама по себѣ привлекала пытливый умъ, а болѣе рѣдкостный даръ обработки предметовъ, романтическая даль, откуда они получались, священное обаяніе старины—болѣе тщательно береженные, предметы становились часто достояніемъ нѣсколькихъ поколѣній—еще болѣе усиливали любовь къ этимъ нѣмымъ свидѣтелямъ жизни. Часто имъ поклонялись, какъ священнымъ залогамъ особаго благословенія, особенной судьбы и съ ихъ сохранностью связывали благополучіе цѣлыхъ государствъ и широкоразвѣтвленныхъ родовъ. Благообразная бѣдность украшала тѣ времена своеобразно вдумчивой и чистой простотой и бережливо распределенныя сокровища тѣмъ ярче блистали въ этихъ сумеркахъ, преисполняя чуткія души волшебными ожиданіями.

Если правда, что нужно искусно распредѣлить свѣтъ, краски и тѣни, чтобы выявить скрытую красоту видимаго міра, ибо этимъ какъ бы создается новое, болѣе проникновенное зрѣніе, то подобнаго рода распредѣленіе существовало тогда повсюду. Сравнительно съ прошлымъ позднѣйшее время, болѣе состоятельное, представляетъ однообразную и болѣе сѣрую картину будничности. Во всѣхъ промежуточныхъ эпохахъ прорывается болѣе высокая духовная сила. Какъ на поверхности земли наиболѣе богатая подземными и надземными сокровищами мѣстности расположены между дикими неприступными горами и необозримыми равнинами, такъ и между вѣками грубаго варварства и эпохами богатства, расцвѣта искусства и науки, расположилась вдумчивая романтическая эпоха, таящая величіе подъ скромнымъ платьемъ. Всякому отрадно бродить въ сумерки, когда ночь, встрѣчаясь со свѣтомъ, и свѣтъ, встрѣчаясь съ ночнымъ мракомъ, разбиваются на болѣе тонкія тѣни и краски; мы охотно поэтому углубляемся въ тѣ годы, когда жилъ Гейнрихъ и когда онъ теперь шель съ открытымъ сердцемъ навстрѣчу новымъ событіямъ. Онъ попросился со своими товарищами и со своимъ учителемъ, старымъ, мудрымъ придворнымъ капелланомъ, который зналъ, какъ богато одаренъ Гейнрихъ и отпустилъ его съ растроганнымъ сердцемъ и тихой молитвой. Ландграфиня была его крестной матерью; онъ часто бывалъ у нея въ Варбургѣ. И теперь онъ тоже отправился передъ отъѣздомъ къ своей покровительницѣ. Она дала ему добрые совѣты, подарила золотую цѣпь и ласково простилась съ нимъ.

Съ грустью покинулъ Гейнрихъ отца и родной городъ. Онъ впервые понялъ, что значила разлука. Когда онъ

только представлялъ себѣ путешествіе въ мечтахъ; это не сопровождалось тѣмъ страннымъ чувствомъ, которое онъ испытывалъ теперь, когда впервые то, что составляло его міръ, оторвалось отъ него и когда его точно выкинуло на чужой берегъ. Безконечно велика юношеская скорбь, когда впервые обнаруживается брэнность того, что должно казаться неискушенной душѣ неразрывно связаннымъ съ самой сущностью бытія, столь же неизмѣннымъ какъ оно. Подобно первому напоминанію о смерти первая разлука остается навсегда памятной; послѣ того, какъ она долго пугала, точно призракъ въ ночи, она становится, наконецъ, при падающей отзывчивости на событія дня, при возрастающемъ стремленіи къ твердому незыблемому міру, добрымъ вожатымъ и утѣшителемъ. Близость матери очень утѣшала юношу. Старый міръ казался не окончательно утраченнымъ и онъ льнулъ къ нему съ удвоенной нѣжностью. Было раннее утро, когда путники выѣхали верхомъ изъ воротъ Эйзенаха и утренній полусвѣтъ былъ отраденъ взволнованнымъ чувствамъ Гейнриха. По мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе, передъ его взорами все яснѣе выступали новыя незнакомыя мѣста; и когда съ высоты холма покинутая мѣстность вдругъ озарилась восходящимъ солнцемъ, въ душѣ изумленного юноши проснулись старыя пѣсни его души, нарушая ходъ его печальныхъ мыслей. Онъ увидѣлъ себя на порогѣ той дали, въ которую часто и тщетно вглядывался съ близкихъ горъ и которую рисовалъ себѣ въ небывалыхъ краскахъ. Теперь онъ окупнется въ ея синій потокъ. Чудесный цвѣтокъ стоялъ передъ нимъ и онъ оглянулся на Тюрингію, которую теперь оставлялъ позади себя, съ страннымъ предчувствіемъ, что послѣ долгихъ скитаній онъ вернется на

свою родину съ той стороны, въ которую онъ теперь направляется, и что поэтому онъ въ сущности свершаетъ теперь обратный путь домой. Путники, которые всѣ сначала притихли по такимъ же причинамъ, какъ Гейнрихъ, понемногу оживились и стали сокращать время разговорами и рассказами. Мать Гейнриха, желая отвлечь сына отъ думъ, въ которыя онъ погрузился, стала рассказывать ему о своей родинѣ, о домѣ отца и о веселой жизни въ Швабіи. Купцы тоже вмѣшались въ разговоръ; они всѣ подтверждали рассказы матери, восхваляли гостепріимство стараго Шванинга, и говорили о томъ, какъ красивы женщины въ странѣ ихъ спутницы.

— Хорошо, что вы везете туда вашего сына,—говорили они.—Нравы вашей родины болѣе мягкіе, люди тамъ обходительные. Они умѣютъ заботиться о полезномъ, не пренебрегая пріятнымъ. Каждый старается удовлетворить своимъ потребностямъ съ очаровательнымъ радушіемъ. Купцамъ отъ этого хорошо и они въ почетѣ. Искусства и ремесла процвѣтаютъ и облагораживаются. Трудолюбивымъ работа кажется болѣе легкой, потому что она доставляетъ много удобствъ. Взявъ на себя однообразный трудъ, человѣкъ за то пріобрѣтаетъ увѣренность, что сможетъ насладиться пестротой различныхъ пріятныхъ занятій. Деньги, трудъ и товары погоняютъ другъ друга въ быстромъ вращеніи, содѣйствуя расцвѣту города и деревни. Чѣмъ усерднѣе производительная энергія пользуется днями, тѣмъ исключительнѣе вечера посвящаются очарованіямъ искусства и общества. Душа жаждетъ отдыха и разнообразія, а гдѣ найти и то и другое въ болѣе благопрістойномъ и обаятельномъ видѣ, чѣмъ въ свободныхъ играхъ и въ произведеніяхъ благороднѣйшей силы духа, проникновеннаго

творчества? Нигдѣ не услышишь столь пріятныхъ пѣвцовъ, нигдѣ нѣтъ такихъ великолѣпныхъ живописцевъ нигдѣ не увидишь въ танцевальныхъ залахъ болѣе легкія движенія, болѣе очаровательныхъ женщинъ. Близость Италіи сказывается въ непринужденномъ обращеніи и въ прелести рѣчей. Женщинамъ разрѣшается украшать общество своимъ присутствіемъ; не страшась злословія, онѣ могутъ привѣтливо вызывать соперничество въ желаніи имъ понравиться. Суровая сосредоточенность и дикая необузданность мужчинъ уступаетъ мѣсто мягкой живости и скромной тихой веселости, и любви становится въ тысячи воплощеніяхъ душой этихъ радостныхъ собраний. Это не только не порождаетъ непристойной вольности, а, напротивъ того, все злое какъ бы бѣжитъ отъ столь чистой прелести и во всей Германіи, навѣрное, нѣтъ болѣе добродѣтельныхъ дѣвушекъ и болѣе вѣрныхъ женъ, чѣмъ въ Швабіи.

— Да, юный другъ, въ ясномъ, тепломъ воздухѣ южной Германіи вы сбросите съ себя свою суровую застѣнчивость; веселыя дѣвушки сдѣлаютъ васъ словоохотливымъ и общительнымъ. Уже то, что вы чужеземецъ, а также ваше близкое родство со старикомъ Шванингомъ, душой всякаго веселаго собранія, обратитъ на васъ очаровательные взоры дѣвушекъ; и если вы послѣдуете совѣтамъ вашего дѣдушки, то, навѣрное, подарите нашему родному городу такое же украшеніе въ лицѣ прекрасной жены, какъ вашъ отецъ.

Мать Гейнриха, покраснѣвъ, ласково поблагодарила за прекрасную похвалу ея родинѣ и за хорошее мнѣніе объ ея соотечественницахъ; задумчивый Гейнрихъ тоже слушалъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ рассказы о странѣ, знакомство съ которой ему предстояло.

— Хотя,—продолжали купцы,—вы и не будете продолжать занятіе вашего отца, предпочитая, какъ мы слышали, ученія занятія, все же, вѣдь, вамъ нѣтъ надобности сдѣлаться священникомъ и отказаться отъ величайшихъ земныхъ наслажденій. Очень печально, что наука сдѣлалась достояніемъ сословія, столь чуждаго мірской жизни. Печально и то, что князья окружены такими необщительными и незнающими жизни людьми. Они живутъ въ одиночествѣ, не принимая участія въ ходѣ мірскихъ дѣлъ, и мысли ихъ поэтому уклоняются въ сторону и не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ Швабіи вы встрѣтите истинно умныхъ и знающихъ людей среди мірянъ, и какую бы вы ни выбрали область человѣческихъ знаній, у васъ не будетъ недостатка въ наилучшихъ учителяхъ и совѣтчикахъ.

Помолчавъ, Гейнрихъ, которому вспомнился при этихъ словахъ его другъ, придворный капелланъ, сказалъ: — Хотя, при моемъ незнаніи жизни, я и не могу спорить съ вами относительно неприспособленности духовныхъ лицъ къ пониманію мірскихъ дѣлъ, все же позвольте мнѣ напомнить вамъ о нашемъ почтенномъ придворномъ капелланѣ. Онъ-то ужъ несомнѣнно образецъ мудраго человѣка, и его поученія и совѣты останутся для меня незабвенными.

— Мы отъ всей души почитаемъ этого прекраснаго человѣка,—отвѣтили купцы,—но все же мы можемъ согласиться съ вами въ томъ, что онъ мудрый человѣкъ лишь поскольку вы говорите о мудрости богоугодной жизни. Если же вы его считаете столь же умнымъ въ житейскомъ смыслѣ, насколько онъ свѣдуецъ и опытенъ въ дѣлѣ спасенія души, то позвольте намъ быть другого мнѣнія. Но мы полагаемъ, что это нисколько не умаляетъ

заслуживающихъ всякой похвалы достоинствъ святого мужа; онъ только слишкомъ погруженъ въ мысли о небесномъ, чтобы понимать еще кромѣ того и земныя дѣла.

— Но мнѣ кажется,—возразилъ Гейнрихъ,—что это высшее знаніе помогаетъ безпристрастно управлять человѣческими дѣлами. Такая дѣтская непосредственная простота можетъ вѣрнѣе провести черезъ лабиринтъъ человѣческихъ дѣлъ, чѣмъ разумъ, ограниченный, вводимый въ заблужденіе корыстными побужденіями, ослѣпленный неисчерпаемымъ числомъ новыхъ случайностей и запутанныхъ обстоятельствъ. Не знаю, правъ ли я, но я вижу два пути, ведущіе къ пониманію исторіи человѣка. Одинъ путь, трудный и необозримо-далекій, съ безчисленными изгибами—путь опыта; другой, совершаемый какъ бы однимъ прыжкомъ—путь внутренняго созерцанія. Тотъ, кто идетъ по первому пути, долженъ выводить одно изъ другого, дѣлая длинный подсчетъ, а кто идетъ по другому—постигаетъ непосредственно сущность каждаго событія, каждаго явленія, созерцаетъ его во всѣхъ его живыхъ разнообразныхъ соотношеніяхъ и можетъ легко сравнить его со всѣми другими, какъ фигуры, начертанныя на доскѣ. Простите, если я говорю точно изъ дѣтскихъ сновъ только вѣра въ вашу доброту и воспоминаніе объ учителѣ, который указалъ мнѣ издалека на второй путь, какъ на свой собственный, придаетъ смѣлость моимъ рѣчамъ.

— Мы охотно сознаемся, — сказали добродушные купцы,—что не можемъ слѣдить за ходомъ вашихъ мыслей: все же намъ пріятно, что вы съ такой теплотой вспоминаете о вашемъ прекрасномъ учителѣ и такъ хорошо, повидимому, усвоили себѣ его ученіе. Намъ представляется, что у васъ есть предрасположеніе къ тому,

чтобы сдѣлаться поэтомъ. Вы такъ свободно говорите о явленіяхъ вашей душевной жизни и у васъ нѣтъ недостатка въ изысканныхъ выраженіяхъ и подходящихъ сравненіяхъ. Вы также склонны къ чудесному, а это стихія поэтовъ.

— Не знаю,-- сказалъ Гейнрихъ,-- какъ это случилось: я уже часто слышалъ про поэтовъ и пѣвцовъ, но никогда ни одного не видалъ. Я даже не могу составить себѣ яснаго представленія объ ихъ удивительномъ искусствѣ, а все же у меня есть страстное желаніе узнать что-нибудь о немъ. Мнѣ кажется, я бы тогда многое яснѣе понималъ, о чемъ теперь лишь смутно догадываюсь. О стихахъ мнѣ часто говорили, но я никогда не видѣлъ ни одного стихотворенія и мой учитель никогда не имѣлъ случая изучить поэзію. Все, что онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, было для меня не ясно. Но онъ всегда утверждалъ, что поэзія благородное искусство, которому я бы весь отдался, если бы когда-нибудь постигъ его. Въ старыя времена, по его словамъ, оно было гораздо болѣе распространено и всякій кое-что зналъ о немъ, причемъ больше одинъ отъ другого. Мой учитель говорилъ также, что поэзія была сестрой другихъ исчезнувшихъ нынѣ дивныхъ искусствъ, что поэты отмѣчены высокой милостью неба и потому, вдохновляемые невидимой божественной близостью, могутъ въ чарующихъ звукахъ возвѣщать на землѣ небесную мудрость.

Купцы сказали на это:--Мы, правда, никогда не интересовались тайнами поэтовъ, но все же слушали съ удовольствіемъ ихъ пѣсни. Быть можетъ вѣрно, что нужно особое расположеніе свѣтилъ для того, чтобы родился на свѣтъ поэтъ, ибо, дѣйствительно, искусство это

чрезвычайно своеобразное. Всѣ другія искусства очень отличны отъ поэзіи и всѣ они гораздо болѣе понятны. То, что созидаютъ живописцы и музыканты, виднѣе; ихъ искусству можно научиться при условіи прилежанія и терпѣнія. Звуки заключены уже въ струнахъ и нужна только бѣглость, чтобы приводить ихъ въ движеніе и извлекать изъ нихъ звуки въ красивомъ сочетаніи. Въ живописи великолѣпнѣйшимъ учителемъ является сама природа. Она создаетъ безчисленныя прекрасныя и странныя фигуры, даетъ краски, свѣтъ и тѣни, такъ что достаточно умѣлая рука, вѣрный глазъ и умѣніе готовить и смѣшивать краски даютъ возможность въ совершенствѣ воспроизводить природу. Вполнѣ понятна поэтому привлекательность этихъ искусствъ, любовь къ художественнымъ произведеніямъ. Пѣніе соловья, свистъ вѣтра и прелесть красокъ, игра свѣта, прекрасныя существа нравятся намъ, пріятно волнуя наши чувства. И такъ какъ наши чувства таковы, потому что такими ихъ создала природа, создавшая и все другое, то и воспроизведеніе природы въ искусствѣ тоже должно намъ нравиться.

Природа хочетъ сама ощутить свое великое мастерство и поэтому она претворилась въ людей и, такимъ образомъ, созерцаетъ въ нихъ свое величіе, отдѣляетъ отъ предметовъ ихъ пріятность и обаяніе и создаетъ и то и другое отдѣльно для того, чтобы разнообразнѣйшимъ образомъ всюду и всегда имъ наслаждаться. Поэзія же, напротивъ того, не создаетъ ничего внѣшне осязательнаго. Кромѣ того, она не производитъ ничего руками или орудіями. Зрѣніе и слухъ не воспринимаютъ поэзію, ибо слышать слова не значитъ еще испытывать чары этого таинственнаго искусства. Оно все сосредоточено внутри. Подобно

тому, какъ въ другихъ искусствахъ художники доставляютъ пріятныя ощущенія внѣшнимъ чувствамъ, поэтъ наполняетъ новыми, дивными и пріятными мыслями святую души. Онъ умѣетъ пробуждать въ насъ по желанію тайныя силы и открываетъ намъ черезъ посредство словъ невѣдомый обаятельный міръ. Точно изъ глубокихъ пещеръ поднимаются минувшія и грядущія времена, предстаютъ передъ нами безчисленные люди, дивныя мѣстности и самыя странныя событія, отрывая насъ отъ знакомой дѣйствительности. Мы слышимъ невѣдомыя слова и все же знаемъ, что они должны означать. Изреченія поэта имѣютъ волшебную силу и самыя простыя слова выливаются въ прекрасныя звуки и опьяняютъ очарованнаго слушателя.

— Вы превращаете мое любопытство въ пламенное нетерпѣніе,—сказаль Гейнрихъ.—Разскажите мнѣ, прошу васъ, о всѣхъ пѣвцахъ, которыхъ вы слышали. Мнѣ хотѣлось бы безъ конца слушать про этихъ особенныхъ людей. Мнѣ вдругъ кажется теперь, что я уже когда-то, въ самой ранней юности, слышалъ про нихъ, но я не могу ничего вспомнить. То, что вы говорите, мнѣ чрезвычайно ясно и знакомо, и вы доставляете мнѣ необычайное удовольствіе вашими прекрасными описаніями—

— Намъ самимъ пріятно вспомнить, — продолжали купцы,—о многихъ пріятныхъ часахъ, проведенныхъ въ Италіи, во Франціи и въ Швабіи въ обществѣ пѣвцовъ, и мы рады, что вы съ такимъ интересомъ внимаете намъ.

Когда путешествуешь въ горахъ, бесѣда становится вдвойнѣ пріятной и время летитъ незамѣтно. Можетъ быть, васъ займутъ нѣсколько интересныхъ разсказовъ про пѣвцовъ, которые мы слышали во время путешествій. О томъ, что намъ пѣли пѣвцы, мы можемъ мало сказать,

потому что радость и возбужденіе минуты мѣшаютъ все запомнить, а, кромѣ того, постоянныя торговыя дѣла тоже стерли многое, что осталось въ памяти.

Въ старыя времена вся природа была, вѣроятно, болѣе живая и воспріимчивая, чѣмъ въ наше время. Многое, что теперь, кажется, едва замѣчаютъ даже звѣри и что чувствуютъ и съ наслажденіемъ воспринимаютъ только люди, въ то время ощущалось даже бездушными предметами; поэтому люди, обладавшіе высокимъ художественнымъ даромъ, создавали тогда много такого, что намъ теперь кажется невѣроятнымъ и сказочнымъ. Такъ въ древнія времена, въ предѣлахъ теперешняго греческаго государства, какъ намъ рассказывали путешественники, заставшіе еще тамъ эти преданія въ простомъ народѣ, были поэты, которые будили странными звуками волшебныхъ инструментовъ тайную жизнь лѣсовъ, духовъ, спрятанныхъ въ стволахъ деревьевъ, оживляли мертвыя сѣмена растеній въ дикихъ мѣстностяхъ и создавали тамъ цвѣтушіе сады, укрощали дикихъ звѣрей, смягчали нравы дикарей, вызывали въ нихъ кроткія чувства, насаждали мирныя искусства, превращали дикіе потоки въ тихія воды и даже увлекали мертвые камни въ стройныя движенія мѣрнаго танца. Говорятъ, что они были одновременно предвѣщателями и жрецами, законодателями и врачами: своимъ волшебствомъ они вызывали высшія существа, которыя открывали имъ тайны грядущаго, гармонию и естественный строй всего земного, а также свойства и цѣлебныя силы чиселъ, растеній и всѣхъ существъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гласитъ преданіе, и возникло разнообразіе звуковъ, а также странныя влеченія и сочетанія въ природѣ; до того все было дико, безпорядочно и враждебно. Странно только то, что хотя

эти прекрасные слѣды и остались на память о тѣхъ благодѣтеляхъ человѣческаго рода, но самое ихъ искусство или же тонкое чутье природы утратилось. Въ тѣ времена случилось однажды, что одинъ изъ этихъ удивительныхъ поэтовъ или музыкантовъ—въ сущности музыка и поэзія одно и тоже и также связаны какъ ротъ и уши, такъ какъ ротъ только подвижное и отвѣчающее ухо—собирался ѣхать за море въ чужую страну; у него было множество драгоценностей и прекрасныхъ вещей, которыя люди дарили ему изъ благодарности. Онъ увидѣлъ у берега корабль, владѣльцы котораго выказывали готовность повезти его туда, куда онъ желалъ, за предложенную имъ плату. Но блескъ и красота его сокровищъ вскорѣ возбудили ихъ жадность; они уговорились между собой выбросить пѣвца въ море, а затѣмъ раздѣлить между собой его имущество. Выйдя въ море, они напали на него и сказали, что ему предстоитъ смерть, такъ какъ они рѣшили бросить его въ воду. Онъ сталъ трогательно просить ихъ о пощадѣ, предложилъ имъ въ качествѣ выкупа свои сокровища и предсказалъ имъ большое несчастіе, если они выполнятъ свое намѣреніе. Но ни то ни другое не подѣйствовало на нихъ; они боялись, что онъ потомъ выдастъ тайну ихъ злодѣйскаго умысла. Увидавъ, что они такъ твердо стоять на своемъ, онъ попросилъ ихъ дозволить ему, по крайней мѣрѣ, сыграть и спѣть передъ смертью свою лебединую пѣсню и обѣщалъ имъ послѣ того добровольно броситься въ море на ихъ глазахъ со своимъ простымъ деревяннымъ инструментомъ въ рукахъ. Они отлично знали, что если услышатъ его волшебную пѣсню, то сердца ихъ смягчатся и души ихъ охватитъ раскаяніе; поэтому они рѣшили хотя и исполнить его послѣднюю

просьбу, но во время пѣнія заткнуть себѣ уши, чтобы не услышать звука его голоса и не отказаться отъ своего рѣшенія. Такъ все и произошло. Пѣвецъ запѣлъ дивную, бесконечно трогательную пѣсню. Весь корабль вторилъ ему, волны звучали, солнце и звѣзды появились вмѣстѣ на небѣ, а изъ зеленыхъ водъ вынырнули пляшущія стаи рыбъ и морскихъ чудовищъ. Только люди на кораблѣ стояли съ враждебными лицами, крѣпко заткнувъ уши, и ожидали съ нетерпѣнiемъ конца пѣсни. Вскорѣ пѣнiе кончилось. Тогда пѣвецъ съ яснымъ челомъ прыгнулъ въ темную бездну, держа въ рукѣ свой волшебный инструментъ. Но едва только онъ коснулся сверкающихъ волнъ, какъ тотчасъ же подъ нимъ очутилась широкая спина одного изъ благодарныхъ ему за пѣсни морскихъ чудовищъ, и оно уплыло, умчавъ на себѣ изумленнаго пѣвца. Въ скоромъ времени оно примчало его къ берегу, куда онъ направлялся, и мягко вынесло его на прибрежный камышъ. Пѣвецъ спѣлъ своему спасителю радостную пѣсню въ знакъ благодарности и ушелъ. Нѣсколько времени спустя онъ ходилъ однажды одинъ по морскому берегу и сталъ изливать въ сладостныхъ звукахъ свою печаль объ утраченныхъ сокровищахъ, столь дорогихъ ему, какъ память о счастливыхъ часахъ и какъ знаки любви и благодарности. Въ то время какъ онъ пѣлъ, среди моря вдругъ появился его старый другъ и, радостно приблизившись къ берегу, выкинулъ на песокъ изъ пасти похищенныя сокровища. Послѣ того, какъ пѣвецъ прыгнулъ въ море, начался дѣлежъ оставленныхъ имъ сокровищъ; дѣлежъ этотъ привелъ къ спорамъ и кончился кровопролитной свалкой, стоившей жизни большинству спорщиковъ; тѣ немногіе, которые остались въ живыхъ, не умѣли управлять кораблемъ, и онъ скоро

стукнулся о берегъ, разбился и пошелъ ко дну. Моряки едва спасли свою жизнь и вернулись на берегъ съ пустыми руками и въ разорванномъ платьѣ; такимъ образомъ, при помощи благодарнаго морского животнаго, нашедшаго сокровища на днѣ морскомъ, они вернулись въ руки своего прежняго владѣльца.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

— Другой разсказъ, — продолжали купцы, помолчавъ, — не такой чудесный и относится къ болѣе позднему времени; но и онъ вамъ, быть можетъ, понравится и еще ближе познакомитъ васъ съ могуществомъ того дивнаго искусства. Нѣкій старый король жилъ съ большой пышностью. Со всѣхъ сторонъ къ его двору стекались люди, чтобы раздѣлить великолѣпіе его жизни; на ежедневныхъ празднествахъ не было недостатка въ обильныхъ явствахъ, въ музыкѣ, въ дивномъ убранствѣ и одеждахъ, въ тысячи разнообразныхъ зрѣлищъ и увеселеній, а также въ умныхъ, пріятныхъ и ученыхъ людяхъ для бесѣды и развлечения, въ красивыхъ, обаятельныхъ юношахъ и дѣвушкахъ, составляющихъ всегда душу пріятныхъ пиршествъ. У стараго короля, строгаго и суроваго по природѣ, было два влеченія, побуждавшихъ его содержать свой пышный дворъ и такъ прекрасно устроить его. Одно влеченіе его была нѣжность къ дочери, безконечно дорогой ему, какъ память о его рано умершей женѣ, а также потому, что она была невыразимо прекрасна; онъ бы охотно отдалъ всѣ сокровища природы и всю силу человѣческаго духа, чтобы создать ей рай на землѣ. Другимъ

влеченіемъ была его страстная любовь къ поэзіи и ея творцамъ. Онъ съ юности съ глубокимъ наслажденіемъ читаль произведенія поэтовъ, потратилъ много усердія и большія деньги на то, чтобы собрать ихъ произведенія на всѣхъ языкахъ, и всегда выше всего цѣнилъ общество пѣвцовъ. Онъ привлекалъ ихъ къ своему двору отовсюду и осыпалъ ихъ почестями. Онъ готовъ былъ безпрерывно слушать ихъ пѣсни и часто забывалъ самыя важныя дѣла и даже ѣду и питье ради новой увлекательной пѣсни. Дочь его выросла среди пѣсень и вся ея душа была нѣжной пѣснью, простымъ выраженіемъ скорби и тоски. Благотворное вліяніе пѣвцовъ, пользовавшихся почетомъ и покровительствомъ, сказывалось во всей странѣ и въ особенности при дворѣ. Жизнью наслаждались медленными, маленькими глотками, какъ очаровательнымъ питьемъ и съ тѣмъ болѣе чистой радостью, что всѣ низменная злая страсти разсѣивались отъ звуковъ нѣжнаго, созвучнаго настроенія, царившаго во всѣхъ душахъ. Душевное спокойствіе и блаженное внутреннее созерцаніе самобытно созданнаго счастливаго міра сдѣлались достояніемъ этого дивнаго времени, и о распряхъ говорилось только въ старинныхъ поэтическихъ сказаніяхъ, какъ о существовавшихъ встарь врагахъ человѣчества. Духи пѣснопѣнія дали, казалось, своему покровителю очаровательнѣйшій знакъ своей благодарности въ лицѣ его дочери, обладавшей всѣмъ, что самое нѣжное воображеніе можетъ соединить въ прелестномъ образѣ дѣвушки. На прекрасныхъ пирахъ она появлялась, окруженная милыми подругами, въ сверкающемъ бѣломъ платьѣ, слушала съ глубокимъ вниманіемъ пѣніе вдохновенныхъ пѣвцовъ во время поэтическихъ состязаній и, краснѣя, возлагала бла-

гоуханный вѣнокъ на кудри счастливица, пѣсня котораго одерживала побѣду. Въ эти минуты она казалась воплощенной душой дивнаго искусства, созидающаго волшебные звуки и, глядя на нее, переставали удивляться восторгамъ и пѣснямъ поэтовъ.

Но надъ этимъ земнымъ раемъ витала таинственная судьба. Единственное, что заботило все населеніе, было замужество юной принцессы; отъ него зависѣло продленіе блаженства и судьба всей страны. Король становился все болѣе старымъ. Онъ самъ былъ сильно озабоченъ и все же не было никакихъ видовъ на такое замужество принцессы, которое могло бы всѣхъ удовлетворить. Священное благоговѣніе передъ королевскимъ домомъ не позволяло никому изъ подданныхъ даже мечтать объ обладаніи принцессой. На нее смотрѣли, какъ на существо неземное и всѣ чужеземные принцы, которые появлялись при дворѣ съ притязаніями на ея руку, казались неизмѣримо ниже ея; никому даже въ голову не приходило, что принцесса или король могутъ обратить взоръ на кого-нибудь изъ нихъ. Сознаніе своего ничтожества постепенно отпугнуло всѣхъ прежнихъ претендентовъ и слухи о непреклонной гордости королевской семьи отнимало и у новыхъ охоту подвергаться униженіямъ. Это слухи имѣли нѣкоторое основаніе. При всей своей кротости король почти невольно увѣровалъ въ свое величіе, и мысль о бракѣ дочери съ человѣкомъ болѣе низкаго и темнаго происхожденія была для него нестерпима. Ея исключительно высокія качества все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ эти чувства. Онъ былъ родомъ изъ древнихъ восточныхъ царей. Жена его была послѣдней въ знаменитомъ родѣ героя Рустаана. Пѣвцы короля неустанно пѣли ему про его родство съ новались.

прежними сверхчеловѣческими властителями міра, и въ волшебномъ зеркалѣ поэзіи превосходство его надъ всѣми другими людьми и величіе его рода представлялись ему еще болѣе ярко; ему казалось, что онъ связанъ съ остальнымъ человѣчествомъ только черезъ посредство болѣе благороднаго сословія пѣвцовъ. Онъ тщетно искалъ второго Руста и печалился, такъ какъ чувствовалъ, что сердце его расцвѣтающей дочери, интересы государства и его старость дѣлають ея бракъ во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно желательнымъ.

Неподалеко отъ столицы жилъ въ уединенномъ помѣстьи старикъ, который всецѣло занятъ былъ воспитаніемъ своего единственнаго сына и, кромѣ того, лечилъ сельское населеніе въ случаяхъ тяжкихъ болѣзней. Его сынъ былъ вдумчиваго нрава и предавался изученію природы; отецъ руководилъ занятіями сына съ его дѣтскихъ лѣтъ. Старикъ за нѣсколько лѣтъ до того пріѣхалъ издалека въ этотъ мирный цвѣтущій край и тихо наслаждался благотворнымъ миромъ, водвореннымъ заботами короля. Онъ пользовался тишиной для изученія силъ природы и передавалъ свои увлекательныя знанія сыну, который выказывалъ большой интересъ къ нимъ; его глубокой душѣ природа охотно довѣряла свои тайны. Лицо юноши казалось обыкновеннымъ и незначительнымъ тѣмъ, кто не умѣлъ подмѣчать высшимъ чутьемъ сокровенное въ очертаніяхъ его благороднаго лица и въ необычайной ясности его глазъ. Но чѣмъ дольше на него смотрѣли, тѣмъ онъ казался привлекательнѣе, и трудно было оторваться отъ бесѣды съ нимъ, слыша его нѣжный проникновенный голосъ и его очаровательныя рѣчи. Однажды принцесса, сады которой примыкали къ лѣсу, окружавшему помѣстье старика въ маленькой долинѣ, поѣхала

одна верхомъ въ лѣсъ, чтобы свободно отдаться своимъ мечтамъ, повторяя про себя прекрасныя пѣсни. Прохлада высокаго лѣса увлекала ее все дальше въ тѣнистую глубину и наконецъ она пріѣхала въ помѣстье, гдѣ жилъ старикъ съ сыномъ. Ей захотѣлось выпить молока; она сошла съ лошади, привязала ее къ дереву и вошла въ домъ попросить глотокъ молока. Сынъ старика, увидѣвъ ее, почти испугался при волшебномъ появленіи величественной дѣвушки, украшенной всѣми чарами юности и красоты и почти обожествленной неопи-сваемо чарующей прозрачностью нѣжной, невинной и благородной души. Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, спѣша выполнить ея просьбу, звучавшую какъ пѣніе духовъ; старикъ же со скромной почтительностью подошелъ къ ней и пригласилъ ее сѣсть у простого очага, расположеннаго по срединѣ комнаты; легкое голубое пламя безшумно поднималось вверхъ изъ глубины очага. Ее съ перваго взгляда поразила комната, украшенная множествомъ рѣдкихъ предметовъ, чистота и порядокъ въ домѣ, а также удивительная святость во всемъ; это впечатлѣніе еще усилилось привидѣ почтеннаго старца въ простой одеждѣ и его скромнаго, благовоспитаннаго сына. Старикъ сразу призналъ въ ней, по ея роскошной одеждѣ и благородной осанкѣ, особу, имѣющую отношеніе ко двору. Пока сына не было въ комнатѣ, она стала спрашивать старика о нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ, которыя болѣе всего бросились ей въ глаза, въ особенности о нѣсколькихъ странныхъ старинныхъ картинахъ, стоявшихъ рядомъ съ ея стуломъ у очага; онъ съ готовностью далъ ей увлекательныя объясненія. Сынъ вскорѣ вернулся съ кувшиномъ свѣжаго молока и передалъ ей его непринужденно и вмѣстѣ съ тѣмъ почти-

тельно. Послѣ приятной бесѣды съ отцомъ и съ сыномъ она поблагодарила ихъ за гостепріимство и, краснѣя, попросила у старика дозволенія побывать у нихъ снова, чтобы насладиться его поучительными рѣчами о столькихъ замѣчательныхъ предметахъ. Послѣ того она сѣла на лошадь и уѣхала домой, не выдавъ себя, когда убѣдилась, что отецъ и сынъ не знаютъ ее. Несмотря на близость столицы, оба они такъ ушли въ работу, что избѣгали общенія съ людьми; у юноши никогда не являлось поэтому желанія побывать на придворныхъ празднествахъ. Къ тому же онъ никогда не оставлялъ отца болѣе, чѣмъ на часъ, когда уходилъ побродить по лѣсу въ поискахъ бабочекъ, жуковъ и растеній, и внималъ внушеніямъ тихаго духа природы черезъ посредство его разнообразныхъ внѣшнихъ проявленій. Для старика, для принцессы и для юноши простое происшествіе пріобрѣло одинаково большое значеніе. Старикъ сразу замѣтилъ, какое глубокое впечатлѣніе незнакомка произвела на его сына, и онъ достаточно его зналъ, чтобы понять, что всякое глубокое впечатлѣніе останется въ душѣ его на всю жизнь. Его молодость и нетронутость должны были претворить первое ощущеніе такого рода въ непреодолимое чувство. Старикъ уже давно ждалъ такого событія. Благородная прелесть незнакомки невольно внушала ему симпатію и его довѣрчивая душа не тревожилась о дальнѣйшемъ въ развитіи страннаго происшествія. Принцесса никогда еще не испытывала такого состоянія какъ то, въ которомъ медленно возвращалась домой. Она была во власти смутнаго, странно-колеблющагося впечатлѣнія отъ новаго міра, и это не давало возникнуть никакой опредѣленной мысли. Волшебное покрывало окутывало широкими складками ея ясное созна-

ніе. У нея было такое чувство, точно она очутилась бы въ неземномъ мірѣ, если бы покрывало откинулось. Воспоминаніе о поэзіи, которая до того занимала всю ея душу, превратилось въ далекую пѣсню, соединявшую ея странно-очаровательную грезу съ минувшими временами. Когда она вернулась во дворець, она почти испугалась его великолѣпія и пестрой суеты; и еще болѣе устало ея привѣтствіе отца, лицо котораго впервые въ ея жизни внушило ей благоговѣніе и робость. Ей показалось необходимымъ не упомянуть о своемъ приключеніи. Всѣ достаточно привыкли къ ея грезамъ, къ ея глубоко-задумчивому взгляду, чтобы увидѣть въ немъ что-либо необычное. Ея прежнее веселое настроеніе исчезло; ей казалось, что она окружена чужими. Станный страхъ охватилъ ея душу и длился до вечера. Тогда только ее утѣшила, навѣявъ счастливыя грезы, радостная пѣсня одного поэта, который превозносилъ надежду и увлекательно пѣлъ о чудесахъ вѣры въ исполненіе желаній.

Юноша тотчасъ же послѣ ея ухода ушелъ въ чашу лѣса. Держась края дороги, онъ послѣдовалъ за нею черезъ кусты до воротъ въ паркъ и потомъ вернулся по дорогѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ у ногъ своихъ свѣтлое сіяніе. Онъ наклонился и поднялъ темно-красный камень, который съ одной стороны сверкалъ необычайнымъ блескомъ; на другой его сторонѣ вырѣзаны были непонятные знаки. Онъ увидѣлъ, что это драгоценный карбункулъ и ему какъ будто вспомнилось, что камень этотъ носила незнакомка посрединѣ своего ожерелья. Онъ поспѣшилъ окрыленнымъ шагомъ домой, точно надѣясь, что она еще тамъ, и принесъ камень отцу. Они рѣшили, что сынъ на слѣдующее же утро пойдетъ обратно по дорогѣ и будетъ ждать, не

ищутъ ли камень, и тогда его отдастъ. Если же этого не случится, то они рѣшили подождать вторичнаго посѣщенія незнакомки, чтобы вручить камень ей самой. Юноша созерцалъ карбункуль почти цѣлую ночь и подь утро ощутилъ неотразимое желаніе написать нѣсколько словъ на бумажкѣ, въ которую онъ завернулъ камень. Онъ самъ въ точности не зналъ, что представлялъ себѣ и о чемъ думалъ, когда писалъ слѣдующія слова:

Въ его крови, сіяющей и знойной,
 Загадочныя вижу письмена.
 Не такъ ли въ сердцѣ вѣченъ ликъ спокойный?
 И ты, безвѣстная, отражена?
 Изъ камня брызжетъ искръ потокъ нестройный,
 Во мнѣ лучей колеблется волна.
 Изъ камня къ свѣту скрытый свѣтъ струится.
 Не сердце-ль сердца и во мнѣ таятся?

Едва наступило утро, какъ онъ отправился уже въ путь и поспѣшилъ къ воротамъ сада.

Тѣмъ временемъ принцесса замѣтила, раздѣваясь на ночь, потерю дорогого камня изъ ожерелья. Карбункуль былъ ей дорогъ, какъ память о матери, а также какъ талисманъ. Обладаніе имъ обезпечивало ей свободу, такъ какъ, нося его, она знала, что никогда не подпадетъ подь чужую власть противъ своей воли.

Потеря камня скорѣе удивила, чѣмъ испугала ее. Она помнила, что камень былъ на ней, когда она выѣхала изъ дому, и была твердо увѣрена, что потеряла его или въ домѣ старика или на обратномъ пути въ лѣсу; она еще ясно помнила дорогу и рѣшила съ самага утра пойти искать камень. Эта мысль привела ее въ радо-

стное расположеніе духа; можно было подумать, что потеря совершенно не огорчила ее, такъ какъ была предложомъ тотчасъ же снова продѣлать тотъ же путь. Когда наступило утро, она пошла черезъ садъ въ лѣсъ, и такъ какъ она шла скорѣе обыкновеннаго, то ее ничуть не удивило, что сердце у нея сильно билось и тѣснило грудь. Солнце только что стало золотить верхушки старыхъ деревьевъ; они тихо шелестѣли и точно будили другъ друга отъ ночныхъ грезъ, чтобы вмѣстѣ привѣтствовать солнце. Принцесса услышала издали шумъ, взглянула на дорогу и увидѣла спѣшившаго къ ней навстрѣчу юношу, который въ ту же минуту замѣтилъ ее.

Онъ на минуту остановился какъ вкопанный и сталъ глядѣть на нее, не отводя глазъ, точно хотѣлъ убѣдиться, что это дѣйствительно она передъ нимъ, что появленіе ея не обманъ чувствъ. Они привѣтствовали другъ друга съ сдержаннымъ выраженіемъ радости, точно давно знали и любили другъ друга. Еще прежде, чѣмъ принцесса успѣла объяснить ему причину своей ранней прогулки, онъ, краснѣя и съ сильно бьющимся сердцемъ, передалъ ей драгоценный камень, завернутый въ исписанную бумажку. Можно было подумать, что принцесса угадала внутреннимъ чутьемъ содержаніе стиховъ. Она молча взяла бумажку дрожащей рукой и въ награду за находку, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, надѣла на юношу золотую цѣпочку, которую носила на шеѣ. Онъ смущенно опустилсѣ передъ нею на колѣни и когда она освѣдомилась о его отцѣ, онъ долгое время не могъ найти словъ для отвѣта. Она сказала ему тихимъ голосомъ, опустивъ глаза, что вскорѣ опять будетъ у нихъ и съ большой радостью воспользуется готовностью отца познакомить ее со своими рѣдкостями.

Она еще разъ поблагодарила юношу съ необычайной сердечностью и затѣмъ медленно, не оборачиваясь, пошла назадъ. Юноша не въ силахъ былъ проговорить ни слова. Онъ почтительно поклонился и долго глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла за деревьями. Немного дней спустя она вторично пріѣхала къ старику, а за этимъ вторымъ посѣщеніемъ послѣдовали еще дальнѣйшія. Юноша незамѣтнымъ образомъ сдѣлался ея постояннымъ провожатымъ. Онъ въ опредѣленные часы приходилъ за нею къ саду и провожалъ ее туда обратно. Она хранила ненарушимое молчаніе относительно того, кто она, хотя въ остальномъ настолько довѣрялась своему спутнику, что вскорѣ ни одна мысль ея небесной души не оставалась для него тайной. Ея высокое происхожденіе точно внушало ей самой тайный страхъ. Юноша тоже открывалъ ей всю свою душу. Отецъ и сынъ считали ее знатной молодой дѣвушкой придворнаго круга. Она привязалась къ старику какъ нѣжная дочь. Ея ласковое обращеніе съ нимъ было очаровательнымъ предвозвѣстникомъ нѣжности къ юношѣ. Она вскорѣ сроднилась съ очаровательнымъ домомъ и пѣла подъ звуки лютни своимъ небеснымъ голосомъ дивныя пѣсни старику и сыну, сидѣвшему у ея ногъ, а затѣмъ обучала сына этому обаятельному искусству; послѣ того она, въ свою очередь, внимала его вдохновеннымъ объясненіямъ міровыхъ тайнъ. Онъ рассказывалъ ей, какъ созданъ міръ благодаря чудеснымъ влеченіямъ и какъ свѣтила соединились въ звучные хороводы. Доисторическія времена воскресали въ ея душѣ черезъ посредство его священныхъ повѣствованій и она приходила въ восторгъ, когда ученикъ ея, охваченный мощнымъ вдохновеніемъ, бралъ въ руки лютню и съ невообразимой понят-

ливостью начиналъ пѣть дивныя пѣсни. Однажды, когда юноша провожалъ принцессу домой, душа его загорѣлась особенно смѣлымъ порывомъ и мощная любовь побѣдила ея дѣвичью сдержанность; оба они, сами не зная какъ, упали другъ другу въ объятія и первый пламенный поцѣлуй соединилъ ихъ на вѣки. Въ это время съ наступленіемъ сумерекъ вдругъ поднялась сильная буря въ вершинахъ деревьевъ. Грозныя тучи надвинулись на нихъ и окутали ихъ глубокой ночной темнотой. Онъ торопился укрыть свою спутницу отъ страшной непогоды, отъ вырывае-мыхъ вѣтромъ деревьевъ, но заблудился среди ночного мрака въ тревогѣ за свою возлюбленную и углублялся все дальше и дальше въ лѣсъ. Страхъ его усилился, когда онъ замѣтилъ свою ошибку. Принцесса представляла себѣ испугъ короля и всего двора; невыразимый ужасъ пронизывалъ разрушительнымъ лучемъ ея душу и только голосъ возлюбленнаго, неустанно твердившаго ей слова утѣшенія, возвращалъ ей мужество и облегчалъ стѣсненную грудь. Буря не прекращалась; всѣ старанія найти дорогу были тщетны и они обрадовались, когда при вспыхнувшемъ свѣтѣ молніи открыли по близости пещеру на крутомъ склонѣ лѣсистаго холма; тамъ они надѣялись укрыться отъ бушующей непогоды и найти отдыхъ для истощенныхъ силъ. Счастье благоприятствовало ихъ желаніямъ. Пещера была сухая и обросшая чистымъ мохомъ. Юноша быстро зажегъ костеръ изъ хвороста и моха и они смогли обсушиться у огня. Влюбленные очутились отрѣзанными отъ міра, спасенными отъ опасности и расположились на удобномъ тепломъ ложѣ.

Дикій миндальный кустъ, отягченный плодами, свѣшивался въ самую пещеру и, услышавъ журчаніе ручья

по близости, они вскорѣ нашли свѣжую воду для утоленія жажды. Лютню юноша взялъ съ собой и она доставила имъ теперь ободряющее, успокаивающее развлеченіе у потрескивающего огня. Казалось, что высшая сила захотѣла поскорѣе распутать узелъ и свела ихъ въ этой романтической обстановкѣ. Невинность ихъ сердець, волшебное настроеніе душъ и неотразимая власть сладостной страсти и юности опьяняла ихъ; они вскорѣ забыли міръ и всѣ свои отношенія къ нему и при свадебномъ пѣніи грозы и брачныхъ факелахъ молніи погрузились въ сладчайшее упоеніе, которое когда-либо охватывало смертную чету. Съ наступленіемъ свѣтлаго голубого утра они проснулись въ новомъ блаженномъ мірѣ. Но потокъ горячихъ слезъ, который вскорѣ полился изъ глазъ принцессы, выдалъ ея возлюбленному пробуждающуюся тревогу ея сердца. Онъ сталъ въ эту ночь старше на много лѣтъ, сдѣлался изъ юноши взрослымъ мужемъ. Охваченный безпредѣльнымъ воодушевленіемъ, онъ сталъ утѣшать свою возлюбленную, говоря ей о святости истинной любви, о высококомъ довѣріи, которое она внушаетъ и сталъ ее просить, чтобы она твердо ждала самаго радостнаго будущаго отъ генія хранителя ея сердца. Принцесса почувствовала истину его утѣшающихъ словъ и открыла ему, что она дочь короля и что она страшится горя и оскорбленной гордости ея отца. Послѣ долгаго обсужденія они пришли къ согласному рѣшенію и юноша тотчасъ же отправился къ своему отцу, чтобы ознакомить его съ ихъ намѣреніями. Онъ обѣщалъ скоро вернуться къ ней и покинулъ ее успокоенной; она погрузилась въ сладкія мечты о благополучномъ исходѣ событій. Юноша вскорѣ прибылъ въ домъ своего отца и старикъ очень обрадовался, увидавъ его живымъ и невре-

димымъ. Онъ узналъ исторію и намѣренія любящей четы и, послѣ нѣкотораго размышленія, согласился содѣйствовать имъ. Домъ его былъ укрытый отъ взоровъ и въ немъ существовало нѣсколько подземныхъ комнатъ, куда нелегко было проникнуть. Ихъ рѣшили предоставить принцессѣ. Въ сумерки юноша привелъ ее, и старикъ встрѣтилъ ее глубоко растроганный. Она потомъ часто плакала, когда оставалась одна, думая о горѣ своего отца; но она скрывала свою печаль отъ возлюбленнаго и говорила о ней только старику, который ласково утѣшалъ ее надеждами на скорое возвращеніе къ отцу.

При дворѣ началась страшная тревога, когда вечеромъ замѣтили отсутствіе принцессы. Король былъ внѣ себя и разослалъ людей во всѣ стороны искать ее. Никто не могъ объяснить себѣ ея исчезновеніе. Никому не приходило въ голову мысли о какой-нибудь любовной тайнѣ; не предполагали также возможности побѣга, такъ какъ кромѣ принцессы никто не исчезъ изъ придворныхъ. Не было ни малѣйшихъ основаній ни для какихъ предположеній на ея счетъ. Разосланные гонцы вернулись ни съ чѣмъ и король впалъ въ глубокую печаль. Только по вечерамъ, когда къ нему являлись пѣвцы и пѣли ему прекрасныя пѣсни, въ немъ пробуждалась на минуту прежняя радость; ему казалось, что дочь его по близости и онъ снова надѣялся увидѣть ее. Но когда онъ снова оставался одинъ, сердце его разрывалось на части отъ горя, и онъ громко плакалъ. Тогда онъ думалъ про себя:—На что мнѣ мое величіе и высокое рожденіе? Все же я несчастнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ. Ничто не можетъ замѣнить мнѣ мою дочь. Безъ нея всѣ пѣсни лишь пустыя слова и обманъ чувствъ. Она была волшебной силой, вливавшей въ нихъ жизнь и радость, она

облекала ихъ въ образы и придавала имъ очарованіе. Какъ бы я хотѣлъ быть ничтожнѣйшимъ изъ моихъ слугъ. Тогда бы у меня была моя дочь, былъ бы еще зять и внуки, которыхъ я сажалъ бы себѣ на колѣни. Тогда бы я былъ дѣйствительно королемъ. Не вѣнецъ и не державная власть составляютъ короля, а полное бьющее черезъ край чувство радости, удовлетворенность земными благами, чувство избытка счастья. Я наказанъ за свою гордыню. Утрата моей супруги еще недостаточно меня потрясла, и вотъ теперъ меня постигло безпредѣльное горе.—Такъ жаловался на судьбу свою король въ часы самаго пламеннаго томленія. Иногда же снова проявлялась его прежняя суровость и гордость. Онъ гнѣвался на себя за свои жалобы и рѣшалъ переносить печаль какъ подобало его высокому положенію. Онъ тогда считалъ, что долженъ страдать больше другихъ, что королю приличествуетъ великая скорбь. Но когда наступали сумерки, когда онъ входилъ въ комнату дочери и глядѣлъ на висѣвшія тамъ платья и на всѣ ея вещи, остававшіяся стоять по своимъ мѣстамъ такъ, точно она только что вышла изъ комнаты, онъ забывалъ свои намѣренія, ясно обнаруживалъ свою печаль и взывалъ о жалости къ ничтожнѣйшимъ изъ своихъ слугъ. Весь городъ и вся страна плакала и раздѣляла его скорбь. Но почему-то носился слухъ, что принцесса жива и скоро вернется вмѣстѣ съ тѣмъ, кто сдѣлался ея супругомъ. Никто не зналъ, откуда пошелъ этотъ слухъ, но всѣ радостно вѣрили въ него и съ нетерпѣніемъ ждали скорого возвращенія принцессы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и снова настала весна. „Вотъ увидите,—говорили нѣкоторые,—скоро вернется принцесса“. Даже король повеселѣлъ и сталъ надѣяться. Слухъ казался ему

какъ бы обътомъ расположеннаго къ нему провидѣнія Возобновились прежнія празднества и для полнаго расцвѣтапрежняго великолѣпія недоставало только принцессы. Однажды вечеромъ, когда какъ разъ исполнился годъ со времени ея исчезновенія, весь дворъ собрался въ саду. Воздухъ былъ теплый и ясный; тихій вѣтеръ шелестѣлъ въ верхушкахъ старыхъ деревьевъ и, казалось, возвѣщаль о приближеніи издалека веселаго каравана. Во мракъ шелестящихъ верхушекъ поднялась высокая струя фонтана среди множества факеловъ съ безчисленными огнями и сопровождала звучнымъ журчаніемъ пѣсни, раздававшіяся подъ деревьями. Король сидѣлъ на пышномъ коврѣ и вокругъ него собрался дворъ въ праздничныхъ одеждахъ. Многочисленная толпа наполняла садъ и окружала величественное зрѣлище. Король глубоко погрузился въ мысли. Ему представился съ необычайной ясностью образъ его дочери; онъ вспоминалъ счастливые дни, которые внезапно оборвались ровно за годъ передъ тѣмъ. Пламенная тоска охватила его и обильныя слезы текли по его старымъ щекамъ; но онъ ощущалъ вмѣстѣ съ тѣмъ необычайную веселость. Ему казалось, что печальный годъ былъ только тяжелымъ сномъ и онъ поднялъ глаза, какъ бы отыскивая среди людей и деревьевъ высокій, священный, обаятельный образъ дочери. Пѣвцы только что кончили свои пѣсни и глубокая тишина казалась знакомъ общей умиленности, ибо пѣвцы воспѣвали радость свиданія послѣ разлуки, весну и будущее въ тѣхъ краскахъ, которыми украшаетъ его надежда.

Вдругъ тишину прервали звуки незнакомаго прекраснаго голоса, который раздался точно изъ древняго дуба по близости. Всѣ взгляды направились туда; тамъ стоялъ

юноша въ простой, но чужеземной одеждѣ. Онъ держалъ въ рукѣ лютню и спокойно продолжалъ пѣть, низко поклонившись, когда король обратилъ взглядъ въ его сторону. Голосъ его былъ необычайно прекрасный и пѣніе звучало невѣдомымъ очарованіемъ. Онъ пѣлъ о началѣ міра, о происхожденіи звѣздъ, растеній, животныхъ и людей, о всемогущемъ участіи природы, о древнемъ золотомъ вѣкѣ и о властительницахъ его, любви и поэзіи, о возникновеніи ненависти и варварства и объ ихъ распряхъ съ тѣми добрыми богинями и, наконецъ, о грядущемъ торжествѣ послѣднихъ, о концѣ печали, объ обновленіи природы и о томъ, что вернется вѣчный золотой вѣкъ. Старые пѣвцы, сами охваченные восторгомъ, обступили во время пѣнія страннаго незнакомца. Небывалое восхищеніе преисполнило зрителей и самому королю казалось, что его куда-то уноситъ небесный потокъ. Такой пѣсни никто никогда еще не слышалъ и всѣмъ казалось, что среди нихъ появилось небесное созданіе, тѣмъ болѣе, что юноша какъ бы становился во время пѣнія все болѣе прекраснымъ, а голосъ его все болѣе мощнымъ. Воздухъ игралъ его золотыми кудрями. Лютня оживала въ его рукахъ и взоръ его погружался точно опьяненный въ болѣе таинственный міръ. Дѣтская невинность и чистота его лица тоже казались неземными. Но вотъ дивное пѣніе кончилось. Старые пѣвцы прижимали юношу со слезами радости къ своей груди. Тихій глубокой восторгъ охватилъ присутствующихъ. Король взволнованно подошелъ къ пѣвцу. Юноша скромно бросился къ его ногамъ. Король его поднялъ, сердечно обнялъ его и сказалъ ему, чтобы онъ самъ себѣ назначилъ награду. У него вспыхнуло лицо и онъ попросилъ короля выслушать еще одну пѣсню и тогда отвѣтить на

просьбу. Король отступилъ на нѣсколько шаговъ и чужеземецъ началъ:

„Пути пѣвца—труды безъ счета,
Онъ платитъ о терновникъ рветъ,
Проходить рѣки и болота,
И помощь—кто ему пошлетъ?
Все безнадежнѣй, неприютнѣй
Пѣвца усталая мольба.
Еще не разстается съ лютней,
Но тяжела ему борьба.

Мнѣ грустный былъ назначенъ жребій,
Пустынна предо мной земля,
Я всѣмъ пою о свѣтломъ небѣ,
Ни съ кѣмъ веселья не дѣля.
Своимъ удѣломъ весель каждый
И жизни радъ—черезъ меня;
Но жалокъ даръ ихъ: вѣчной жаждой
Не встрѣтятъ моего огня.

Со мной покойно разлученье,
Какъ съ маемъ, улетѣвшимъ вдаль;
Когда онъ таетъ въ отдаленьѣ,
Кому растаявшаго жаль?
Они просили только хлѣба—
Кто сѣялъ зерна—нужды нѣтъ;
Я въ пѣсняхъ сотворилъ имъ небо—
Въ молитвѣ ихъ найду-ль отвѣтъ?

Я чувствую: волшебной властью
Окрѣпли слабыя уста.

Ахъ, отчего ихъ дивной страстью
 Любви не окрылить мечта?
 Не вспомнить ни одна о бѣдномъ
 Пришельцѣ изъ чужой страны;
 Къ его моленіямъ безслѣднымъ
 Сердца, какъ раньше, холодны.

Онъ падаетъ въ густыя травы,
 Въ слезахъ пытается заснуть;
 Но гений пѣсень величавый
 Въ стѣсненную нисходитъ грудь:
 Забудь, забудь, что ты униженъ,
 Не вѣчны слезы на лицѣ,
 Чего не встрѣтилъ въ стѣнахъ хижинъ,
 Тебѣ предстанетъ во дворцѣ.

Конецъ томленьямъ и урону,
 Судьба неожиданная близка.
 Вѣнокъ изъ мирта, какъ корону,
 Надѣнетъ вѣрная рука.
 Къ престолу славы властнымъ словомъ,
 Счастливый, призванъ ты одинъ;
 Пѣвецъ по ступенямъ суровымъ
 Взошелъ, какъ королевскій сынъ“.

Когда онъ дошелъ до этого мѣста въ своей пѣсни, присутствующихъ охватило странное волненіе, ибо при послѣднихъ строфахъ вдругъ появились и стали за пѣвцомъ никому невѣдомые старикъ и рядомъ съ нимъ закутанная въ покрывало женщина высокаго роста, съ дивнымъ младенцемъ на рукахъ. Ребенокъ ласково глядѣлъ на чужихъ людей и съ улыбкой тянулся малень-

кими ручками къ сверкающему вѣнцу короля. Но общее изумленіе возросло еще болѣе, когда вдругъ съ верхушекъ старыхъ деревьевъ слетѣлъ любимый орелъ короля, постоянно находившійся при немъ; онъ держалъ въ клювѣ золотую головную повязь, которую онъ, повидимому, похитилъ изъ комнатъ короля. Орелъ спустился на голову юноши и повязь обвилась вокругъ кудрей чужеземца, который въ первую минуту испугался. Орелъ отлетѣлъ къ королю, оставивъ повязь. Юноша передалъ ее ребенку, потянувшемуся за нею, и продолжалъ растроганнымъ голосомъ свою пѣсню:

„Пѣвецъ, отъ грезы пробужденный,
Въ волненьѣ ринулся впередъ,
Листвой зеленой осыненный,
Къ порогу царственныхъ воротъ.
Блистаютъ стѣны крѣпкой сталью,
Ихъ пѣсня побѣдитъ шутя.
Къ нему съ любовью и печалью
Стремится царское дитя.

Любовь ихъ сводитъ тѣсно вмѣстѣ,
Но вдаль зоветъ бряцанье брони;
Они таятся въ мирномъ мѣстѣ,
Ихъ мучитъ сладостный огонь.
И оба, скрытые укромно,
Боятся гнѣва короля,
Всегда—зарей и ночью темной—
Вдвоемъ восторгъ и боль дѣля.

И о надеждѣ непрерывно
Поетъ надъ матерью пѣвецъ,
И, привлеченный пѣсней дивной,

Къ пещерѣ подошелъ отецъ.
И дочь протягиваетъ внука,
Младенца въ золотыхъ кудряхъ;
Испугъ, раскаянье и мука
Ихъ вдругъ повергнули во прахъ.

И нѣжностью душа родная
И звукомъ пѣсенъ смягчена,
Зоветь, страданья забывая,
Къ веселью вѣчному она.
Любви настало искупленье,
Она свой давній платитъ долгъ.
И въ поцѣлуяхъ примиренья
Напѣвъ небесный не умолкъ.

Приди же, геній пѣснопѣній,
И здѣсь любви не измѣни,
Дочь возврати родимой сѣни
И дочери отца верни!
Ее и внука онъ обниметь,
А если счастью нѣтъ конца,
Онъ въ царственныя руки приметъ,
Какъ сына милаго, пѣвца“.

При этихъ словахъ, мягко прозвучавшихъ по темнымъ переходамъ, юноша приподнялъ дрожащею рукой покрывало, скрывавшее лицо женщины. Принцесса упала, обливаясь слезами, къ ногамъ короля и протянула ему прекрасное дитя. Пѣвецъ сталъ на колѣни рядомъ съ нею и опустилъ голову. Тревожная тишина захватила у всѣхъ дыханіе. Король стоялъ нѣсколько минутъ съ строгимъ лицомъ, ничего не говоря; потомъ онъ при-

влекъ принцессу къ своей груди, долго прижималъ ее къ себѣ и громко плакалъ. Затѣмъ онъ поднялъ также и юношу и обнялъ его съ глубокой нѣжностью. Свѣтлое ликованіе охватило тѣсно окружившую ихъ толпу. Король взялъ младенца и благоговѣнно поднялъ его къ небу; погомъ онъ милостиво привѣтствовалъ старика. Проливались безчисленныя радостныя слезы. Пѣвцы стали пѣть и тотъ вечеръ сдѣлался священнымъ для всей страны, жизнь которой превратилась съ этой поры въ дивный праздникъ. Никто не знаетъ, куда дѣвалась эта страна. Въ сказаніяхъ только говорится, что Атлантиду скрыли отъ взоровъ мощныя волны.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Нѣсколько дней пути прошли безъ всякихъ перерывовъ. Дорога была твердая и сухая, погода ясная и живительная; мѣста, по которымъ вель путь, были плодородныя, населенныя и разнообразныя. Страшный тюрингенскій лѣсъ оставался позади; купцы много разъ совершали этотъ путь, имѣли всюду знакомыхъ и встрѣчали вездѣ самый радушный пріемъ. Они избѣгали ѣздить по пустыннымъ мѣстностямъ, гдѣ водились разбойники; а если приходилось непремѣнно проѣзжать черезъ нихъ, то они брали съ собой достаточную охрану. Нѣсколько владѣльцевъ сосѣднихъ горныхъ замковъ были въ хорошихъ отношеніяхъ съ купцами. Купцы ихъ навѣстили, спрашивая, нѣтъ ли у нихъ порученій въ Аугсбургъ. Путниковъ всюду ласково угощали, а жены и дочери съ любопытствомъ обступали чужеземцевъ. Мать Гейнриха

вскорѣ покорила всѣхъ своей общительностью и добротой. Всѣмъ было пріятно познакомиться съ женщиной изъ столичнаго города, которая охотно рассказывала о новыхъ модахъ, а также учила готовить разныя вкусныя блюда. Молодого Офтердингена рыцари и дамы хвалили за его скромность и за непринужденное мягкое обращеніе. Дамамъ нравилась его привлекательная внѣшность, дѣйствовавшая на нихъ какъ простое слово незнакомца, которое сначала почти даже не слышишь, пока оно, уже черезъ много времени послѣ его ухода, начинаетъ все болѣе раскрываться какъ невзрачный бутонъ, превращаясь, наконецъ, въ дивный цвѣтокъ и сверкая пестротой своихъ густо сросшихся лепестковъ; и потомъ уже никогда это слово не забываютъ; его неустанно повторяютъ и оно становится неисчерпаемымъ сокровищемъ. Тогда точнѣе вспоминаютъ про незнакомца, начинаютъ догадываться и, наконецъ, ясно понимаютъ, что онъ явился изъ высшаго міра. Купцы получили множество порученій и уѣхали, обмѣнявшись взаимными пожеланіями свидѣться вновь въ ближайшее время. Въ одномъ изъ замковъ, куда они прибыли подъ вечеръ, было очень весело. Хозяинъ замка былъ старый воинъ, который праздновалъ и прерывалъ досугъ мирнаго времени и одиночество своей жизни частыми пирами; кромѣ шума битвъ и охоты онъ не зналъ иного времяпрепровожденія, чѣмъ полная чаша.

Онъ принялъ путниковъ съ братскимъ радушіемъ, окруженный шумной толпой пирующихъ. Мать повели къ хозяйкѣ дома. Купцовъ и Гейнриха усадили за веселый столъ, вокругъ котораго непрерывно ходили полныя чаши. Гейнриху послѣ его многократныхъ просьбъ разрѣшили, въ виду его юности, не участвовать въ круговой чашѣ.

каждый разъ, когда наступалъ его чередъ; но купцы зато не лѣнились и отважно пили старое франконское вино. Рѣчь зашла о былыхъ бояхъ. Гейнрихъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ новые для него рассказы. Рыцари говорили о святой землѣ, о чудесахъ Гроба Господня, о своихъ походахъ и своемъ плаваніи, о сарацинахъ, у которыхъ нѣкоторые изъ нихъ были въ плѣну, о веселой, полной очарованія жизни на полѣ битвы и въ лагерѣ. Они возмущались тѣмъ, что небесная родина христіанской вѣры все еще находится въ дерзновенномъ владѣніи невѣрныхъ. Они восхваляли великихъ героев, которые заслужили вѣчный вѣнецъ славы своей отважной неустанной борьбой противъ этого нечестиваго народа. Владѣлецъ замка показалъ драгоцѣнный мечъ, который онъ собственной рукой отнялъ у одного изъ предводителей невѣрныхъ, завладѣвъ его замкомъ, умертвивъ его и взявши въ плѣнъ его жену и дѣтей; императоръ разрѣшилъ ему носить этотъ мечъ въ своемъ гербѣ. Всѣ стали разсматривать прекрасный мечъ; Гейнрихъ тоже взялъ его въ руку и его охватила воинственная отвага. Онъ благоговѣнно приложился къ мечу. Рыцари радовались его сочувствію. Старикъ обнялъ юношу, убѣждая его навсегда посвятить себя освобожденію Гроба Господня и возложить на плечи чудотворный крестъ. Онъ былъ пораженъ и ему все не хотѣлось выпускать изъ рукъ мечъ.

— Подумай, сынъ мой, — воскликнулъ старый рыцарь. — Предстоитъ вскорѣ новый крестовый походъ. Самъ императоръ поведетъ наши полчища на востокъ. По всей Европѣ снова раздастся призывъ креста и всюду пробуждается геройская благочестивая отвага. Какъ знать, не будемъ ли мы сидѣть всѣ вмѣстѣ черезъ годъ въ

великомъ міровомъ градѣ Іерусалимѣ, радуясь побѣдѣ и поминая отчизну за виномъ родной страны. У меня въ домѣ живетъ восточная дѣвушка; я могу показать ее тебѣ. Онѣ очень привлекательны для насъ, западныхъ людей, и если ты хорошо владѣешь мечомъ, то у тебя не будетъ недостатка въ прекрасныхъ плѣнницахъ. Рыцари громко запѣли крестовую пѣснь, которую въ то время пѣли по всей Европѣ:

„Въ рукахъ невѣрныхъ гробъ священный,
Спасителя святая сѣнь.

Ее клеймятъ хулой презрѣнной,

Ее поносятъ каждый день.

Насъ заглушенный зовъ тревожить:

О, кто позоръ мой уничтожить!

Гдѣ рыцарскія ополченья?

Христовой вѣры гдѣ оплотъ?

Кто принесетъ ей возроденье?

Кто въ наше время крестъ возьметъ

И въ ревности о Божьемъ склепѣ

Позорныя ломаетъ цѣпи?

Вотъ по ночнымъ морямъ и нивамъ

Идетъ священная вражда;

Зываетъ къ соннымъ и лѣнивымъ

Въ поля, въ селенья, въ города,

Повсюду буря восклицаній:

Въ походъ и къ бою, христіане!

И ангелы повсюду зримы,

Ихъ лики нѣмы и грустны,

И у пороговъ пилигримы

Стоять, заботами полны;
Всѣхъ призракъ истомилъ единый:
Неистовые сарацины.

Заря пылаетъ алой кровью
Въ краю далекомъ христіанъ.
И каждый болью и любовью
И умиленьемъ обуянъ.
Хватаютъ всѣ и крестъ и латы,
Родной очагъ покинуть рады.

И всѣ горять, другъ съ другомъ споря,
Порывомъ Божій гробъ спасти,
Стекаются на берегъ моря,
Чтобъ на священномъ быть пути.
И дѣти прибѣгаютъ тоже,
Восторженныя толпы множа.

Высоко надъ толпой играя,
Колеблетъ знамя знакъ креста.
Вотъ вѣрные у двери Рая,
Его распахнуты врата;
Всѣ жаждутъ счастьемъ насладиться,
За вѣру смерти причаститься.

Впередъ! Господне ополченье
Несется въ даль завѣтныхъ странъ.
Пойметъ невѣрныхъ изступлень
Десницу Бога христіанъ.
Мы Божій гробъ, добытый боемъ,
Въ крови язычниковъ омоемъ.

И рѣтъ Дѣвы ликъ безсонный
 На крыльяхъ ангеловъ небесь,
 И кто упаль, мечемъ сраженный,
 Въ Ея родныхъ рукахъ воскресь.
 Она въ сянѣ и въ печали
 Склоняется къ бряцанью стали.

Къ святынямъ! И за битвой битва!
 Гуди, глухой могильный зовъ!
 Прощень побѣдой и молитвой
 Великій грѣхъ земныхъ вѣковъ!
 Умреть языческая злоба,
 Мы — господа Святого Гроба.

Гейнрихъ былъ глубоко потрясенъ. Гробъ Господень представился ему въ видѣ блѣдной благородной юношеской фигуры, сидящей на большомъ камнѣ, среди дикой толпы и подвергающейся страшнымъ истязаніямъ; ему казалось, что она обращаетъ горестное лицо къ кресту, сверкающему въ глубинѣ, бесконечно повторяясь въ вздымающихся морскихъ волнахъ.

Въ эту минуту за Гейнрихомъ прислала его мать; она хотѣла представить его хозяйкѣ дома. Рыцари были такъ поглощены питьемъ и бесѣдой о предстоящемъ походѣ, что не замѣтили какъ удалился Гейнрихъ. Онъ засталъ свою мать въ сердечной бесѣдѣ со старой доброй хозяйкой замка, которая ласково привѣтствовала его. Вечеръ былъ ясный; солнце спускалось къ закату и Гейнриху, котораго тянуло къ одиночеству и въ золотистую даль, виднѣвшуюся изъ мрачной залы черезъ узкія глубокія сводчатая окна, разрѣшили погулять за воротами замка. Онъ успѣшилъ выйти на воздухъ. Душа его

была въ смятеніи. Съ высоты стараго утеса онъ увидѣлъ прежде всего лѣсистую долину, черезъ которую мчался потокъ, приводившій въ движеніе нѣсколько мельницъ; шумъ ихъ колесъ едва доносился изъ глубины; далѣе разстилалась необозримая полоса горъ, лѣсовъ и долинъ. Отъ этого вида улеглась его внутренняя тревога. Прошло воинственное возбужденіе и въ немъ осталось только прозрачное, населенное образами томленіе. Онъ чувствовалъ, что ему не достаетъ лютни, хотя собственно не зналъ, какой она имѣетъ видъ и какіе она вызываетъ звуки. Мирное зрѣлище дивнаго вечера погружало его въ нѣжныя грезы; цвѣтокъ его души мелькалъ передъ нимъ временами какъ зарница. Онъ шелъ, пробираясь сквозь кусты, и карабкался на мшистыя скалы, какъ вдругъ по близости раздалось изъ глубины нѣжное, проникающее въ душу женское пѣніе, сопровождаемое волшебными звуками. Онъ не сомнѣвался, что это звуки лютни; остановившись въ глубокомъ изумленіи, онъ услышалъ слѣдующую пѣсню, пропѣтую на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ:

„Развѣ сердце на чужбинѣ
 Не изнаетъ никогда?
 Развѣ сердцу и донинѣ
 Блещетъ блѣдная звѣзда?
 О возвратѣ тщетны грезы.
 Падаютъ ручьями слезы,
 Сердце рвется отъ стыда.

Я-бъ тебя—лишь день свободы!—
 Миртомъ темнымъ оплела!
 Въ радостные хороводы

Къ рѣзвымъ сестрамъ увела,
 Я бы въ платьяхъ златотканныхъ,
 Въ кольцахъ яркихъ и чеканныхъ
 Прежней дѣвушкой была!

Много юношей склонялись
 Жаркимъ взоромъ предо мной:
 Нѣжные напѣвы мчались
 За вечернею звѣздой.
 Можно-ль милому не вѣрить?
 Вѣрность и любовь измѣрить?
 До могилы милый—твой.

Здѣсь къ ручьямъ сквознымъ и чистымъ
 Наклоненъ небесный ликъ,
 Къ волнамъ знойнымъ и душистымъ
 Утомленный лѣсъ приникъ.
 Межъ веселыми вѣтвями,
 Межъ плодами и цвѣтами
 Раздается птичій крикъ.

Гдѣ вы, грезы молодя,
 Милая моя страна?
 Срублены сады родные,
 Башня замка сожжена.
 Грозные, какъ буря въ морѣ,
 Все смели войска въ раздорѣ,
 Рай исчезъ, и я одна.

Грозные огни взвивались
 Въ воздухъ неба голубой,
 На лихихъ коняхъ ворвались

Въ городъ недруги гурьбой.
 Нашъ отецъ и братья бьются.
 Не вернутся! Не вернутся!
 Насъ рванули за собой.

Взоръ туманится печалью;
 Родина, родная мать!
 Вѣчно ли за этой далью
 О тебѣ мнѣ горевать?
 Если-бъ не ребенокъ милый,
 Я давно нашла бы силы
 Цѣпи жизни разорвать“.

Гейнрихъ услышалъ рыданіе ребенка и чей-то утѣшающій голосъ. Онъ спустился внизъ черезъ кусты и увидѣлъ сидящую подъ старымъ дубомъ блѣдную, изможденную дѣвушку. Прекрасное дитя, плача, обвиняло ея шею; у нея тоже текли слезы изъ глазъ и на лугу подлѣ нея лежала лютня. Она нѣсколько испугалась, увидавъ незнакомаго юношу, который приблизился къ ней съ грустнымъ лицомъ.

— Вы, вѣрно, слышали мое пѣніе,—ласково сказала она.—Ваше лицо мнѣ кажется знакомымъ; дайте припомнить. Память моя ослабѣла, но видъ вашъ будить во мнѣ странное воспоминаніе о счастливомъ времени. О, да! Вы какъ будто похожи на одного изъ моихъ братьевъ, который еще до нашего несчастія разстался съ нами и отправился въ Персію къ одному знаменитому пѣвцу. Быть можетъ, онъ еще живъ и горестно воспѣваетъ несчастіе своей семьи. Жаль, что я не помню хоть нѣкоторыя изъ тѣхъ дивныхъ пѣсень, которыя онъ оставилъ намъ! Онъ былъ благородень и нѣженъ и самой большой радостью была для него его лютня.

Дитя, находившееся при ней, дѣвочка, десяти или двѣнадцати лѣтъ, внимательно смотрѣла на незнакомаго юношу и тѣсно прижималась къ груди несчастной Зулеймы. Сердце Гейнриха преисполнилось жалости. Онъ сталъ утѣшать пѣвицу добрыми словами и попросилъ ее подробнѣе рассказать ему ея исторію. Она охотно исполнила его просьбу. Гейнрихъ сѣлъ противъ нея и услышалъ ея рассказъ, часто прерываемый слезами. Болѣе всего она останавливалась на прославленіи своей родины и своего народа. Она говорила о благородствѣ своихъ соотечественниковъ, объ ихъ чистой сильной отзывчивости къ поэзіи жизни, такъ жѣ какъ къ дивной таинственной прелести природы. Она описывала романтическія красоты плодородныхъ аравійскихъ земель, расположенныхъ, на подобіе счастливыхъ острововъ, среди недвижныхъ песчаныхъ пустынь: Онѣ точно убѣжища для угнетенныхъ и усталыхъ, точно райскія селенія, полныя свѣжихъ источниковъ, журчащихъ по густымъ лугамъ и сверкающимъ камнямъ вдоль древнихъ рощъ, населенныхъ пестрыми птицами съ звучными голосами, и привлекаютъ множествомъ разнообразныхъ остатковъ старинныхъ достопримѣчательныхъ временъ.

— Васъ бы поразили, — сказала она, — пестрыя, свѣтлыя, странныя письма и изображенія, которыя вы увидѣли бы на древнихъ каменныхъ плитахъ. Они кажутся такими знакомыми и не безъ основанія такъ хорошо сохранившимися. О нихъ думаешь и думаешь, кое-что въ отдѣльности начинаетъ казаться понятнымъ, и тѣмъ глубже загорается желаніе постигнуть глубокія соотношенія этихъ древнихъ начертаній. Невѣдомый духъ ихъ необычайно возбуждаетъ работу мысли и хотя и не находишь желаннаго, все же дѣлаешь тысячу замѣчательныхъ от-

крытій въ себѣ, и они придаютъ жизни новый блескъ, даютъ душѣ надолго плодотворныя занятія. Жизнь на издревле населенной землѣ, уже нѣкогда прославившейся благодаря прилежанію населенія, благодаря ихъ работоспособности и любви къ труду, имѣетъ особую прелесть. Природа кажется тамъ болѣе человѣчной и болѣе понятной; смутныя воспоминанія подъ прозрачностью настоящаго отражаютъ картины міра въ рѣзкихъ очертаніяхъ; такимъ образомъ получается впечатлѣніе двойного міра, который теряетъ тѣмъ самымъ тяжесть и навязанность и становится волшебной поэмой нашихъ чувствъ. Какъ знать, не сказывается ли въ этомъ непонятное вмѣшательство прежняго, незримаго теперь населенія; быть можетъ, это и тянетъ людей, въ опредѣленное время ихъ пробужденія, изъ новыхъ мѣстъ на старую родину ихъ племени, съ такимъ разрушительнымъ нетерпѣніемъ побуждая ихъ отдавать кровь и достояніе за владѣніе этими землями.

Послѣ краткой паузы она продолжала:— Не вѣрьте тому, что вамъ рассказывали о жестокости моего народа. Нигдѣ съ плѣнными не обходятся болѣе великодушно, и ваши странники, являвшіеся въ Іерусалимъ, встрѣчали тамъ гостепріимный пріемъ; но они не всегда были достойны этого. Большинство изъ нихъ были негодные, злые люди, которые оскверняли свои паломничества злодѣяніями и, правда, претерпѣвали за это справедливое возмездіе. Какъ спокойно могли бы христіане навѣщать Гробъ Господень, не затѣвая страшной ненужной войны, которая всѣхъ озлобила, принесла безконечно много горя и навсегда отдѣлила Востокъ отъ Европы. Что въ имени владѣльца? Наши властители свято чтили гробъ вашего святого, котораго и мы признаемъ.

божественнымъ пророкомъ; какъ прекрасно могъ бы его священный гробъ стать колыбелью счастливаго единенія, основой вѣчныхъ благодѣтельныхъ союзовъ!

Среди ихъ бесѣды настала вечерь. Спускалась ночь и мѣсяцъ показался надъ влажнымъ лѣсомъ въ своемъ умиротворяющемъ сіяніи. Они стали медленно подниматься къ замку; Гейнрихъ глубоко задумался, его воинственное воодушевленіе совершенно исчезло. Онъ видѣлъ странное смятеніе въ мірѣ; мѣсяцъ явилъ ему ликъ утѣшающаго созерцателя; онъ вознесъ его надъ неровностями земной поверхности, такими ничтожными, если смотрѣть на нихъ съ высоты, хотя бы они и казались дикими и неприступными путнику. Зулейма тихо шла рядомъ съ нимъ и вела дѣвочку. Гейнрихъ несъ лютню. Онъ старался оживить у своей спутницы падающую надежду, что она снова когда-нибудь вернется на свою родину; онъ чувствовалъ мощное влеченіе стать ея спасителемъ, хотя и не зналъ, какъ бы онъ могъ это сдѣлать. Казалось, что какая-то особая сила была въ его простыхъ словахъ; Зулейма почувствовала необычайное успокоеніе и трогательно благодарила его за его ласковыя слова. Рыцари все еще сидѣли съ кубками въ рукахъ, а мать Гейнриха погружена была въ бесѣду о домашнемъ обиходѣ. Гейнриху не хотѣлось вернуться въ шумную залу. Онъ былъ утомленъ и скоро направился съ матерью въ отведенный имъ спальный покой. Онъ рассказалъ ей, прежде чѣмъ легъ спать, обо всемъ, что съ нимъ произошло, и вскорѣ заснулъ, погружаясь въ пріятные сны. Купцы тоже рано удалились на покой и рано встали на слѣдующее утро. Рыцари еще спали глубокимъ сномъ, когда они уѣхали; но хозяйка нѣжно попрощалась съ ними. Зулейма мало спала; внутренняя

радость не давала ей уснуть. Она присутствовала при отъѣздѣ путниковъ, кротко и старательно прислуживая имъ. Когда они прощались, она со слезами принесла свою лютню Гейнриху и трогательно попросила его взять ее съ собой на память о Зулеймѣ.

— Это была лютня моего брата,—сказала она:—онъ мнѣ подарилъ ее на прощанье. Она единственное достояніе, которое я спасла. Вчера она, кажется, вамъ понравилась, а вы оставляете мнѣ безцѣнный подарокъ: сладостную надежду. Примите же этотъ ничтожный знакъ моей признательности и пусть эта лютня будетъ залогомъ вашей памяти о бѣдной Зулеймѣ. Мы, навѣрное, снова увидимся, и тогда, быть можетъ, я буду болѣе счастливой.

Гейнрихъ заплакалъ; онъ отказался принять столь нужную ей лютню.

— Дайте мнѣ,—сказалъ онъ,—золотую повязь съ невѣдомыми буквами, которую вы носите въ волосахъ, если только это не память у васъ отъ вашихъ родителей или сестеръ; взамѣнъ возьмите покрывало, которое моя мать охотно вамъ уступить.

Она склонилась, наконецъ, на его просьбы и дала ему повязь, сказавъ:—Тутъ мое имя, начертанное буквами моего родного языка; я сама вышила его на этой повязи въ болѣе радостное время. Смотрите на нее съ добрымъ чувствомъ и помните, что она въ теченіе долгаго скорбнаго времени связывала мои волосы и поблѣднѣла вмѣстѣ со мною.

Мать Гейнриха взяла покрывало и передала его дѣбушкѣ, прижавъ ее къ себѣ и со слезами обнимая ее.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути они пріѣхали въ деревню у подножья нѣсколькихъ остроконечныхъ холмовъ, раздѣленныхъ глубокими ложбинами. Мѣстность была плодородная и привлекательная, хотя хребты холмовъ имѣли мертвый отталкивающий видъ. Гостиница была чистая, хозяева привѣтливые; много людей, частью путешественники, частью просто пришедшіе выпить, сидѣли за столами и мирно бесѣдовали.

Наши путники присоединились къ нимъ и вмѣшались въ разговоры. Вниманіе собравшихся устремлено было на одного стараго человѣка, который сидѣлъ у стола въ чужеземномъ платьѣ и охотно отвѣчалъ на вопросы, обращенные къ нему. Онъ пришелъ изъ чужихъ странъ, осмотрѣлъ съ утра всѣ окрестности и рассказывалъ о своемъ ремеслѣ и о своихъ открытіяхъ въ этотъ день. Его называли искателемъ кладовъ. Онъ говорилъ очень скромно о своихъ знаніяхъ и своемъ умѣніи, но рассказы его носили отпечатокъ странности и новизны. Онъ рассказаль, что онъ родомъ изъ Богеміи. Съ дѣтства его мучило желаніе узнать, что скрыто въ горахъ, откуда берется вода въ источникахъ и гдѣ можно найти золото, серебро и драгоценные камни, такъ неотразимо влекушіе къ себѣ людей. Онъ часто разсматривалъ въ находившейся поблизости монастырской церкви сверкающія драгоценности на образахъ и ракахъ съ мощами и мечталъ о томъ, чтобы камни заговорили съ нимъ и рассказали о своемъ таинственномъ происхожденіи. Онъ слышалъ, что драгоценности привозятся изъ далекихъ странъ, но всегда думалъ, что и на родинѣ его должны существовать такія же сокровища. Не напрасно, вѣдь, было

столько горъ вокругъ, такихъ высокихъ и такъ плотно закрытыхъ; ему казалось также иногда, что онъ видѣлъ въ горахъ блестящіе, сверкающіе камни. Онъ усердно карабкался по расщелинамъ утесовъ, залѣзалъ въ пещеры и съ невыразимымъ наслажденіемъ все оглядывалъ подъ этими древними сводами. Наконецъ, ему повстрѣчался путешественникъ, который посовѣтовалъ ему сдѣлаться рудокопомъ, ибо тогда онъ сможетъ удовлетворить свою любознательность. Онъ сказалъ ему, что есть рудники и въ Богеміи, и что если онъ будетъ идти вдоль берега внизъ по теченію десять-двѣнадцать дней, то придетъ въ Эулу; тамъ онъ пусть только скажетъ, что хочетъ сдѣлаться рудокопомъ. Онъ не замедлилъ послѣдовать совѣту и на слѣдующій же день отправился въ путь.—

Послѣ тяжелаго перехода въ нѣсколько дней,—продолжалъ онъ,—я прибылъ въ Эулу. Не могу вамъ сказать, въ какой я пришелъ восторгъ, когда увидѣлъ съ высоты холма груды камней, промежъ которыхъ росли зеленые кусты; на нихъ стояли хижины, сколоченныя изъ досокъ, и изъ долины поднимались облака дыма, стелившіяся надъ лѣсомъ. Далекій грохотъ усилилъ мое ожиданіе; и вскорѣ я самъ стоялъ съ невыразимымъ любопытствомъ и съ тихимъ благоговѣніемъ на такомъ возвышеніи или отвалѣ, передъ темными глубинами, которыя внутри хижинъ круто вели во внутрь горы. Я поспѣшилъ спуститься внизъ, въ долину, и вскорѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ людей, одѣтыхъ въ черное, съ лампами въ рукахъ; я не безъ основанія принялъ ихъ за рудокоповъ и робко заявилъ имъ о своемъ желаніи. Они ласково выслушали меня и сказали, чтобы я спустился къ плавильнямъ и спросилъ штейгера, который начальствуетъ надъ ними; отъ него я и узнаю, могу ли я быть принятъ. Они ска-

зали мнѣ, что мое желаніе, вѣроятно, будетъ удовлетворено и научили меня привѣтствію „въ добрый часъ“, съ которымъ мнѣ слѣдовало обратиться къ штейгеру. Преисполненный радостныхъ ожиданій, я все время повторялъ про себя знаменательное привѣтствіе. Штейгеръ оказался почтеннымъ старымъ человѣкомъ, который принялъ меня очень привѣтливо; послѣ того, какъ я рассказалъ ему все про себя и выразилъ страстное желаніе изучить его рѣдкостное таинственное ремесло, онъ выразилъ готовность исполнить мою просьбу. Я, видимо, понравился ему, и онъ оставилъ меня у себя въ домѣ. Я не могъ дождаться минуты, когда спущусь въ рудникъ и увижу себя въ очаровательной одеждѣ рудокопа. Еще въ тотъ же вечеръ онъ принесъ мнѣ платье и объяснилъ мнѣ способъ пользованія нѣкоторыми орудіями, спрятанными въ чуланѣ.

Вечеромъ къ нему пришли рудокопы и я внималъ каждому слову ихъ бесѣды, хотя и самый языкъ ихъ, и въ значительной степени содержаніе ихъ разсказовъ было мнѣ непонятно и невѣдомо. Но то небольшое, что я понималъ, еще болѣе усилило мое любопытство и занимало меня ночью въ снившихся мнѣ странныхъ снахъ. Я рано проснулся и отправился къ моему новому хозяину, у котораго собрались одинъ за другимъ рудокопы, чтобы выслушать его приказанія. Комната рядомъ была превращена въ маленькую часовню. Явился монахъ и отслужилъ обѣдню, а затѣмъ произнесъ торжественную молитву, поручая рудокоповъ святому заступничеству неба, которое должно было охранить ихъ въ ихъ опасной работѣ, защитить отъ преслѣдованій и коварства злыхъ духовъ и наградить ихъ богатствомъ пріисковъ. Я никогда не молился съ такимъ рвеніемъ, какъ въ этотъ день и ни-

когда такъ не чувствовалъ высокое значеніе литургіи. Мои будущіе товарищи представлялись мнѣ подземными героями, которымъ предстояло побороть тысячи опасностей; вмѣстѣ съ тѣмъ они обладали, какъ мнѣ казалось, завиднымъ счастьемъ, ибо, благодаря своимъ таинственнымъ знаніямъ и благодаря своему тихому общенію съ древними горными сынами природы въ своихъ темныхъ дивныхъ келіяхъ, они были подготовлены къ воспріятію небесныхъ даровъ и къ тому, чтобы вознестись надъ міромъ и мірскими печалями. Штейгеръ далъ мнѣ, послѣ того, какъ кончилось богослуженіе, лампу и маленькое деревянное распятіе и отправился вмѣстѣ со мной въ шахту, какъ мы называемъ крутые сходы въ подземныя зданія. Онъ научилъ меня, какъ спускаться внизъ, объяснилъ мнѣ необходимыя мѣры предосторожности и назвалъ имена разныхъ предметовъ и частей шахтъ. Онъ поѣхалъ впередъ и скатился по круглой балкѣ, держась одной рукой за веревку, которая скользила узломъ вдоль бокового шеста; въ другой рукѣ онъ держалъ зажженную лампу; я послѣдовалъ его примѣру и мы довольно быстро очутились на значительной глубинѣ. Я былъ въ странномъ, торжественномъ настроеніи и огонекъ предо мной мелькалъ, какъ счастливая звѣзда, указывающая мнѣ путь въ скрытыя сокровищницы природы. Мы очутились внизу среди лабиринта переходовъ, и мой добрый наставникъ неумоимо отвѣчалъ на всѣ мои вопросы и обучалъ меня своему искусству. Журчаніе воды, отдаленность отъ населенной поверхности земли, тьма и переплетенность ходовъ, а также далекій шумъ работающихъ рудокоповъ, безконечно восхищали меня; я съ радостью почувствовалъ себя въ полномъ обладаніи всѣмъ, чего такъ пламенно желалъ.

Трудно объяснить и описать чувство, вызванное удовлетворением врожденного желанія, дивную радость, порожденную тѣмъ, что стоитъ въ близкой связи съ нашей сокровенной сущностью, съ занятіями, для которыхъ мы предназначены и подготовлены съ колыбели. Быть можетъ, всякому другому эта работа показалась бы ничтожной, низкой и отталкивающей; но мнѣ она представлялась столь же необходимой, какъ воздухъ для груди и пища для желудка. Мой старый учитель радовался моему усердію и сказалъ мнѣ, что при такомъ прилежаніи и вниманіи, я могу сдѣлаться хорошимъ рудокопомъ. Какъ велико было мое благоговѣніе, когда я впервые въ жизни, шестнадцатаго марта, уже сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ царя металловъ въ нѣжныхъ листикахъ между расщелинами камней. Мнѣ казалось, что онъ какъ бы заключенъ въ темницѣ и привѣтливо сверкаетъ на встрѣчу рудокопу, который съ такими опасностями и трудностями пробилъ себѣ путь къ нему черезъ крѣпкія стѣны, для того, чтобы вывести его на свѣтъ Божій и дать ему возсіять на царскихъ вѣнцахъ и на священной утвари, а также для того, чтобы онъ владѣлъ и управлялъ міромъ въ видѣ всѣми почитаемыхъ и святохранимыхъ монетахъ, украшенныхъ портретами. Съ тѣхъ поръ я все время работалъ въ Эулѣ и дошелъ постепенно до должности высѣкальщика, который управляетъ работой въ каменоломнѣ; до того я былъ приставленъ къ нагрузкѣ отколотыхъ кусковъ въ корзины“.

Старый рудокопъ остановился, чтобы передохнуть, и выпилъ, чокнувшись со своими внимательными слушателями. Они весело подняли стаканы съ кликами: „Богъ въ помощь“. Гейнриху разсказъ старика очень понравился и ему хотѣлось слушать дальше.

Слушатели стали говорить про опасности и странности горнаго дѣла и вспоминали разныя удивительныя преданія; старикъ только улыбался и ласково поправлялъ неточность ихъ разказовъ.

Спустя нѣсколько времени, Гейнрихъ сказалъ:—Вы, вѣроятно, видѣли и испытали очень много любопытнаго на своемъ вѣку. Надѣюсь, вы никогда не раскаивались въ выборѣ своего образа жизни? Не будете ли вы столь любезны разказать намъ, какъ вамъ жилось съ тѣхъ поръ и куда вы держите путь. Вы, вѣроятно, много гдѣ бывали, и я предполагаю, что вы теперь болѣе, чѣмъ простой рудокопъ.

— Мнѣ самому пріятно—сказалъ старикъ—вспоминать про минувшія времена, когда я не разъ имѣлъ основаніе убѣждаться въ милосердіи и добротѣ Господней. Судьба дала мнѣ радостную и веселую жизнь, и не было ни одного дня, когда бы я не легъ спать съ благодарностью въ сердцѣ. Я былъ всегда счастливъ въ моихъ начинаніяхъ, и нашъ небесный отецъ сохранялъ меня отъ лукаваго; мнѣ дано было посѣдѣть въ почетѣ. Послѣ Бога я всѣмъ обязанъ моему старому учителю, который уже давно отправился къ праотцамъ; я никогда не могу вспомнить о немъ безъ слезъ. Онъ былъ человѣкъ стараго времени, вѣрный сердцу Господню. У него были высокіе помыслы, и все же въ дѣлахъ своихъ онъ былъ кроткій младенецъ. Благодаря ему стало процвѣтать горное дѣло и герцогъ богемскій пріобрѣлъ несмѣтныя богатства. Страна сдѣлалась богатой, населенной и цвѣтущей. Всѣ рудокопы чтили въ немъ отца и пока будетъ стоять Эула, имя его будутъ называть съ умиленіемъ и благодарностью. Онъ былъ родомъ изъ Лаузица, и его знали Вернеромъ. Его единственная дочь была еще ре-

бенкомъ, когда я поселился у него въ домѣ. Мое усердіе, моя вѣрность и моя страстная привязанность къ нему, съ каждымъ днемъ все болѣе располагали его ко мнѣ. Онъ далъ мнѣ свое имя и усыновилъ меня. Маленькая дѣвочка выросла и сдѣлалась милымъ созданиемъ; лицо ея было такимъ же яснымъ, привѣтливымъ и бѣлымъ, какъ ея душа. Старикъ видѣлъ, какъ она привязалась ко мнѣ и какъ охотно я болтаю и шучу съ нею, не отводя взгляда отъ ея голубыхъ, ясныхъ, какъ небо и сверкающихъ, какъ хрусталь глазъ и часто говорилъ мнѣ, что если я сдѣлаюсь хорошимъ рудокопомъ, то онъ не откажетъ мнѣ въ ея рукѣ. И онъ сдержалъ слово. Въ тотъ день, когда я сдѣлался мастеромъ, онъ возложилъ руки на наши головы, благословилъ насъ и мы стали женихомъ и невѣстой; чрезъ нѣсколько недѣль я увелъ ее, какъ свою жену, въ свою комнату. Въ тотъ же день я вырубилъ, рано утромъ, когда взошло солнце, богатую жилу. Герцогъ прислалъ мнѣ золотую цѣпь со своимъ портретомъ на большой медали и обѣщалъ мнѣ мѣсто моего тестя. Какъ я былъ счастливъ, когда въ день свадьбы повѣсилъ эту цѣпь на шею моей невѣстѣ и всѣ глаза устремились на нее. Нашъ старый отецъ дожилъ еще до того, что у него родилось нѣсколько славныхъ внуковъ; подъ осень пріиски его жизни оказались болѣе богатыми, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ смогъ съ легкимъ сердцемъ закончить работу и выѣхать изъ темной шахты сего міра, чтобы отдохнуть на покоѣ и дожждаться великаго расчетнаго дня.

Старикъ обратился къ Гейнриху и утеръ нѣсколько слезъ.—Горное дѣло,—сказалъ онъ,—пользуется благословеніемъ Господнимъ. Ничто другое не даетъ столько счастья и не придаетъ людямъ столько благородства. Никакое другое дѣло не укрѣпляетъ до такой степени

вѣру въ небесную мудрость, ничто такъ не сохраняетъ дѣтскую невинность сердца, какъ работа въ рудникахъ. Рудокопъ рождается бѣднымъ и въ бѣдности умираетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что знаетъ, гдѣ обрѣтаются металлы и тѣмъ, что извлекаетъ ихъ наружу; но ослѣпляющій блескъ ихъ не имѣетъ власти надъ его чистымъ сердцемъ. Не поддаваясь опасному безумію, онъ болѣе радуется ихъ своеобразной формаци, таинственности ихъ происхожденія и мѣстопребыванія, чѣмъ обладанію ими. Металлы теряютъ для него притягательную силу, когда становятся товаромъ, и онъ предпочитаетъ искать ихъ, не взирая на трудность и опасность, въ нѣдрахъ земли, чѣмъ слѣдовать ихъ зову въ жизни, чѣмъ добывать ихъ на землѣ обманомъ и коварствомъ. Трудъ сохраняетъ свѣжесть его сердца и бодрость духа; онъ принимаетъ съ глубокой благодарностью скудную плату за свой трудъ и выходитъ на свѣтъ изъ нѣдръ земли каждый день съ обновленной радостью. Только онъ и знаетъ прелесть свѣта и покоя, отраду чистаго воздуха и широкаго горизонта; только онъ одинъ вкушаетъ ѣду и питье благоговѣнно и радостно, какъ причастіе. И съ какой любящей чуткой душой встрѣчается онъ съ товарищами, ласкаетъ жену и дѣтей и радуется тихой бесѣдѣ.

Его одинокій трудъ отдѣляетъ его въ теченіе большей части его жизни отъ дневнаго свѣта и отъ людей. Онъ поэтому не остановится тупо равнодушнымъ къ этимъ неземнымъ проникновеннымъ благамъ и сохраняетъ дѣтскую душу; все открывается ему въ своей обособленности и непосредственной пестрой таинственности. Природа не желаетъ быть исключительнымъ достояніемъ отдѣльнаго человѣка. Превращаясь въ собственность, она становится зловреднымъ ядомъ, прогоняющимъ покой и

рождает пагубное желаніе захватить все во власть собственника; желаніе это ведетъ за собой безчисленныя заботы и дикія страсти. Природа тайно подкапываетъ почву подъ ногами собственника и вскорѣ хоронитъ его въ раскрывающейся безднѣ для того, чтобы переходить самой изъ рукъ въ руки; такимъ образомъ она постепенно удовлетворяетъ свое желаніе принадлежать всѣмъ.

Бѣдный, скромный рудокопъ, напротивъ того, спокойно работаетъ въ своемъ глубокомъ отшельничествѣ, вдали отъ мятежной суеты дня, воодушевленный только любознательностью и любовью къ единенію и миру. Въ своемъ одиночествѣ онъ вспоминаетъ съ искренней сердечностью о своихъ товарищахъ и о своей семьѣ, и въ немъ все болѣе укрѣпляется увѣренность во взаимной необходимости людей другъ другу и въ томъ, что всѣ соединены кровными узами. Его трудъ научаетъ его неутомимому терпѣнію, не допуская, чтобы вниманіе разсѣивалось въ бесполезныхъ мысляхъ. Ему приходится имѣть дѣло съ капризной, твердой, непреклонной силой, которую можно превозмочь только упорнымъ трудолюбіемъ и постоянной бдительностью. Но какимъ дивнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ на этихъ страшныхъ глупинахъ истинное довѣріе къ небесному отцу, рука и забота котораго открываются рудокопу ежедневно въ самыхъ несомнѣнныхъ знакахъ. Сколько разъ я сидѣлъ въ глубинѣ рудника, благоговѣнно разсматривая при свѣтѣ моей лампы простое распятіе. И тогда только я вполнѣ понималъ священный смыслъ этого таинственного изображенія и проникъ въ самый благородный тайникъ моего сердца, изъ котораго могъ потомъ черпать безъ конца.

Старикъ помолчалъ нѣсколько времени и снова началъ говорить.—Я считаю—сказалъ онъ—истинно божествен-

нымъ того человѣка, который научилъ людей искусству рудокоповъ и указалъ въ лонѣ скалъ на этотъ глубокой образъ человѣческой жизни. Въ одномъ мѣстѣ жила пробивается мощно и ясно, но она бѣдная, а въ другомъ утесъ втиснулъ ее въ жалкое незамѣтное ущелье, и тамъ обрѣтается самая благородная руда. Другія жилы понижаютъ ее благородство, пока къ ней не проникаетъ родственная жила, безконечно возвышая ее достоинство. Часто жила раскалывается передъ рудокопомъ на тысячу обломковъ. Но тотъ, у кого есть терпѣніе, не уstraшенъ, а спокойно продолжаетъ свой путь; усердіе его вознаграждается, открывая ему новыя возможности. Часто ложный слѣдъ сбиваетъ его съ правильнаго пути; но онъ вскорѣ видитъ свою ошибку и прорѣзываетъ путь поперекъ, пока снова не находитъ жилу. Рудокопъ близко знакомится такимъ образомъ со всѣми капризами случая; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждается, что усердіе и постоянство единственное средство справиться со случаемъ и добыть сокровища, упорно имъ скрываемыя.

— У васъ, навѣрное, нѣтъ недостатка въ пѣсняхъ, поднимающихъ духъ, — сказалъ Гейнрихъ. — Мнѣ кажется, что ваше ремесло должно вдохновлять къ пѣнію и что музыка должна быть желанной спутницей рудокопа.

— Это вѣрно — отвѣтилъ старикъ. — Пѣніе и игра на цитрѣ постоянные спутники рудокопа и никто такъ не чувствуетъ все очарованіе музыки, какъ онъ. Музыка и танцы — истинныя радости рудокоповъ; они точно веселая молитва; воспоминаніе о нихъ и ожиданіе ихъ облегчаютъ тяжелый трудъ и сокращаетъ долгое одиночество.

Если хотите, то я сейчасъ же пропою вамъ пѣсню, которую много пѣли въ моей молодости:

„Лишь тотъ земли властитель,
Кто въ глубь ея проникъ,
Въ завѣтную обитель,
Гдѣ отъ суеты отвыкъ.

Кто понялъ скаль строенье
И за день трудовой
Любуется въ волненьѣ
Великой мастерской.

Онъ отдалъ ей всѣ силы,
Все существо свое,
Какъ отъ невѣсты милой,
Пылаеть отъ нея.

Огонь не гаснетъ нѣжный,
Любовь всегда сильна.
Не знаетъ онъ прилежный
Ни отдыха, ни сна.

Есть дивныя преданья
О временахъ былыхъ.
Родная въ назиданье
Ему расскажетъ ихъ.

Святая древность вѣетъ
Вокругъ его чела,
И вѣчный свѣтъ мелѣетъ
Пещерь ночная мгла.

И каждый шагъ вскрываетъ
Глухіе тайники,

Земля благословляетъ
Труды его руки.

Ему на помощь воды
Струи свои стремятъ,
И каменные своды
Сокровища таятъ.

Ручьями золотыми
Обогащенъ дворець,
Украшенъ дорогами
Алмазами вѣнецъ.

Онъ королю приносить
Дневную дань труда,
Но многого не просить
И бѣденъ, какъ всегда.

Ихъ золото раздавить,
Ихъ сгубить алчный споръ;
А онъ лишь вольность славить,
Владыка ясныхъ горъ.“

Гейнриху пѣсня чрезвычайно понравилась и онъ попросилъ старика спѣть еще одну. Старикъ охотно согласился и сказалъ:—Я знаю еще одну странную пѣсню, происхожденіе которой неизвѣстно намъ самимъ. Ее привезъ одинъ странствующій рудокопъ, пріѣхавшій издалека. Пѣсня очень понравилась своей необычайностью. Она была темна и непонятна, какъ музыка, но именно этимъ она привлекала и занимала, какъ сонъ на яву:

„Въ далекомъ царствѣ замокъ есть,
 Тамъ день и ночь король проводитъ,
 Чудесныхъ слугъ его не счесть;
 Но самъ онъ къ свѣту не выходитъ.
 Покои тайные свои
 Хранить онъ стражей незамѣтной;
 И только съ кровли разноцвѣтной
 Струятся вѣчные ручьи.

Все, что въ созвѣздіяхъ сквозь тьму
 Они увидятъ свѣтлымъ взоромъ,
 Рассказываютъ все ему,
 И нѣтъ конца ихъ разговорамъ.
 Онъ моется въ нихъ вновь и вновь,
 Въ нихъ члены нѣжные купаетъ,
 И всѣ лучи ихъ повторяетъ
 Его сіяющая кровь.

Тотъ замокъ былъ въ пучинѣ скрытъ,
 Съ тѣхъ поръ прошло столѣтій много,
 Онъ внизъ ушелъ, но все стоитъ,
 Лишь ввысь отрѣзана дорога.
 И цѣпью окружилъ стальной
 Всѣхъ подданныхъ король могучій,
 И вѣютъ, какъ знамена, тучи
 Тамъ, надъ скалистой вышиной.

У крѣпко запертыхъ воротъ
 Столпились подданные вмѣстѣ,
 Здѣсь каждый короля поетъ,
 Ихъ пѣсни полны сладкой лести.
 Они довольны и горды,

Они не знаютъ, что въ неволѣ;
Они не просятъ лучшей доли,
Не чувствуютъ ни въ чемъ нужды.

И лишь немногіе хитрѣй.
Имъ царскаго не нужно дара;
Ихъ замысль—скорѣй, скорѣй
Зарыть навѣки замокъ старый.
Оковы тайны вѣковой
Падутъ, когда надъ темной бездной
Вдругъ загорится лучъ небесный,
Блеснетъ свободы день живой.

Тому, кто смѣлъ, силенъ и прямъ,
Скала и пропасти не страшны;
Довѣрять сердцу и рукамъ,
Онъ ищетъ короля, отважный.
Зоветь его изъ тайныхъ залъ,
Воюеть съ духомъ, духомъ полный,
И необузданныя волны
Текутъ, куда онъ приказалъ.

Но вотъ, чѣмъ ближе вышина,
Чѣмъ дальше отъ пещеръ холодныхъ,
Вся власть его усмирена,
И все растеть число свободныхъ.
Оковы упадутъ—и вотъ
Ворвется въ замокъ валъ суровый
И на зеленыхъ крыльяхъ снова
Насъ милой родинѣ вернетъ*.

Когда старикъ кончилъ, Гейнриху показалось, точно

онъ уже гдѣ-то слышалъ эту пѣсню. Онъ попросилъ повторить ее и записалъ себѣ ее на память. Послѣ того старикъ вышелъ и купцы заговорили съ другими гостями о прибыльности горнаго дѣла и о трудностяхъ его.

Одинъ сказалъ:—Старикъ, навѣрное, не напрасно сюда явился. Онъ сегодня карабкался по холмамъ и, навѣрное, напалъ на хорошія примѣты. Спросимъ его, когда онъ снова войдетъ.—Знаете,—сказалъ другой—его можно было бы попросить, чтобы онъ искалъ источникъ для нашей деревни. Вода отъ насъ далека, и было бы очень пріятно имѣть хорошій колодезь.—Мнѣ пришло въ голову—сказалъ третій—спросить его, не возьметъ ли онъ съ собой одного изъ моихъ сыновей, который все тащитъ домой камни. Онъ, навѣрное, могъ бы сдѣлаться хорошимъ рудокопомъ. Старикъ, кажется, человѣкъ хорошій и, могъ бы сдѣлать изъ моего сына толковаго человѣка. Купцы говорили также о томъ, что можно бы черезъ рудокопа войти въ сношенія съ Богеміей и приобрѣтать тамъ металлы по хорошей цѣнѣ. Старикъ снова вошелъ въ комнату и всѣмъ захотѣлось извлечь пользу изъ знакомства съ нимъ. Онъ заговорилъ первый:—Какъ душно и жутко здѣсь въ комнатѣ—сказалъ онъ.—Мѣсяць ярко свѣтитъ и мнѣ бы очень хотѣлось еще прогуляться. Я видѣлъ здѣсь днемъ по близости нѣсколько замѣчательныхъ пещеръ. Быть можетъ, кто-нибудь изъ васъ рѣшится пойти со мной? И если мы запасемъ свѣтильниками, то безъ всякаго затрудненія сможемъ осмотрѣть пещеры.

Въ деревнѣ всѣ хорошо знали эти пещеры, но никто не рѣшался войти въ нихъ; ходили страшные слухи про драконовъ и разныхъ чудовищъ, таящихся тамъ. Иные говорили, что сами ихъ видѣли и утверждали, что у входа находили кости похищенныхъ и

съѣденныхъ людей и животныхъ. Другіе говорили, что тамъ живетъ духъ, что нѣсколько разъ показывалась издали странная человѣческая фигура и что ночью оттуда доносились пѣсни.

Старикъ, видимо, не вѣрилъ этимъ разсказамъ; онъ со смѣхомъ утверждалъ, что можно во всякомъ случаѣ спокойно довѣриться охранѣ рудокопа, потому что чудовища испугаются его, а что распѣвающій пѣсни духъ, навѣрное, благодѣтельное существо. Многіе изъ любопытства приняли его предложеніе; Гейнрихъ тоже пожелалъ сопровождать его и мать сдалась, наконецъ, на уговоры старика, который обѣщаль охранять Гейнриха, и разрѣшила ему идти съ нимъ. Купцы тоже присоединились къ нимъ. Набрали длинныя лучины для факеловъ; часть общества, кромѣ того, запаслась лѣстницами, шестами, веревками и разными предметами для обороны. Такъ началось паломничество къ близкимъ холмамъ. Старикъ шель впереди съ Гейнрихомъ и купцами. Крестьянинъ привелъ своего любознательнаго сына, который съ радостью взялъ факель и повелъ къ пещерамъ. Вечеръ былъ ясный и теплый. Мѣсяцъ мягко сіялъ надъ холмами и вызывалъ странныя грезы. Онъ самъ казался грезой солнца; онъ лежалъ надъ міромъ сновъ, погруженнымъ въ самосозерцаніе и возвращалъ природу съ ея безчисленными гранями къ миѳическому первобытному времени, когда каждый зародышъ еще покоился въ нетронутомъ одиночествѣ и тщетно стремился развернуть всю темную полноту своего неизмѣримаго бытія. Въ душѣ Гейнриха отражалась сказка вечера. У него было такое чувство, точно міръ покоится въ немъ весь раскрытый и показываетъ ему, какъ дорогому гостю, всѣ свои сокровища и скрытыя красоты. Простое величіе окружающаго стало ему удивительно понятнымъ. При-

рода казалась ему непостижимой лишь потому, что она нагромождает вокруг челоѣка самое близкое и отрадное съ щедрымъ обиліемъ разнообразныхъ формъ. Слова старика какъ бы раскрыли передъ нимъ потайную дверь. Онъ увидѣлъ свою маленькую комнату, расположенную вплотную у стѣны высокаго собора, съ каменныхъ плитъ котораго поднималось великое прошлое, въ то время какъ съ купола на встрѣчу прошлому несло ясное, радостное будущее въ образѣ золотыхъ ангелочковъ. Мощные звуки дрожали, врываясь въ серебристое пѣніе, и въ широкія двери вступали существа, каждое изъ которыхъ высказывало свою внутреннюю сущность на своемъ обособленномъ нарѣчїи. Онъ удивлялся, что это ясное пониманіе, уже столь необходимое теперь для его существованія, такъ долго не открывалось ему. Онъ обозрѣлъ вдругъ всѣ свои отношенія къ широкому міру вокругъ него, почувствовалъ, чѣмъ онъ сдѣлался благодаря міру, и чѣмъ міръ можетъ стать для него и понялъ всѣ странныя представленія и откровенія, которыя часто являлись ему при созерцаніи міра. Разсказъ купцовъ о юношѣ, который такъ неустанно созерцалъ природу и сдѣлался зятемъ короля, снова вспомнился ему и тысяча другихъ воспоминаній его жизни сами собой потекли, связанная волшебной нитью. Въ то время, какъ Гейнрихъ предавался своимъ размышленіямъ, общество приблизилось къ пещерѣ. Входъ былъ низкій; старикъ взялъ факель и пробрался во внутрь, карабкаясь по камнямъ. Рѣзкая струя воздуха подула ему въ лицо, и старикъ заявилъ, что всѣ могутъ спокойно слѣдовать за нимъ. Самые боязливые шли позади другихъ и держали наготовѣ оружіе. Гейнрихъ и купцы слѣдовали за старикомъ, а мальчикъ бодро шелъ рядомъ съ нимъ. Дорога вела

сначала по довольно узкому ходу, который, однако, вскорѣ привелъ въ широкую и высокую пещеру; свѣтъ факеловъ не смогъ вполнѣ ее освѣтить, но все же въ глубинѣ можно было различить нѣсколько отверстій, которыя терялись въ скалѣ. Почва была мягкая и довольно ровная; стѣны и потолокъ были тоже гладкіе и довольно правильной формы. Но болѣе всего общее вниманіе было привлечено безчисленнымъ количествомъ костей и зубовъ, лежащихъ на землѣ. Многіе сохранились въ цѣлости, на другихъ были знаки разложенія, а тѣ, которые торчали въ разныхъ мѣстахъ стѣны, казались окаменѣвшими. Большинство изъ нихъ были необыкновенно большіе и крѣпкіе. Старикъ обрадовался этимъ останкамъ глубокой древности; крестьянамъ же было не по себѣ. Кости казались имъ явными слѣдами близости хищныхъ звѣрей, хотя старикъ ясно показывалъ имъ признаки глубокой древности на костяхъ: онъ спрашивалъ ихъ при этомъ, замѣтили ли они опустошеніе въ своихъ стадахъ и могутъ ли они признать эти кости костями извѣстныхъ имъ звѣрей или людей. Старикъ предложилъ идти дальше вглубь горы, но крестьяне сочли болѣе благоразумнымъ выйти изъ пещеры и ждать у входа его возвращенія. Гейнрихъ, купцы и мальчикъ остались со старикомъ и запаслись веревками и факелами. Они вскорѣ попали во вторую пещеру, причемъ старикъ не забылъ обозначить проходъ, изъ котораго они вышли, фигурой, сложенной изъ костей. Вторая пещера похожа была на первую и тамъ тоже находились въ изобиліи останки животныхъ. Гейнриху сдѣлалось страшно; ему казалось, что онъ бродитъ въ предверіи подземнаго дворца. Небо и жизнь представились ему вдругъ безконечно далекими, а темные широ-

кіє своды показались частью страннаго подземнаго царства.

Возможно ли, думалъ онъ, что подъ нашими ногами движется цѣлый міръ со своей обособленной огромной жизнью? Возможно ли, что въ нѣдрахъ земли живутъ небывалыя существа и что внутренний огонь темнаго царства превращается въ гигантскія мощныя духомъ созданія? Могли ли бы эти страшные незнакомцы, выгнанные наружу проникающимъ во внутрь холодомъ, появиться когда-нибудь среди насъ, причемъ, быть можетъ, одновременно открылись бы нашимъ взорамъ небесные гости, живыя, говорящія силы звѣздъ надъ нашими головами? Представляютъ ли собой эти кости остатки ихъ устремленія вверхъ, или же это знаки бѣгства вглубь?

Вдругъ старикъ призвалъ остальныхъ и показалъ имъ свѣжіе слѣды человѣческихъ ногъ на землѣ. Слѣды были только одного человѣка и старикъ рѣшилъ, что можно пойти по нимъ, не боясь наткнуться на разбойниковъ. Они только что собрались выполнить это намѣреніе, какъ вдругъ подъ ихъ ногами раздалось далеко изъ глубины пѣніе. Они очень удивились, но стали внимательно прислушиваться:

„Смѣйся ночью голубою,
Милыхъ дольнихъ узъ не рви.
Каждый день передъ тобою
Чаша полная любви.

Брызни, Божья влага, брызни,
Въ небо вознеси мой взглядъ.
Опьяненный, въ этой жизни
Я стою у райскихъ вратъ.

Въ сладкой ласкѣ улетая,
 Духъ мой не боится зла.
 Мнѣ Царица женъ святая
 Сердце вѣрное дала.

Скорбью долгой и унылой
 Прахъ мой бѣдный просвѣтленъ.
 Въ немъ сіяетъ образъ милый.
 Вѣчность общаетъ онъ.

Какъ мгновенье, какъ мечтанье,—
 Этихъ дней несчетный рядъ.
 Но взгляну я въ день прощанья
 Съ благодарностью назадъ.“

Всѣ были пріятно поражены и загорѣлись желаніемъ найти пѣвца.

Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ они увидѣли въ углу правой боковой стѣны спускающійся внизъ входъ, куда вели слѣды ногъ. Вскорѣ издали какъ будто мелькнулъ просвѣтъ, который все болѣе опредѣлялся по мѣрѣ ихъ приближенія. Открылась еще одна пещера, болѣе просторная чѣмъ другія, и въ глубинѣ ея они увидѣли человека, сидѣвшаго за лампой; предъ нимъ лежала на каменной плитѣ большая книга, которую онъ читалъ.

При ихъ появленіи онъ обернулся, поднялся и пошелъ имъ на встрѣчу. Возрастъ его никакъ нельзя было угадать. Онъ не казался ни молодымъ, ни старымъ, и на немъ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ времени, кромѣ серебряныхъ волосъ, съ гладкимъ проборомъ на лбу. Въ глазахъ его свѣтилась несказанная бодрость и веселость, точно онъ глядѣлъ со свѣтлой горы на безконечную

весну. У него были привязаны къ ногамъ подошвы и вся его одежда, повидимому, заключалась въ широкомъ плащѣ, въ который онъ завернулся; плащъ этотъ ясно обрисовывалъ его благородный высокій станъ. Неожиданное появленіе пришельцевъ, какъ будто совсѣмъ не удивило его; онъ поздоровался съ ними, какъ знакомый; казалось, что онъ принимаетъ у себя въ домѣ приглашенныхъ гостей.

— Какъ хорошо, что вы навѣстили меня, — сказалъ онъ.

— Вы первые друзья, которыхъ я здѣсь вижу, хотя живу я здѣсь давно. Повидимому, теперь начинаютъ ближе присматриваться къ нашему дивному большому дому.

— Мы не предполагали, — отвѣтилъ старикъ, — что встрѣтимъ здѣсь столь любезнаго хозяина. Намъ говорили, что здѣсь обрѣтаются дикіе звѣри и призраки, и мы самымъ пріятнымъ образомъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Если же мы помѣшали вамъ предаваться вашимъ глубокимъ размышленіямъ, то простите насъ за любопытство.

— Что можетъ быть отраднѣе, — сказалъ незнакомецъ, — чѣмъ видѣть бодрія пріятныя лица. Не считайте меня нелюдимомъ только потому, что вы застали меня здѣсь въ одиночествѣ. Я не бѣжалъ отъ міра, а только искалъ мѣста отдохновенія, гдѣ могъ бы спокойно предаваться моимъ размышленіямъ.

— А вы никогда не раскаивались въ своемъ рѣшеніи? Не бываетъ развѣ у васъ часовъ, когда вамъ становится жутко и когда сердце ваше жаждетъ услышать человѣческой голось?

— Теперь этого уже не бываетъ. Было время въ моей молодости, когда горячая мечтательность побудила меня

стать отшельникомъ. Смутныя предчувствія занимали мою юношескую фантазію. Я надѣялся вполнѣ утолить жажду моего сердца въ уединеніи. Источникъ моей внутренней жизни казался мнѣ неисчерпаемымъ. Но вскорѣ я понялъ, что нужно въ пустыню принести богатый опытъ, понялъ, что пока сердце молодо, оно будетъ томиться въ одиночествѣ и что человѣкъ приобретаетъ нѣкоторую самостоятельность только въ общеніи съ другими людьми.

— Я самъ полагаю,—отвѣтилъ старикъ,—что бываетъ естественное призваніе ко всякаго рода жизни и что, быть можетъ, опытность надвигающейся старости естественно ведетъ къ отчужденію отъ общества людей. Общество должно быть дѣятельнымъ во имя самосохраненія и ради своей пользы. Движущей силой въ немъ являются большія надежды или общія цѣли, такъ что дѣти и старики какъ бы исключены изъ его жизни. Дѣтей исключаетъ ихъ беспомощность и ихъ невѣдѣніе, а стариковъ преисполняетъ надежда видѣть цѣль осуществленной; отдѣлившись отъ общества, они хотятъ углубиться въ собственную душу и съ достоинствомъ готовиться къ высшему общенію. Но у васъ, кажется, были еще особыя причины, побудившія васъ отдалиться отъ людей и отказаться отъ всѣхъ удобствъ общественной жизни. Я полагаю, что все же иногда ваше душевное напряжение падало и вамъ тогда бывало жутко.

— Я дѣйствительно испытывалъ жуткое чувство, но сумѣлъ побѣдить его строгой правильностью жизни. Кромѣ того, я стараюсь сохранить здоровье при помощи движенія и благодаря этому чувствую себя хорошо. Я хожу каждый день по нѣсколько часовъ и наслаждаюсь насколько только возможно солнечнымъ свѣтомъ и возду-

хомъ. Остальное время я провожу здѣсь и занимаюсь плетеніемъ корзинокъ и рѣзбой. Мои товары я обмѣниваю въ далекихъ деревняхъ на жизненные припасы. Я также привезъ съ собой книги и время летитъ какъ мгновеніе. У меня есть нѣсколько знакомыхъ, которымъ извѣстно мѣсто моего пребыванія, и которые сообщаютъ мнѣ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Они похоронятъ меня, когда я умру и возьмутъ мои книги.

Онъ подвелъ ихъ къ своему сидѣнью близъ стѣны пещеры. На землѣ лежали нѣсколько книгъ и, кромѣ того, цитра, а на стѣнѣ висѣли рыцарскіе доспѣхи, повидимому, очень драгоценные. Столъ сдѣланъ былъ изъ пяти большихъ каменныхъ плитъ, составленныхъ въ видѣ ящика. На верхней плитѣ высѣчены были двѣ человѣческія фигуры, мужская и женская, въ полный ростъ; онѣ держали въ рукахъ вѣнокъ изъ лилій и розъ. По бокамъ сдѣлана была надпись:

„Фридрихъ и Марія фонъ-Гогенцолернъ вернулись здѣсь на свою родину.“

Пустынный спросилъ своихъ гостей, откуда они родомъ и какъ они попали въ эти мѣста, Онъ былъ очень привѣтливъ, говорилъ открыто и обнаруживалъ большое знаніе свѣта.

Старикъ сказалъ:—вижу, что вы были воиномъ; ваши доспѣхи выдаютъ васъ.

— Опасности и переменныя судьбы войны, высокое поэтическое воодушевленіе, охватывающее войско въ походахъ, вырвали меня изъ моего юношескаго уединенія и опредѣлили мою дальнѣйшую жизнь. Очень возможно, что постоянный шумъ, множество событій, въ которыхъ я принималъ участіе, еще болѣе усилили во мнѣ жажду одиночества: безчисленныя воспоминанія составляютъ

очень пріятное общество. Минувшія событія становятся все болѣе занимательными по мѣрѣ того, какъ мѣняется нашъ взглядъ на нихъ, потому что только измѣнившійся взглядъ можетъ раскрыть правду ихъ соотношеній, глубину ихъ сцѣпленія, а также и истинный ихъ смыслъ. Пониманіе того, что происходитъ съ людьми, появляется уже поздно и скорѣе подъ вліяніемъ воспоминаній, чѣмъ подъ болѣе напряженными впечатлѣніями текущей минуты. Самыя близкія событія кажутся лишь слабо связанными между собой, но тѣмъ чудеснѣе сплетаются они съ болѣе далекими. И только, когда есть возможность обозрѣть цѣлый рядъ происшествій и уже не принимать все буквально, но вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольно не запутывать ихъ дѣйствительное сцѣпленіе собственной фантазіей, тогда начинаешь замѣчать тайное сплетеніе минувшаго и грядущаго, тогда начинаешь строить исторію изъ надежды и воспоминаній. Но только тому, кто ясно помнитъ все минувшее, могутъ открыться простые законы исторіи. Мы приходимъ лишь къ несовершеннымъ и затруднительнымъ формуламъ и рады, когда находимъ для самихъ себя пригодныя правила, которыя помогаютъ намъ справиться съ нашей собственной короткой жизнью. Я могу только сказать, что всякое тщательное созерцаніе жизненныхъ судебъ доставляетъ глубокое неисчерпаемое наслажденіе и болѣе всѣхъ другихъ мыслей возвышаетъ насъ надъ земными печалями. Юность читаетъ исторію только изъ любопытства, какъ занимательную сказку. Въ зрѣломъ возрастѣ исторія становится небесной, утѣшающей и поучающей подругой, которая своими мудрыми рѣчами мягко подготавливаетъ человѣка къ высшей, болѣе широкой жизни и знакомитъ его съ невѣдомымъ міромъ понят-

ными образами. Церковь обиталище исторіи и кладбище—ея символическій садъ. Исторію должны писать только старые благочестивые люди, собственной исторіи которыхъ уже наступилъ конецъ, такъ что имъ остается надѣяться лишь на то, что ихъ пересадятъ въ кладбищенскій садъ. Ихъ повѣствованіе будетъ не мрачнымъ и не печальнымъ; напротивъ того, лучъ изъ купола покажетъ имъ все въ прекрасномъ и истинномъ свѣтѣ и святой духъ будетъ носиться надъ этими странно бушующими водами.

— Какъ правдива и убѣдительна ваша рѣчь—сказалъ старикъ.—Конечно, слѣдовало бы съ большимъ рвеніемъ точно записывать все достопримѣчательное своего времени и передавать какъ благочестивый завѣтъ грядущимъ поколѣніямъ. Есть тысячи болѣе отдаленныхъ дѣлъ, которымъ посвящаютъ силы и трудъ, а какъ разъ о самомъ близкомъ и важномъ, о судьбахъ собственной жизни и жизни нашихъ близкихъ, нашего рода, нѣкоторую упорядоченность которой мы постигаемъ въ понятіи о провидѣніи—объ этомъ какъ разъ мы менѣе всего думаемъ и легкомысленно даемъ изгладиться слѣдамъ пережитаго въ нашей памяти. Какъ святыню, болѣе мудрое потомство будетъ изучать все, что касается событийъ минувшаго. Даже жизнь отдѣльнаго незначительнаго человѣка не будетъ казаться безразличной, ибо въ ней, навѣрное, такъ или иначе отражается великая жизнь его современниковъ.

— Печально только то—сказалъ графъ Гогенцолернъ,—что даже тѣ немногіе, которые записывали дѣянія и событія своего времени, дѣлали это не размышляя и не старались придать своимъ наблюденіямъ цѣльность и связность; они совершенно произвольно выбирали и собирали

свои свѣдѣнія. Каждый легко видитъ по себѣ, что онъ могъ бы записать ясно и цѣльно лишь то, что знаетъ въ точности во всѣхъ составныхъ явленіяхъ, во всей послѣдовательности; иначе выйдетъ не описаніе, а путанный наборъ разрозненныхъ замѣчаній. Пусть дадутъ ребенку описать машину, или крестьянину корабль; изъ ихъ словъ никто не сможетъ извлечь никакой пользы. Точно также обстоитъ дѣло съ большинствомъ историковъ; они, быть можетъ, умѣютъ рассказывать и даже чрезмерно словообильны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они забываютъ самое важное, то, что дѣлаетъ исторію исторіей и объединяетъ случайное въ поучительное цѣлое. Вникая въ это, я вижу, что историкъ непременно долженъ быть поэтомъ; только поэты обладаютъ искусствомъ умѣло связывать событія. Въ ихъ разсказахъ и басняхъ я съ тихой радостью подмѣчалъ тонкое проникновеніе въ таинственную сущность жизни. Въ ихъ сказкахъ больше правды, чѣмъ въ ученыхъ лѣтописяхъ. Хотя ихъ герои и судьбы ихъ выдуманы, но все же смыслъ выдумокъ правдивый и жизненный. Для нашего наслажденія и назиданія въ сущности безразлично, дѣйствительно ли жили или не жили тѣ, чья жизнь отражаетъ нашу собственную. Мы требуемъ, чтобы намъ показали великую, простую душу современности, и если наше желаніе исполнено, то намъ нѣтъ дѣла до случайнаго существованія внѣшнихъ обликовъ.

— Я тоже—сказалъ старикъ— всегда любилъ поэтовъ по той же причинѣ. Жизнь и міръ стали для меня болѣе ясными и дѣйствительными черезъ ихъ посредство. Мнѣ казалось, что они, навѣрное, въ дружбѣ съ духами свѣта, пронизывающими всѣ существа и набрасывающими на все своеобразный, нѣжно окрашенный покровъ. При звукѣ

ихъ пѣсенъ моя собственная душа легко раскрывалась; казалось, что она можетъ свободнѣе двигаться, радоваться своимъ желаніямъ, переживать тысячи очаровательныхъ ощущеній.

— Жили ли въ вашихъ мѣстахъ какіе-нибудь поэты? Дала ли вамъ судьба такое счастье?—спросилъ отшельникъ.

— Бывало иногда, что у насъ жили поэты, но они любили путешествовать и большой частью не долго у насъ оставались. Впослѣдствіе я встрѣчалъ поэтовъ во время моихъ странствованій по Иллиріи, по Саксоніи и Швеціи, и о нихъ у меня сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

— Такъ вы значить далеко ѣздили и, навѣрное, видали много достопримѣчательнаго.

— Наше дѣло такое, что почти по необходимости приходится много гдѣ бывать. Рудокопа гонить съ мѣста на мѣсто какъ бы подземное пламя. Одна гора отсылаетъ его къ другой. Ему открывается безконечно многое, и всю свою жизнь онъ учится той своеобразной архитектурѣ, которая создала и выровняла почву подъ нашими ногами. Наше мастерство старинное и широко распространенное. Оно, быть можетъ, пришло съ востока вмѣстѣ съ солнцемъ и направилось, какъ весь родъ человѣческой, на западъ, а также изъ середины къ краямъ. Ему приходилось всюду бороться съ разными трудностями, и такъ какъ всегда потребность ведетъ человѣческой духъ къ полезнымъ открытіямъ, то и рудокопъ увеличиваетъ всюду свое пониманіе и свое умѣніе и обогащаетъ родину своимъ опытомъ.

— Вы точно астрологи на изнанку—сказалъ отшельникъ.—Какъ тѣ, не отводя глазъ, созерцаютъ небо и

блуждаютъ по его необозримымъ пространствамъ, такъ вы устремляете взоръ на поверхность земли и постигаете ея строеніе. Они изучаютъ силы и вліяніе звѣздъ, а вы изслѣдуете свойства утесовъ и горъ и разнообразныя вліянія земляныхъ и каменныхъ пластовъ. Для нихъ небо—книга будущаго, вамъ же земля являетъ памятники самой глубокой древности.

— Это сопоставленіе не лишено смысла,—съ улыбкой сказалъ старикъ.—Сіяющіе пророки играютъ, быть можетъ, главную роль въ древней исторіи чудеснаго строенія земли; быть можетъ, со временемъ ихъ лучше узнаютъ и объяснятъ изъ ихъ твореній, а творенія ихъ изъ нихъ самихъ. Быть можетъ, великія горныя цѣпи являютъ слѣды ихъ прежнихъ путей; быть можетъ, они хотѣли сами себя питать и слѣдовать по небу собственнымъ путемъ. Нѣкоторые смѣло поднялись, чтобы тоже сдѣлаться звѣздами, и зато они лишены прекраснаго зеленаго одѣянія болѣе низкихъ мѣстъ. Они за это ничего не получили, кромѣ того, что помогаютъ своимъ отцамъ устанавливать погоду и того, что они стали пророками для долинъ, то охраняя ихъ, то наводняя бурями.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ этой пещерѣ—продолжалъ пустыльникъ—я научился больше размышлять о старинѣ. Нельзя выразить, до чего это увлекательно, и я могу себѣ представить, какъ рудокопъ долженъ любить свое дѣло. Глядя на странныя старыя кости, которыхъ здѣсь такое огромное количество, я переносусь мыслью въ то дикое время, когда эти невѣдомыя огромныя животныя врывались толпами сюда въ пещеры, быть можетъ, охваченные страхомъ, и здѣсь находили смерть; а потомъ я думаю о тѣхъ временахъ, когда эти пещеры срослись, когда безконечные потоки покрыли землю,

и я кажусь самому себѣ мечтой о будущемъ, сыномъ вѣчнаго мира. Какъ спокойна и миролюбива, какъ кротка теперь природа въ сравненіи съ тѣми временами исполинскаго насилія. Самыя страшныя бури, самыя ужасающія землетрясенія нашихъ дней лишь слабый отзвукъ тѣхъ страшныхъ родовыхъ мукъ. Быть можетъ, даже животный и растительный міръ, быть можетъ, и тогдашніе люди, если они существовали на отдѣльныхъ островкахъ въ этомъ океанѣ, имѣли другое, болѣе крѣпкое и болѣе грубое сложеніе; во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы считать выдумками сказанія о племени великановъ.

— Отраднo,—сказалъ старикъ,—отмѣчать постепенное успокоеніе природы. Образовалось шагъ за шагомъ болѣе тѣсное единеніе, болѣе мирное общеніе, взаимная поддержка и оживленіе, такъ что мы можемъ ожидать все лучшихъ и лучшихъ временъ. Возможно, конечно, что отъ времени до времени проявится еще старое броженіе и, несомнѣнно, предстоятъ еще нѣсколько страшныхъ сотрясеній, но все же чувствуется мощное стремленіе къ свободному мирному строю и каждое сотрясеніе будетъ свершаться въ такомъ духѣ и приближать къ великой цѣли. Возможно, что природа уже не такъ плодородна, какъ прежде, что теперь уже не зарождаются металлы и драгоцѣнные камни, не появляются новыя горы и скалы, что растенія и животныя уже не достигаютъ прежней изумительной величины и прежней силы; но по мѣрѣ того, какъ истощалась производительность природы, увеличивались ея созидающія, облагораживающія и общительныя силы; ея душа становилась болѣе чуткой и нѣжной, ея фантазія болѣе богатой и творческой, ея рука болѣе легкой и искусной. Природа

приближается къ человѣку, и если прежде она была дикимъ утесомъ, то теперь сдѣлалась тихо растущимъ растеніемъ, безмолвной человѣчной художницей. Да и зачѣмъ было бы умножать сокровища, избытокъ которыхъ хватить на неисчислимыя времена? Какъ мало пространство, по которому я прошелъ, и какія безчисленныя богатства я сразу увидаль на немъ, пользоваться которыми уже дано будетъ потомству. Сколько богатствъ таятъ горы на сѣверѣ, сколько я нашель ихъ въ моемъ отечествѣ, въ Венгріи, и у подошвы карпатскихъ горъ, въ скалистыхъ долинахъ Тироля, Австріи и Баваріи. Я былъ бы богатымъ человѣкомъ, если бы смогъ взять съ собой все, что мнѣ стоило только поднять съ земли, отломать. Во многихъ мѣстахъ я точно попадалъ въ волшебный садъ. То, что я видѣлъ, было искусно составлено изъ прекрасныхъ, металловъ. На прелестныхъ завиткахъ и на вѣтвяхъ изъ серебра висѣли сверкающіе, красные какъ рубинъ, прозрачные плоды и тяжелыя деревца стояли на хрустальныхъ подножкахъ неподражаемой работы. Трудно было вѣрить своимъ глазамъ, озираясь въ этихъ волшебныхъ мѣстахъ, и хотѣлось безъ устали бродить по дивнымъ пустынямъ и восхищаться ихъ сокровищами. Во время моего теперешняго путешествія я тоже видѣлъ много диковинокъ, а въ другихъ странахъ земля, навѣрное, такая же плодородная и щедрая.

— Если вспомнить—сказаль незнакомецъ—о сокровищахъ, имѣющихся на востокѣ, то въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; точно также дальняя Индія, Африка и Испанія извѣстны были уже въ древности богатствами своей почвы. На войнѣ люди, конечно, не вглядываются въ расщелины горъ; но все же я иногда обращаль вниманіе на сверкающія полосы, которыя, точно странныя

почки, предвѣщаютъ неожиданные цвѣты и плоды. Я и не представлялъ себѣ, когда проходилъ, радуясь сіянью солнца, мимо этихъ темныхъ жилищъ, что закончу свою жизнь въ нѣдрахъ горы. Моя любовь гордо уносила меня ввысь и я надѣялся, что когда нибудь усну на вѣки въ ея объятіяхъ. Война кончилась и я вернулся домой въ радостномъ ожиданіи благодатной осени. Но духъ войны сдѣлался властителемъ моей судьбы. Моя Марія родила мнѣ на востокѣ двухъ дѣтей. Они были радостью нашей жизни. Морское плаваніе и рѣзкій западный воздухъ разстроили ихъ здоровье. Я похоронилъ ихъ вскорѣ послѣ того, какъ вернулся въ Европу. Горестно повезъ я мою безутѣшную жену на родину. Тихая скорбь подточила ея жизнь. Во время путешествія, которое мнѣ пришлось предпринять вскорѣ послѣ того, она внезапно тихо умерла на моихъ рукахъ. Здѣсь, по близости отъ этой пещеры, кончилось наше земное странствованіе. Мое рѣшеніе созрѣло сразу. Я нашель, чего никогда не ожидалъ; божественное внушеніе озарило меня, и съ того дня, какъ я ее здѣсь самъ похоронилъ, небесная рука сняла всю скорбь съ моего сердца. Гробницу я воздвигъ потомъ. Часто событіе кажется свершившимся, когда оно собственно только что начинается; это произошло и въ моей жизни. Да ниспошлетъ вамъ всѣмъ Господь счастливую старость и такое спокойствіе души, какъ у меня.

Гейнрихъ и купцы внимательно слушали его, и Гейнрихъ въ особенности почувствовалъ, какъ въ его отзывчивой душѣ раскрываются новыя силы. Нѣкоторыя слова, нѣкоторыя мысли падали какъ животворящая пыль въ его душу и быстро поднимали его изъ узкаго круга его юности на высоту міра. Точно на долгіе годы назадъ отодвинулись отъ него только что пережитые часы и ему казалось, что онъ никогда иначе не думалъ и не чувствовалъ.

Отшельникъ показалъ имъ свои книги. Это были старыя лѣтописи и стихи. Гейнрихъ сталъ перелистывать большіе красивые фоліанты; короткія строчки стиховъ, заглавія, отдѣльныя мѣста и прекрасныя картины, которыя, какъ воплощенныя въ образы слова, приходили на помощь воображенію читателя, сильно возбуждали его любопытство. Отшельникъ это замѣтилъ и объяснилъ ему содержаніе странныхъ картинъ. На нихъ изображены были самыя разнообразныя событія: битвы, погребенія, свадьбы, кораблекрушенія, пещеры и дворцы. Короли, герои, священники, старики и юноши, люди въ чужеземныхъ одеждахъ и странныя животныя появлялись въ разныхъ сочетаніяхъ. Гейнрихъ не могъ наглядѣться на нихъ, и ему бы ничего такъ не хотѣлось, какъ остаться у отшельника, неотразимо привлекавшаго его, и слушать его объясненія книгъ. Старикъ спросилъ, нѣтъ ли еще другихъ пещеръ, и отшельникъ сказалъ ему, что есть еще нѣсколько очень большихъ по близости и предложилъ повести его туда. Старикъ охотно согласился; отшельникъ, видя, что его книги такъ нравятся Гейнриху, предложилъ ему остаться и продолжать читать. Гейнрихъ съ радостью согласился, искренно поблагодаривъ отшельника. Онъ сталъ съ безконечнымъ наслажденіемъ перелистывать книги. Наконецъ, ему въ руки попала книга, написанная на чужомъ языкѣ, нѣсколько похожимъ на латинскій и на итальянскій. Ему страстно захотѣлось знать этотъ языкъ, такъ какъ книга ему очень понравилась, несмотря на то, что онъ ни слова не понималъ въ ней. Книга не имѣла заглавія, но онъ нашелъ въ ней нѣсколько картинокъ; онѣ показались ему удивительно знакомыми. Продолжая разглядывать ихъ, онъ открылъ свое собственное изображеніе среди другихъ

фигуръ. Онъ испугался, не повѣрилъ своимъ глазамъ, но, продолжая глядѣть, уже не могъ болѣе сомнѣваться въ полномъ сходствѣ. Онъ прямо не повѣрилъ себѣ, когда вскорѣ увидѣлъ на другой картинѣ пещеру, отшельника и старика подлѣ себя. Постепенно онъ нашелъ на другихъ картинахъ восточную женщину, своихъ родителей, тюрингенскаго ландграфа и ландграфиню, своего друга, придворнаго капелана, и многихъ другихъ знакомыхъ; но одежда на нихъ была другая, и они точно были людьми другого времени. Множество другихъ фигуръ онъ не зналъ по имени, но все же онѣ казались ему знакомыми. Свое изображеніе онъ увидѣлъ въ различныхъ видахъ. Къ концу онъ нашелъ себя представленнымъ болѣе высокимъ и болѣе благородной осанки. Въ рукахъ у него была гитара, и ландграфиня передавала ему вѣнокъ. Онъ увидѣлъ себя при императорскомъ дворѣ, на кораблѣ, обнимающимъ стройную красивую дѣвушку, въ бою съ дикими на видъ людьми, и въ дружеской бесѣдѣ съ сарацинами и маврами. Рядомъ съ нимъ часто появлялся человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ. Онъ чувствовалъ глубокое благоговѣніе передъ этимъ высокимъ человѣкомъ, и ему было пріятно стоять рука объ руку съ нимъ. Послѣднія картины были темныя и непонятныя; но нѣкоторыя фигуры его сновидѣнія восхитили его. Конца книги видимо не доставало. Гейнрихъ былъ очень огорченъ и ему страстно захотѣлось прочесть книгу и получить ее въ собственность. Онъ нѣсколько разъ просмотрѣлъ картины и почти испугался, услышавъ шумъ шаговъ, когда вернулись старикъ и отшельникъ. Странный стыдъ овладѣлъ имъ. Онъ не рѣшался рассказать о своемъ открытіи, захлопнулъ книгу и только спросилъ отшельника, какъ она называется, и на какомъ языкѣ она написана. Отшель-

никъ сказалъ, что книга написана на провансальскомъ нарѣчїи.

— Я уже очень давно читалъ ее, — сказалъ отшельникъ, — и не могу хорошенько вспомнить ея содержаніе. Насколько я знаю, это романъ объ удивительныхъ судьбахъ одного поэта, и въ романѣ этомъ даръ поэзіи перевозится и изображается въ самыхъ разнообразныхъ проявленїяхъ. Конца рукописи не достааетъ. Я привезъ ее изъ Іерусалима, гдѣ нашель ее въ имуществѣ, оставшемся послѣ умершаго друга, и сохранилъ въ память о немъ.

Они попрощались и Гейнрихъ былъ тронуть до слезъ. Пещера явила ему такъ много достопримѣчательнаго и отшельникъ ему очень полюбился.

Всѣ сердечно обняли отшельника, и онъ, видимо, тоже всѣхъ ихъ полюбилъ. Гейнриху показалось, что онъ смотритъ на него ласковымъ, проницательнымъ взоромъ. Слова, которыя онъ сказалъ ему на прощанье, были особенно знаменательны. Онъ точно зналъ объ открытіи Гейнриха и далъ ему это понять. Онъ проводилъ ихъ до выхода изъ пещеръ и затѣмъ попросилъ ихъ, и въ особенности мальчика, не говорить о немъ крестьянамъ, потому что иначе ему не будетъ житья отъ ихъ приставаній.

Они всѣ обѣщали. Когда они прощались съ нимъ и просили его помянуть ихъ въ его молитвахъ, онъ сказалъ:—Пройдетъ время и мы снова увидимся и будемъ съ улыбкой вспоминать о сегодняшнихъ рѣчахъ. Небесный день будетъ окружать насъ и мы будемъ радоваться, что дружески встрѣтились въ долинахъ испытанія и были воодушевлены одинаковыми мыслями и чувствами. Это ангелы, которые вѣрно направляютъ здѣсь наши шаги. И если вашъ взоръ будетъ прикованъ къ небу, вы ниновались.

когда не собьетесь съ пути на вашу родину.—Они разстались съ тихой грустью, затѣмъ вскорѣ вернулись къ своимъ несмѣлымъ товарищамъ и дошли среди разговоровъ до деревни, гдѣ мать Гейнриха, сильно встревоженная его долгимъ отсутствіемъ, радостно встрѣтила ихъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Людамъ, которые рождены для дѣятельной жизни, нужно очень рано все самимъ постигать и оживлять. Имъ необходимо приложить всюду самимъ руку, закалить духъ противъ впечатлѣній новаго положенія, противъ разсѣивающаго вліянія многихъ и разнообразныхъ предметовъ, и они должны приучиться идти къ цѣли даже подъ напоромъ великихъ событій и умѣло проводить ее черезъ нихъ. Они не должны уступать соблазну тихаго созерцанія. Душа ихъ не должна быть сосредоточенной въ себѣ зрительницей; она должна неустанно проявляться и быть ревностной, рѣшительной служанкой разума. Они герои и вокругъ нихъ тѣснятся событія, которыя требуютъ управленія и разрѣшенія. Всѣ случайности становятся исторіей подъ ихъ вліяніемъ и жизнь ихъ непрерывная цѣпь замѣчательныхъ и блестящихъ, запутанныхъ и странныхъ событій.

Иначе обстоитъ дѣло со спокойными невѣдомыми людьми, міръ которыхъ составляетъ ихъ духъ, дѣятельность которыхъ—созерцаніе, жизнь которыхъ,—медленное нарастаніе внутреннихъ силъ. Никакое безпокойство не влечетъ ихъ въ открытую жизнь. Тихое обладаніе удовлетворяетъ ихъ и необозримое зрѣлище того, что происходитъ внѣ ихъ, не вызываетъ въ нихъ желанія при-

нимать самимъ участіе во всемъ, а кажется достаточно значительнымъ, достаточно изумительнымъ для того, чтобы отдать весь свой досугъ на созерцаніе. Потребность познать смыслъ событій заставляетъ ихъ держаться вдали и это предназначаетъ ихъ для таинственной роли души человѣческаго міра, въ то время, какъ люди дѣятельные являются членами тѣла и чувствами, также какъ выступающими силами міра.

Большія и многообразныя событія помѣшали бы имъ. Ихъ назначеніе простая жизнь, и лишь изъ рассказовъ и писаній знакомятся они съ богатымъ содержаніемъ и безчисленными явленіями міра. Лишь рѣдко въ теченіе ихъ жизни какое-нибудь событіе можетъ на нѣкоторое время втянуть ихъ въ свой быстрый вихрь, чтобы точнѣе ознакомить ихъ путемъ опыта съ положеніемъ и характеромъ людей дѣятельныхъ. Но зато ихъ тонкое чутье достаточно занято близкими незначительными явленіями, которыя представляютъ имъ великій міръ помолодѣвшимъ, и они дѣлаютъ на каждомъ шагу удивительнѣйшія открытія въ самихъ себѣ относительно сущности и значенія этихъ явленій. Таковы пѣвцы, эти рѣдкостныя залетныя птицы среди насъ; они проходятъ иногда по нашимъ селеніямъ и всюду обновляютъ старый великій культъ человѣчества и первыхъ его боговъ, звѣздъ, весны, любви, счастья, плодородія, здоровья и радости. Они, которые уже обрѣли небесный покой, и не подвластны никакимъ суетнымъ желаніямъ, вдыхаютъ лишь ароматъ земныхъ плодовъ, не поѣдая ихъ, и потому не прикованы безнадежно къ низменному міру. Они свободные гости; ихъ золотая нога легко ступаетъ и въ присутствіи ихъ у всѣхъ невольно распростираются крылья. Поэта, какъ добраго короля, можно узнать по

яснымъ веселымъ лицамъ окружающихъ и онъ одинъ вправѣ назваться мудрецомъ. Если сравнить его съ героемъ, то окажется, что пѣсни поэта не рѣдко рождаютъ геройство въ молодыхъ сердцахъ, но геройскіе поступки никогда еще ни въ комъ не пробуждали духъ поэзіи.

Гейнрихъ былъ рожденъ поэтомъ. Самыя разнообразныя обстоятельства соединились для его развитія и ничто еще не нарушало его внутренней отзывчивости. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, какъ бы отодвигало въ немъ новые засовы и раскрывало новыя окна. Міръ лежалъ передъ нимъ въ своихъ великихъ мѣняющихся судьбахъ. Но онъ еще былъ для него нѣмымъ; душа міра, бесѣда, еще не проснулась. Уже близился поэтъ, держа за руку милую дѣвушку, чтобы звуками родного языка и прикосновениемъ нѣжнаго рта раскрыть неискусныя уста и претворить простое созвучіе въ безпредѣльныя мелодіи.

Путь кончился. Подъ вечеръ наши путники благополучно и радостно вѣхали въ знаменитый городъ Аугсбургъ. Окрыленные ожиданіемъ, они направились по высокимъ улицамъ къ дому стараго Шванинга.

Гейнриху уже самая мѣстность показалась очаровательной. Оживленный шумъ города и большіе каменные дома пріятно поразили его. Онъ искренно восхищался своимъ будущимъ мѣстопребываніемъ. Его мать радовалась тому, что послѣ долгаго, труднаго пути она прибыла въ свой любимый родной городъ, съ надеждой вскорѣ обнять отца и своихъ старыхъ друзей, представить имъ Гейнриха и на время забыть о всѣхъ домашнихъ заботахъ среди отрадныхъ воспоминаній юности. Купцы надѣялись вознаградить себя городскими удовольствіями за тяжелый путь, а также преуспѣть въ дѣлахъ.

Домъ стараго Шванинга былъ освѣщенъ и оттуда доносилась веселая музыка.

— Вотъ увидите, — сказали купцы, — что у вашего дѣдушки сегодня какъ разъ веселый пирь. Мы попали какъ разъ во время. Какъ онъ изумится незваннымъ гостямъ. Ему и не снится, что настоящій пирь еще впереди. Гейнрихъ былъ нѣсколько смущенъ, а мать его была озабочена только своей одеждой. Они подѣхали къ дому; купцы остались при лошадахъ, а Гейнрихъ съ матерью вступили въ пышный домъ. Внизу не оказалось никого изъ слугъ. Имъ пришлось подняться по широкой винтовой лѣстницѣ. Мимо нихъ прошли нѣсколько слугъ, которыхъ они попросили доложить старому Шванингу о прибытіи незнакомцевъ, которые хотять съ нимъ поговорить. Слуги сначала колебались, такъ какъ видъ путешественниковъ былъ не очень внушительный; но все же они пошли доложить хозяину. Старый Шванингъ вышелъ къ нимъ. Онъ не узналъ ихъ сразу и спросилъ, кто они и что имъ нужно. Мать Гейнриха заплакала и бросилась ему на шею.

— Неужели вы не узнали вашу дочь?—спросила она въ слезахъ.—Я привезла вамъ моего сына.

Старикъ былъ крайне растроганъ. Онъ долго прижималъ ее къ груди; Гейнрихъ опустился на колѣни и нѣжно поцѣловалъ его руку. Онъ обнялъ мать и сына.

— Войдемте скорѣе—сказалъ Шванингъ.—У меня собралась все друзья и знакомые, которые раздѣлятъ мою радость.

Мать Гейнриха сначала колебалась, но у нея не было времени одуматься. Отецъ провелъ обоихъ въ высокую освѣщенную залу.

— Вотъ моя дочь и мой внукъ изъ Эйзенаха,—объявилъ Шванингъ веселому, нарядному собранію.

Всѣ взоры обратились къ дверямъ; всѣ сбѣжались, му-

зыка замолкла и путники стояли ослѣпленные и смущенные въ своихъ пыльныхъ одеждахъ среди пестрой толпы. Тысячи радостныхъ восклицаній переходили изъ устъ въ уста. Старые знакомые обступили мать. Начались безчисленные разспросы. Каждый хотѣлъ поздороваться первымъ. Въ то время какъ старшіе члены общества были заняты матерью, вниманіе молодежи обращено было на незнакомаго юношу, который стоялъ, опустивъ глаза и не рѣшался взглянуть на незнакомыя лица. Дѣдушка познакомилъ его съ обществомъ и освѣдомился объ его отцѣ и о впечатлѣніяхъ путешествія.

Мать вспомнила о купцахъ, которые изъ любезности остались при лошадахъ. Она сказала объ этомъ отцу, который тотчасъ же послалъ пригласить путниковъ наверхъ. Лошадей отвели въ конюшню и купцы вошли въ залу.

Шванингъ сердечно поблагодарилъ ихъ за ихъ заботы о дочери. У нихъ было много знакомыхъ среди присутствовавшихъ, и они дружески поздоровались съ ними. Матери хотѣлось почиститься и переодѣться. Шванингъ повелъ ее къ себѣ. Гейнрихъ послѣдовалъ за ними съ той же цѣлью.

Среди гостей Гейнриху бросился въ глаза челоуѣкъ, котораго, какъ ему казалось, онъ много разъ видѣлъ въ книгѣ съ изображеніями около себя. Его благородная внѣшность выдѣляла его среди всѣхъ другихъ. Лицо его было серьезное и ясное; открытый широкой лобъ, большіе черные, пронизательные глаза, лукавая складка у веселаго рта и мужественная фигура—все это дѣлало его значительнымъ и привлекательнымъ. Онъ былъ сильнаго сложенія, движенія его были спокойныя и выразительныя, и ему точно хотѣлось вѣчно стоять тамъ, гдѣ онъ стоялъ. Гейнрихъ спросилъ дѣдушку про него.

— Я радъ,—сказалъ старикъ—что ты его сейчасъ же замѣтилъ. Это мой добрый другъ Клингсоръ; онъ поэтъ. Его знакомствомъ и близостью ты можешь больше гордиться, чѣмъ дружбой короля. Но какъ насчетъ твоего сердца? У Клингсора красивая дочь; быть можетъ, она затмитъ въ твоихъ глазахъ своего отца. Неужели ты ее не замѣтилъ въ залѣ? Гейнрихъ покраснѣлъ.

— Я не успѣлъ внимательно осмотрѣть гостей, милый дѣдушка,—сказалъ онъ.—Общество слишкомъ многочисленное и я смотрѣлъ только на вашего друга.

— Видно, что ты пріѣхалъ съ сѣвера,—отвѣтилъ Шванингъ.—У насъ ты оттаешь. Мы научимъ тебя замѣчать красивые глаза.

Гейнрихъ и его мать переодѣлись и вернулись въ залу, гдѣ тѣмъ временемъ сдѣланы были приготовления къ ужину. Старый Шванингъ подвелъ Гейнриха къ Клингсору и сказалъ ему, что юноша его сразу замѣтилъ и выразилъ желаніе познакомиться съ нимъ.

Гейнрихъ смутился. Клингсоръ ласково заговорилъ съ нимъ о его родинѣ и о его путешествіи. Его голосъ былъ такой ласковый, что Гейнрихъ скоро оправился и заговорилъ съ нимъ совершенно свободно. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подошелъ Шванингъ съ красавицей Матильдой.

— Займитесь моимъ робкимъ внукомъ—сказалъ онъ—и простите ему, что онъ замѣтилъ вашего отца раньше чѣмъ васъ. Блескъ вашихъ глазъ пробудить въ немъ спящую юность. На его родинѣ весна приходитъ поздно.

Гейнрихъ и Матильда покраснѣли. Они съ удивленіемъ взглянули другъ на друга. Она едва слышно спросила его, любитъ ли онъ танцы. Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ отвѣтилъ утвердительно, раздались звуки веселой

музыки для танцевъ. Гейнрихъ молча протянулъ руку Матильдѣ, она дала ему свою и они вмѣшались въ ряды паръ, кружившихся въ вальсѣ. Шванингъ и Клингсоръ слѣдили за ними взглядами. Мать и купцы восхищались ловкостью Гейнриха, а также его очаровательной дамой. Мать неустанно говорила со своими подругами юности, которыя поздравляли ее съ такимъ красивымъ и многообѣщающимъ сыномъ.

Клигсоръ сказалъ Шванингу:—У вашего внука привлекательное лицо. Оно свидѣтельствуеетъ о ясной, отзывчивой душѣ, и голосъ его звучитъ сердечно.

— Я надѣюсь,—отвѣтилъ Шванингъ,—что онъ сдѣлается вашимъ ученикомъ и многому отъ васъ научится. Мнѣ кажется, что онъ рожденъ стать поэтомъ. Да снизойдетъ на него вашъ духъ. Онъ похожъ на своего отца, но онъ, кажется, не такъ вспыльчивъ и не такъ упрямъ.

Отецъ его былъ въ молодости очень одаренъ, но ему недоставало широты духа. А то бы изъ него вышло больше, чѣмъ прилежный и умѣлый работникъ.

Гейнриху хотѣлось, чтобы танецъ никогда не кончался. Онъ съ искренней радостью глядѣлъ на зарумянившееся лицо своей дамы. Ея невинный взоръ не избѣгалъ его. Она казалась какъ бы духомъ своего отца въ очаровательномъ преображеніи. Въ ея большихъ спокойныхъ глазахъ свѣтилась вѣчная молодость. На свѣтло голубомъ фонѣ мягко блестяли звѣзды карихъ зрачковъ. Лобъ и носъ нѣжно сочетались съ ними. Лицо ея казалось лиліей, обращенной къ восходящему солнцу, и съ бѣлой стройной шеи поднимались голубыя жилки по нѣжнымъ щекамъ. Голосъ ея былъ точно далекое эхо и темная кудрявая головка какъ бы парила надъ легкимъ станомъ.

Стали вносить блюда и танцы кончились. Старшіе сѣли съ одной стороны стола, а молодежь съ другой.

Гейнрихъ сѣлъ рядомъ съ Матильдой. Одна молодая родственница сѣла съ его лѣвой стороны, а Клингсоръ сѣлъ напротивъ. Насколько молчалива была Матильда, настолько словоохотливой оказалась другая его сосѣдка, Вероника. Она сразу вступила съ нимъ въ дружбу и рассказала ему о всѣхъ присутствующихъ. Гейнрихъ многого не слышалъ. Онъ занятъ былъ Матильдой и ему хотѣлось почаще обращаться направо. Клингсоръ положилъ конецъ болтовнѣ Вероники. Онъ спросилъ Гейнриха о лентѣ со странными фигурами, которую юноша прикрѣпилъ къ сюртуку. Гейнрихъ рассказалъ о восточной женщинѣ такъ трогательно, что Матильда заплакала, и Гейнрихъ самъ тоже едва удерживался отъ слезъ. Благодаря этому онъ вступилъ съ ней въ бесѣду. Всѣ разговорились; Вероника смѣялась и шутила со своими знакомыми. Матильда рассказала о Венгріи, куда часто ѣздилъ ея отецъ и о жизни въ Аугсбургѣ. Всѣмъ было весело. Музыка разсѣяла стѣсненіе и вовлекла всѣхъ въ веселую игру. Пышныя корзины цвѣтовъ благоухали на столѣ и вино извивалось между тарелками и цвѣтами; потряхивая своими золотыми крыльями, оно ставило пестрыя перегородки между внѣшнимъ міромъ и пирующими. Теперь только Гейнрихъ понялъ, что такое пиръ. Ему казалось, что тысяча веселыхъ духовъ рѣзвится вокругъ стола, радуется радостями людей и опьяняется ихъ наслажденіями. Радость жизни стояла передъ нимъ точно звучащее дерево, отягченное золотыми плодами. Зла не было видно; ему казалось невозможнымъ, чтобы когда либо людямъ хотѣлось обратиться отъ этого золотого дерева къ опаснымъ плодамъ познанія, къ древу войны.

Теперь онъ сталъ понимать вино и явства. Все казалось ему необыкновенно вкуснымъ. Небесный елей приправлялъ ему ѣду, а въ бокалѣ сверкала дивная прелесть земной жизни. Нѣсколько дѣвушекъ принесли старому Шванингу свѣжій вѣнокъ. Онъ надѣлъ его, поцѣловаль дѣвушекъ и сказалъ:—Нашему другу Клингсору принесите тоже вѣнокъ; въ благодарность мы оба научимъ васъ нѣсколькимъ новымъ пѣснямъ. Мою пѣсню я вамъ сейчасъ спою. Онъ далъ знакъ музыкѣ и запѣлъ громкимъ голосомъ:

„Нашъ ли жребій да не жалокъ?
 Намъ ли бѣднымъ не роптать?
 Выростая изъ подъ палокъ,
 Въ прятки учимся играть.
 Да и жаловаться тоже
 Часто—упаси насъ Боже!

Вѣдь, съ родительскимъ урокомъ
 Намъ не сжиться никогда.
 Жаждемъ мы упиться сокомъ
 Запрещеннаго плода.
 Милыхъ мальчиковъ такъ сладко
 Къ сердцу прижимать украдкой!

Какъ? И мысли даже грѣшны?
 И на мысли есть налогъ?
 У малютки безутѣшной
 Даже грезы отнялъ рокъ?
 Нѣтъ, вамъ цѣли не достигнуть,
 И изъ сердца грезъ не выгнать!

Поздней ночью у иконы
 Мы боимся пустоты.
 Все страстиѣе наши стоны,
 Все тоскливѣе мечты.
 Ахъ, легко-ль сопротивляться?
 И не слаще-ль вдругъ отдаться!

Мать даетъ намъ предписанье
 Прятать прелести—и вотъ
 Не поможетъ и желанье,
 Сами просятся впередъ!
 Отъ тоски и страстной жажды
 Узель разорвется каждый.

Быть закрытой всякимъ ласкамъ,
 Каменной и ледяной,
 Не мигнуть красивымъ глазкамъ,
 Быть прилежной, быть одной,
 Отвѣчать на вздохъ презрѣньемъ:—
 Это-ль не назвать мученьемъ?

Отняли у насъ отраду,
 Мука дѣвушку гнететь,
 И ее за все въ награду
 Поцѣлуетъ блеклый ротъ.
 Вѣкъ блаженный, возвращайся!
 Царство стариковъ, кончайся!“

Старики и юноши смѣялись. Дѣвушки покраснѣли и улыбались, глядя въ сторону. Среди тысячи шутокъ принесли второй вѣнокъ и надѣли его на голову Клингсору. Его попросили спѣть менѣе легкомысленную пѣсню.

—Конечно,—сказалъ Клингсоръ,—я ни за что не рѣшусь дерзостно говорить о вашихъ тайнахъ. Скажите сами, какую пѣсню вы хотите.—Только не про любовь,—воскликнули дѣвушки.—Лучше всего застольную пѣсню, если можно.

Клигсоръ началъ:

„Гдѣ блещетъ зелень по вершинамъ,
Тамъ чудотворный богъ рождень.
Его избрало солнце сыномъ,
Онъ пламенемъ его пронзень.

Зачатый радостью и маемъ
Въ нѣжнѣйшихъ нѣдрахъ онъ затихъ.
Когда плоды мы собираемъ,
Онъ, новорожденный, межъ нихъ.

И въ колыбели заповѣдной,
Въ подземномъ трепетномъ ядрѣ,
Во снѣ онъ видитъ пиръ побѣдный
И замки въ легкомъ серебрѣ.

Не подойдетъ никто къ затворамъ,
Гдѣ сила юности лиха,
И гдѣ подъ молодымъ напоромъ
Дрожить сухая шелуха.

Но много стражей сокровенныхъ
Лелѣютъ дѣтище свое,
И всѣхъ, кто до дверей священныхъ
Дотронется, пронзятъ копье.

Свои сіяющія вѣжды,
 Какъ крылья, онъ раскрыть готовъ,
 Исполнить пастырей надежды,
 И выйти на умильный зовъ.

Изъ колыбели—въ свѣтъ и росы,
 Въ прозрачной ткани и въ вѣнкѣ;
 И символъ единенья—розы
 Качаются въ его рукѣ.

И вокругъ него повсюду въ сборѣ
 Всѣ, въ комъ живая льется кровь.
 Къ нему летятъ въ веселомъ хорѣ
 И благодарность и любовь,

И брызжетъ жизнью, какъ лучами,
 Онъ въ мірѣ оцѣпенѣлый нашъ,
 И медленными пьетъ глотками
 Любовь изъ заповѣдныхъ чашъ.

И чтобъ желѣзный вѣкъ расплавить,
 Поэту онъ вручаетъ власть,
 Кто въ пьяныхъ пѣсняхъ будетъ славить
 Его веселье, смѣхъ и страсть.

А право на уста прекрасной—
 Награда радостнымъ пѣвцамъ.
 Такъ знайте всѣ, что вы не властны
 Противиться его устамъ“.

— Прекрасный пророкъ!—воскликнули дѣвушки. Шва-
 нингъ имѣлъ очень довольный видъ. Онѣ стали было

возражать, но это имъ не помогло. Имъ пришлось протянуть ему милыя губы. Гейнриху было совѣстно передъ своей серьезной сосѣдкой, а не то онъ бы радовался, что у пѣвцовъ такія права. Вероника была въ числѣ принесшихъ вѣнокъ. Она радостно вернулась и сказала Гейнриху:—Правда хорошо быть поэтомъ?—Гейнрихъ не рѣшался воспользоваться этимъ вопросомъ.

Избытокъ радости и смущеніе первой любви боролись въ его сердцѣ. Прелестная Вероника стала шутить съ другими, и онъ выигралъ благодаря этому время для того, чтобы побороть свою чрезмѣрную радость. Матильда рассказала ему что играетъ на гитарѣ.

— Ахъ,—сказалъ Гейнрихъ,—какъ бы я хотѣлъ поучиться у васъ игрѣ на гитарѣ. Я уже давно питаю это желаніе.

— Меня училъ отецъ; онъ играетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ,—отвѣтила она, покраснѣвъ.

— А все-таки я полагаю,—возразилъ Гейнрихъ, что я скорѣе бы научился у васъ. Мнѣ такъ хочется услышать ваше пѣніе.

— Не представляйте себѣ слишкомъ многого.

— О,—сказалъ Гейнрихъ,—чего только я не могъ бы ожидать, когда одна рѣчь ваша уже пѣніе и видъ вашъ возвѣщаетъ небесную музыку.

Матильда ничего не отвѣтила. Отецъ ея вступилъ съ нимъ въ разговоръ и Гейнрихъ говорилъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ. Сидѣвшіе рядомъ изумлялись разговорчивости юноши и образности его рѣчи. Матильда смотрѣла на него съ тихимъ вниманіемъ. Она, видимо, наслаждалась его рѣчами, еще болѣе краснорѣчивыми, благодаря выразительности его лица. Глаза его сверкали необычнымъ блескомъ. Онъ часто оглядывался на Ма-

тильду, которая изумлялась выраженію его лица. Въ пылу разговора онъ незамѣтно схватилъ ея руку, и она невольно подтверждала многое изъ его словъ легкимъ пожатіемъ. Клингсоръ искусно поддерживалъ въ немъ его увлеченіе и постепенно вызвалъ всю его душу на уста. Наконецъ, всѣ встали и поднялся общій гулъ. Гейнрихъ остался подлѣ Матильды. Они стояли въ сторонѣ нѣкимъ незамѣченные. Онъ держалъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ ее. Она не отняла руки и взглянула на него съ неопикуемой ласковостью. Онъ не могъ сдержатъ себя, наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ губы. Она изумилась и невольно отвѣтила горячимъ поцѣлуемъ. — Милая Матильда! — Милый Гейнрихъ! — Вотъ все, что они были въ состояніи сказать другъ другу. Она пожала его руку и пошла къ другимъ. Гейнрихъ чувствовалъ себя точно на небѣ. Къ нему подошла мать, и онъ излилъ на нее всю свою нѣжность. Она сказала: — Правда, хорошо, что мы поѣхали въ Аугсбургъ? Тебѣ, вѣдь, здѣсь, кажется, нравится? — Милая мать, — сказалъ Гейнрихъ, — такимъ я все же не представлялъ себѣ Аугсбургъ. Тутъ дивно хорошо.

Остальная часть вечера прошла среди безконечнаго веселья. Старики играли, болтали и смотрѣли на танцующихъ. Музыка вздымалась, какъ море радости и поднимала упоенную молодежь.

Гейнрихъ ощущалъ радостныя пророчества и первой радости и первой любви, Матильда тоже охотно отдавалась во власть обаятельныхъ волнъ и скрывала свою нѣжную довѣрчивость, свою распускающуюся любовь къ юношѣ лишь подъ прозрачнымъ покрываломъ. Старый Шванингъ замѣтилъ ихъ близящееся согласіе и дразнилъ ихъ обоихъ.

Клингсору Гейнрихъ понравился, и его радовала нѣж-

ность юноши къ Матильдѣ. Другіе юноши и дѣвушки вскорѣ замѣтили что съ ними, стали дразнить серьезную Матильду и молодого тюрингенца и открыто радовались, что не придется болѣе опасаться Матильды въ ихъ собственныхъ сердечныхъ дѣлахъ.

Была уже глубокая ночь, когда гости стали расходиться.

— Вотъ первое и единственное празднество въ моей жизни,—говорилъ себѣ Гейнрихъ, когда остался одинъ и мать его, утомленная, легла спать.—У меня такое же чувство въ душѣ, какъ при видѣ голубого цвѣтка во снѣ. Что за странная связь между Матильдой и этимъ цвѣткомъ? То лицо, которое склонялось ко мнѣ изъ чашечки цвѣтка, было небесное лицо Матильды, и теперь я вспоминаю, что видѣлъ ея лицо и въ той книгѣ. Но почему тамъ оно не трогало мое сердце? О, она воплощенный духъ пѣнія, достойная дочь своего отца. Она изольетъ мою жизнь въ музыку, сдѣлается моей душой, хранительницей моего священнаго пламени. Какую вѣчную вѣрность я чувствую въ себѣ! Я рожденъ лишь для того, чтобы поклоняться ей, вѣчно ей служить, чтобы думать о ней и ощущать ее. Нужна цѣлая нераздѣльная жизнь для созерцанія и, поклоненія ей. И неужели я тотъ счастливецъ, душа котораго дерзаетъ быть отзвукомъ ея души? Не случайно я встрѣтилъ ее въ концѣ моего путешествія и не случайно блаженное празднество окружило величайшее мгновеніе моей жизни. Иначе и быть не могло: ея близость превращаетъ все въ праздникъ.

Онъ подошелъ къ окну. Хоръ звѣздъ стоялъ на темномъ небѣ и свѣтлая полоса на востокѣ возвѣщала день.

Восхищенный Гейнрихъ воскликнулъ:—Вась, вѣчныя звѣзды, тихіе путники, вась призываю въ свидѣтели моей клятвы. Я буду жить для Матильды и вѣчная вѣрность

сплотить мое сердце съ ея сердцемъ. И для меня наступаетъ утро вѣчнаго дня. Ночь миновала. Я возжигаю себя самого, какъ неугасимую жертву восходящему солнцу.

Гейнрихъ былъ взволнованъ и заснулъ лишь поздно подь утро. Мысли и чувства его слились въ странные сны. Глубокій синій потокъ сверкалъ среди зеленой равнины. На гладкой поверхности плыла лодка. Матильда сидѣла и управляла рулемъ. Она была украшена вѣнками, пѣла простую пѣсню и оглядывалась на него съ глубокою грустью. Грудь у него сжалась. Онъ самъ не зналъ почему. Небо было ясно, потокъ спокоенъ. Ея небесное лицо отражалось въ волнахъ. Вдругъ лодка стала поворачиваться. Онъ испуганно окликнулъ ее. Она улыбнулась и положила руль въ лодку, которая все время кружилась. Безконечный страхъ овладѣлъ имъ. Онъ бросился въ потокъ, но не могъ плыть; вода несла его. Она кивала ему головой, точно хотѣла что-то ему сказать. Въ лодку уже проникла вода; но она все еще улыбалась съ невыразимой нѣжностью и весело глядѣла въ водоворотъ. Но вдругъ ее потянуло внизъ. Легкій вѣтерокъ пронесся по водѣ, которая текла попрежнему спокойной сверкающей струей. Безумный ужась лишилъ его сознанія. Сердце его перестало биться. Онъ пришелъ въ себя лишь тогда, когда почувствовалъ себя на твердой почвѣ. Онъ, видимо, уплылъ далеко. Мѣсто, въ которомъ онъ очутился, было совершенно невѣдомое. Онъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Ничего не соображая, онъ пошелъ вглубь новой мѣстности. Онъ чувствовалъ себя безумно утомленнымъ. Маленькій ручеекъ, выступая изъ холма, звенѣлъ какъ чистый колокольчикъ. Онъ набралъ нѣсколько капель въ руку и

новались.

омочилъ свои засохшія губы. Страшное событіе казалось ему далекимъ страшнымъ сномъ. Онъ шель все дальше и дальше, цвѣты и деревья заговаривали съ нимъ. Ему становилось радостно на душѣ. Тогда онъ снова услышалъ ту простую пѣсенку. Онъ побѣждалъ навстрѣчу звукамъ. Вдругъ, кто-то удержалъ его за платье.

— Милый Гейнрихъ,—воскликнулъ знакомый голосъ. Онъ обернулся и Матильда заключила его въ свои объятія.—Почему ты убѣждалъ отъ меня, любимый другъ?—воскликнула она, тяжело дыша.—Я едва смогла нагнать тебя.

Гейнрихъ заплакалъ. Онъ прижалъ ее къ себѣ.

— Гдѣ потокъ?—воскликнулъ онъ со слезами.—Развѣ ты не видишь его синія волны надъ нами?—Онъ поднялъ глаза: голубой потокъ медленно плылъ надъ ихъ головами.

— Гдѣ мы, милая Матильда?

— У нашихъ родителей.

— Останемся ли мы вмѣстѣ?

— Вѣчно,—сказала она, прижимая свои губы къ его губамъ и такъ обняла его, что уже не могла оторваться. Она шепнула ему въ уста волшебное тайное слово, которое отозвалось во всемъ его существѣ. Онъ хотѣлъ повторить его, какъ вдругъ раздался голосъ его дѣдушки, и онъ проснулся. Онъ бы готовъ былъ отдать свою жизнь за то, чтобы еще разъ услышать это слово.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Клингсоръ стоялъ у его постели и ласково пожелалъ ему добраго утра. Онъ сразу проснулся и бросился на шею Клингсору.

— Это относится не къ вамъ,—сказаль Шванингъ.

Гейнрихъ улыбнулся и прижался къ щекъ матери, чтобы не видно было, какъ онъ покраснѣлъ.

— Хотите позавтракать со мной за городомъ, на красивомъ пригоркѣ?—спросиль Клингсоръ.—Дивное утро освѣжить васъ. Одѣвайтесь. Матильда уже насъ ждетъ.

Гейнрихъ радостно поблагодариль за приглашеніе, которое было ему очень пріятно. Онъ въ одну минуту одѣлся и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловаль руку Клингсору.

Они пошли къ Матильдѣ, которая была очаровательна въ своемъ простомъ утреннемъ платьѣ и ласково привѣтствовала его. Она уже уложила завтракъ въ корзиночку, которая висѣла у нея на рукѣ, и непринужденно протянула Гейнриху другую руку. Клингсоръ послѣдовалъ за ними и такъ они прошли черезъ городъ, который уже оживился, и направились къ маленькому холму у рѣки; тамъ, подъ нѣсколькими высокими деревьями, открывался широкій видъ въ даль.

— Я уже часто—воскликнулъ Гейнрихъ—наслаждался видомъ пестрой природы и мирной близостью ея многообразныхъ владѣній; но такой творческой и полной радости, какъ сегодня, я никогда еще не переживаль. Та даль близка моей душѣ, а пышный пейзажъ кажется мнѣ моимъ собственнымъ внутреннимъ видѣніемъ. Какъ измѣнчива природа, хотя поверхность земли кажется неизмѣнной. До чего она становится другой, когда подлѣ насъ ангель или болѣе сильный духъ, чѣмъ тогда, когда какой-нибудь несчастный жалуется на свое горе, или поселянинъ рассказываетъ, какъ неблагоприятна для него погода и какъ ему нужны для посѣва хмурые, дождливые дни. Вамъ, дорогой учитель, я обязанъ этимъ на-

слаждениемъ; именно наслаждениемъ. Никакое другое слово не могло бы вѣрнѣе опредѣлить состояніе моего сердца. Радость, удовольствіе и восторгъ только части наслажденія, которое объединяетъ ихъ съ высшей жизнью. Онъ прижалъ руку Матильды къ сердцу и проникъ пламеннымъ взглядомъ въ ея кроткіе открытые глаза.

— Природа—продолжалъ Клингсоръ—тоже для нашей души, что тѣло для свѣта. Тѣло удерживаетъ свѣтъ, переломляетъ его въ своеобразныя краски; оно зажигаетъ внѣ или внутри себя свѣтъ, который, если онъ равенъ темнотѣ тѣла, дѣлаетъ это тѣло яснымъ и прозрачнымъ; если же оно превосходитъ темноту тѣла, то выходитъ изъ него, чтобы освѣтить другія тѣла. Но даже самое темное тѣло можно сдѣлать свѣтлымъ и блестящимъ черезъ посредство воды, огня и воздуха.

— Я васъ понимаю, милый учитель. Люди кристаллы для нашей души. Они прозрачная природа. Милая Матильда, васъ я хотѣлъ бы назвать дивнымъ, чистымъ сапфиромъ. Вы ясны и прозрачны какъ небо, вы свѣтитесь мягкимъ свѣтомъ. Но, скажите, милый учитель: мнѣ кажется, что именно тогда, когда яснѣе всего сближаешься съ природой, менѣе всего можешь и хочешь о ней говорить.

— Это зависитъ отъ взгляда,—возразилъ Клингсоръ.— Природа иное для нашей радости и нашей души, чѣмъ то, что она для нашего разума, для руководящей власти нашихъ міровыхъ силъ. Нужно прежде всего не забывать одно изъ-за другого. Многіе знаютъ только одну сторону и пренебрегаютъ другой. Но можно соединить ихъ и это поведетъ къ благу. Жаль, что лишь немногіе думаютъ о томъ, чтобы свободно и умѣло разобратся въ своемъ внутренномъ мірѣ и умѣлымъ раздѣленіемъ.

обеспечить себѣ самое цѣлесообразное и естественное пользование своими душевными силами. Обыкновенно одно мѣшаетъ другому и такимъ образомъ постепенно возникаетъ безпомощная вялость. Когда такіе люди вдругъ хотятъ выступить во всеоружіи всѣхъ силъ, то начинается страшное смятеніе и споръ и все неумѣло валится одно на другое. Я настойчиво предлагаю вамъ усердно и старательно развивать вашъ разумъ, ваше естественное влеченіе, знать какъ все происходитъ и по какимъ законамъ связывается одно съ другимъ. Нѣтъ ничего болѣе необходимаго поэту, чѣмъ пониманіе сущности всякаго дѣла, ознакомленіе со средствами достиженія каждой цѣли и умѣніе выбирать самое подходящее по времени и обстоятельствамъ. Воодушевленіе безъ разума бесполезно и опасно, и поэтъ не сможетъ никого поражать, если самъ будетъ всѣмъ поражаться.

— Но развѣ не необходима поэту внутренняя вѣра въ способность человѣка управлять судьбой?

— Конечно, необходима, потому что онъ не можетъ иначе представить себѣ судьбу, если достаточно объ этомъ поразмыслить; но какъ далека эта радостная увѣренность отъ тревожной неувѣренности, отъ слѣпого страха современныхъ людей. Точно также умѣренная, живительная теплота поэтической души, прямо противоположна дикому жару болѣзненнаго сердца. Такой пылъ ничтоженъ, оглушительнъ и мимолетенъ; теплота же поэта ясно разграничиваетъ всѣ образы, способствуетъ развитію самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ и становится вѣчной въ самой себѣ. Молодой поэтъ долженъ быть какъ можно болѣе умѣренъ и разуменъ. Для истиннаго звучнаго краснорѣчія нужна широкая, внимательная и спокойная душа. Когда дикій потокъ бушуетъ въ груди

и вниманіе переходитъ въ дрожащее отсутствіе мысли, то получается спутанная болтовня. Я еще разъ повторяю, что искренная душа подобна свѣту, столь же спокойна и чутка, столь же гибка и проникновенна, столь же властна и столь же незамѣтна, могущественна, какъ дивная стихія, которая распредѣляется равномерно на всѣ предметы и проявляетъ ихъ всѣхъ въ дивномъ разнообразіи. Поэтъ—чистая сталь, столь же чувствительная, какъ хрупкая стеклянная нить, и столь же твердая, какъ не податливый булыжникъ.

—Я уже часто чувствовалъ,—сказалъ Гейнрихъ,—что въ самыя глубокія минуты менѣе оживленъ, чѣмъ въ другое время, когда могъ спокойно ходить и охотно предавался всѣмъ занятіямъ. Тогда въ меня проникало острое духовное сознаніе и я могъ какъ угодно пользоваться каждымъ чувствомъ, переворачивать каждую мысль, какъ настоящее тѣло, рассматривая ее со всѣхъ сторонъ. Я съ молчаливымъ интересомъ стоялъ въ мастерской моего отца и радовался, когда могъ въ чемъ-нибудь помочь ему или что-нибудь смастерить. Ловкость имѣетъ особенную живительную прелесть и сознаніе ея доставляетъ болѣе длительное и несомнѣнное наслажденіе, чѣмъ бьющее черезъ край чувство непостижимаго, чрезвычайнаго восторга.

— Не думайте,—сказалъ Клингсоръ,—что я порицаю это чувство; но оно должно явиться само собой, и его не должно искать. Рѣдкость его появленій благотворна; появляясь чаще, оно утомляетъ и ослабляетъ. Нужно какъ можно скорѣе вырваться изъ сладкаго одурѣнія, которое остается послѣ него, и вернуться къ правильному и напряженному труду. Это тоже, что съ милыми утренними снами; изъ ихъ усыпительнаго вихря выры-

ваешься съ усиліемъ, но вырваться необходимо, чтобы не впасть въ утомительную вялость и потомъ не влачиться весь день въ болѣзненномъ изнеможеніи.

— Поэзія требуетъ,—продолжалъ Клигсоръ,—чтобы къ ней относились, какъ къ строгому искусству. Превращаясь въ одно только наслажденіе, она перестаетъ быть поэзіей. Поэтъ не долженъ проводить весь день въ праздности, охотясь за образами и чувствами. Это совершенно ложный путь. Чистая, открытая душа, способность мыслить и созерцать, а также умѣніе направлять всѣ свои силы на взаимно оживляющую дѣятельность и сохранять ихъ напряженность,—вотъ въ чемъ требованіе нашего искусства. Если вы захотите довѣриться мнѣ, то не пройдетъ ни одного дня, въ который вы не пріобрѣли бы нѣсколько полезныхъ свѣдѣній. Городъ богатъ художниками всякаго рода. Есть здѣсь нѣсколько опытныхъ государственныхъ дѣятелей, нѣсколько образованныхъ купцовъ. Можно легко познакомиться со всѣми сословіями, со всѣми ремеслами, со всѣми условіями и требованіями общественной жизни. Я съ радостью преподамъ вамъ ремесленную сторону нашего искусства и мы будемъ читать съ вами самыя замѣчательныя произведенія. Вы можете брать уроки вмѣстѣ съ Матильдой, а она охотно будетъ учить васъ играть на гитарѣ. Каждое занятіе будетъ подготовленіемъ для другихъ; если вы хорошо распредѣлите часы дня, то разговоры и радости вечеровъ, проведенныхъ въ обществѣ, и виды прекрасныхъ мѣстностей будутъ доставлять вамъ каждый разъ на ново самыя свѣтлыя наслажденія.

— Какую дивную жизнь вы мнѣ открываете, дорогой учитель. Только подъ вашимъ руководствомъ я пойму, какая у меня впереди благородная цѣль. Нѣтъ сомнѣнія,

что только внимая вашимъ совѣтамъ, я могу надѣяться достигнуть ея.

Клингсоръ ласково обнялъ его. Матильда принесла имъ завтракъ, и Гейнрихъ нѣжнымъ голосомъ спросилъ ее, разрѣшаетъ ли она ему учиться вмѣстѣ съ нею, а также согласна ли она принять его въ ученики.

— Я вѣчно буду вашимъ ученикомъ,—сказалъ онъ, въ то время, какъ Клингсоръ отвернулся отъ него. Она едва замѣтно склонилась къ нему. Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ мягкія губы покраснѣвшей дѣвушки. Она слегка отклонилась отъ него, но съ дѣтской граціей передала ему розу, которую носила у груди. Затѣмъ она занялась своей корзинкой. Гейнрихъ съ тихимъ восхищеніемъ посмотрѣлъ на нее, поцѣловалъ розу, приколовъ ее къ груди и направился къ Клингсору, который глядѣлъ по направленію города.

— Откуда вы пріѣхали?—спросилъ Клингсоръ.

— Мы спустились съ того холма,—отвѣтилъ Гейнрихъ.—Тамъ вдали теряется нашъ путь.

— Вы вѣрно видѣли красивыя мѣстности по дорогѣ?

— Мы почти непрерывно созерцали очаровательные виды природы.

— А вашъ родной городъ тоже красиво расположенъ?

— Мѣстность наша довольно разнообразная, но она еще дикая и намъ недостаетъ большой рѣки. Вода—глаза природы.

— Разсказъ о вашемъ путешествіи,—сказалъ Клингсоръ,—доставилъ мнѣ большое удовольствіе вчера вечеромъ. Я вижу, что васъ сопровождалъ духъ поэзіи. Ваши спутники незамѣтно сдѣлались голосами его. Вокругъ поэта всюду возникаетъ поэзія. Родина поэзіи, романтический востокъ, привѣтствовалъ васъ своей сладостной

скорбью; война открылась вамъ во всемъ своемъ дикомъ величїи, а природа и исторїя встрѣтились вамъ въ образѣ рудокопа и пустынника.

— Вы забываете самое лучшее, милый учитель—небесное откровеніе любви. Только отъ васъ зависитъ, чтобы любовь стала навѣки моей.

— А ты что скажешь на это?—спросилъ Клигсоръ, обращаясь къ Матильдѣ, которая подошла къ нему.— Хочешь быть неразлучной спутницей Гейнриха? Тамъ, гдѣ будешь ты, останусь и я.

Матильда испугалась и бросилась въ объятія отца. Гейнрихъ задрожалъ отъ безконечной радости.

— Развѣ онъ захочетъ быть моимъ вѣчнымъ спутникомъ, милый отецъ?

— Спроси его сама,—растроганно сказалъ Клигсоръ.

Она съ глубокой нѣжностью взглянула на Гейнриха.

— Моя вѣчность—твое созданіе,—воскликнулъ Гейнрихъ, и слезы потекли по его нѣжному лицу. Они обняли другъ друга. Клигсоръ заключилъ ихъ въ свои объятія.

— Дѣти мои,—воскликнулъ онъ,—будьте вѣрны другъ другу до самой смерти. Любовь и вѣрность превратятъ вашу жизнь въ вѣчную поэзію.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Днемъ Клигсоръ повелъ къ себѣ въ комнату своего новаго сына, въ счастья котораго приняли живѣйшее участіе его мать и дѣдушка, видя въ Матильдѣ его ангела-хранителя. Онъ сталъ показывать юношѣ свои книги, и они завели разговоръ о поэзїи.

— Не знаю,—сказалъ Клигсоръ,—почему считаютъ,

что признавать природу поэтомъ значить творить поэзію. Природа не всегда проявляетъ свой поэтическій даръ. Въ ней, какъ и въ человѣкѣ, есть противоположное начало, слѣпое вождельніе, тупое безстрастіе и вялость, ведущія неустанный споръ съ поэзіей. Эта мощная борьба могла бы быть прекраснымъ сюжетомъ для поэмы. Нѣкоторыя страны и времена, какъ и большинство людей, повидимому, совершенно во власти этого врага поэзіи; въ другихъ же, напротивъ того, поэзія жива и проявляется во всемъ. Для историка времена этой борьбы въ высшей степени интересны, а изображеніе ихъ—пріятное и благодарное дѣло. Въ такія времена и рождаются обыкновенно поэты. Противницѣ непріятнѣе всего, что она, противопоставляя себя поэзіи, сама становится поэтической, и нерѣдко въ пылу обмѣнивается съ нею оружіемъ, такъ что ее ранять ея собственныя коварныя стрѣлы; а раны поэзіи, причиненныя ей собственнымъ оружіемъ, легко заживаютъ и дѣлаютъ ее еще болѣе очаровательной и сильной.

— Вообще война,—сказалъ Гейнрихъ,—какъ мнѣ кажется, возникаетъ всегда изъ поэтическихъ побужденій. Люди думаютъ, что должны сражаться ради какого-то жалкаго достоянія, и не замѣчаютъ, что ими управляетъ романтическій духъ, стремящійся уничтожить ненужное зло имъ же самимъ. Они сражаются во имя поэзіи, и оба войска слѣдуютъ за невидимыми знаменами.

— Въ войнѣ—сказалъ Клигсоръ—сказывается движеніе первобытныхъ силъ. Должны возникнуть новыя части свѣта, изъ великаго разложенія должны вырасти новыя поколѣнія. Истинная война—война религіозная; она ведетъ прямо къ гибели, и безуміе людей проявляется во всей своей полнотѣ. Многія войны, въ особенности тѣ,

которыя вызваны національной враждой, относятся къ тому же разряду, и это настоящія поэмы. Онѣ создаютъ истинныхъ героевъ, которые, какъ самое благородное противопоставленіе поэтовъ, ничто иное, какъ міровыя силы, произвольно проникнутыя поэзіей. Поэтъ, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ героемъ, самъ по себѣ небесный посланникъ, но изобразить его наша поэзія не въ силахъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, милый отецъ?—спросилъ Гейнрихъ.—Можетъ ли что-нибудь быть слишкомъ высокимъ для поэзіи?

— Конечно. Но въ сущности не для поэзіи, а только для нашихъ земныхъ средствъ и возможностей. Уже каждый отдѣльный поэтъ долженъ ограничиваться своей областью, въ предѣлахъ которой ему приходится оставаться, чтобы устоять и не задохнуться; точно также для всей совокупности человѣческихъ силъ есть опредѣленная граница возсоздаваемости; за этими предѣлами изображенное не можетъ быть достаточно осязательнымъ и превращается въ пустое, обманное уродство. Въ особенности въ періодъ ученія нужно чрезвычайно беречься всякихъ излишествъ, ибо живая фантазія любитъ подходить къ границамъ и, возгордившись, стремится охватить чрезмѣрное и выразить его. Болѣе зрѣлый опытъ учитъ избѣгать несоразмѣрности и предоставляетъ мудрости отыскивать самое простое и высокое. Поэтъ постарше не стремится подняться выше, чѣмъ нужно для того, чтобы распредѣлить весь свой богатый запасъ въ легко понятномъ порядкѣ; онъ сознательно не отказывается отъ многообразія, которое ему даетъ достаточно матеріала и нужные пункты сравненія. Я хочу сказать, что во всякомъ поэтическомъ произведеніи долженъ сквозить хаосъ.

сквозь ровную дымку упорядочности. Богатство творческой выдумки дѣлается понятнымъ и привлекательнымъ только при легкомъ изложеніи, въ то время какъ одна только равномерность имѣетъ непріятную сухость ариѳметики. Хорошая поэзія та, которая намъ близка и нерѣдко ея любимымъ содержаніемъ становится нѣчто самое обыденное. Орудія поэтическаго творчества ограничены; именно это и дѣлаетъ поэзію искусствомъ. Языкъ вообще имѣетъ опредѣленныя границы. Еще болѣе тѣсенъ объемъ каждаго народнаго нарѣчія. Поэтъ научается своему языку путемъ упражненія и размышленія. Онъ точно знаетъ, что можетъ сдѣлать своимъ языкомъ и не станетъ тщетно напрягать его выше силъ. Лишь рѣдко обращаетъ онъ всѣ силы языка на одинъ пунктъ; этимъ бы онъ утомилъ и самъ уничтожилъ драгоцѣнное дѣйствіе умѣло примѣненныхъ и сильныхъ выраженій. Къ страннымъ прыжкамъ приучаетъ языкъ лишь фокусникъ, а не поэтъ. Вообще, поэты должны какъ можно болѣе учиться у музыкантовъ и живописцевъ. Въ этихъ отрасляхъ искусства видно, до чего экономно слѣдуетъ обходиться съ вспомогательными средствами искусства и какъ важно во всемъ умѣлое распредѣленіе. За то, конечно, музыканты и живописцы должны были бы съ благодарностью заимствовать у насъ поэтическую независимость и внутренний духъ каждаго стихотворнаго произведенія и измышленія, вообще каждаго истиннаго произведенія искусства. Имъ слѣдовало бы сдѣлаться болѣе поэтичными, а намъ болѣе музыкальными и живописными,—конечно, въ духѣ нашего искусства. Не содержаніе цѣль искусства, а выполненіе. Ты самъ увидишь, какія пѣсни тебѣ лучше всего удаются; навѣрное, тѣ, содержаніе которыхъ тебѣ наиболѣе ясно и знакомо. Поэтому можно сказать, что поэзія основыв-

вается всецѣло на опытѣ. Я самъ знаю, что въ молодые годы я охотнѣе всего воспѣвалъ самое далекое и незнакомое. Что же изъ этого выходило? Пустая, жалкая шумиха словъ, безъ искры истинной поэзіи. Поэтому даже сказка очень трудная задача, и молодой поэтъ рѣдко сможетъ хорошо выполнить ее.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты рассказалъ мнѣ сказку, — сказалъ Гейнрихъ. — Тѣ немногія, которыя я знаю, несказанно нравятся мнѣ, какъ бы онѣ ни были незначительны.

— Сегодня вечеромъ я выполню твое желаніе. Я помню одну сказку, которую написалъ въ еще сравнительно молодые годы. Это ясно въ ней сказывается; но, можетъ быть, она будетъ для тебя тѣмъ болѣе поучительной и напомнить тебѣ многое изъ того, что я тебѣ говорилъ.

— Языкъ, — сказалъ Гейнрихъ, — дѣйствительно маленькій міръ знаковъ и звуковъ. Также, какъ человѣкъ владѣетъ ими, онъ бы хотѣлъ владѣть всѣмъ міромъ и свободно проявлять себя въ немъ. И именно въ этомъ желаніи проявить въ мірѣ то, что находится внѣ его, въ этомъ стремленіи, которое является основнымъ влеченіемъ нашего бытія, и лежитъ основа поэзіи.

— Очень жалко, — сказалъ Клигсоръ, — что поэзія имѣетъ обособляющее ее названіе и что поэты составляютъ отдѣльное сословіе. Въ поэзіи нѣтъ ничего необычайнаго. Она основное свойство духа человѣческаго. Развѣ каждый человѣкъ не творитъ и не мыслитъ въ каждую минуту? — Матильда только что входила въ комнату, когда Клигсоръ еще прибавилъ: — Возьмемъ, на примѣръ, любовь. Ни въ чемъ необходимость поэзіи для сущности человѣческой жизни такъ ясно не проявляется, какъ именно въ любви. Любовь безмолвна, и только поэзія можетъ говорить за нее: или же можно сказать, что любовь ни-

что иное, какъ высшая поэзія природы. Но зачѣмъ говорить тебѣ то, что ты самъ знаешь лучше меня.

— Вѣдь, ты отецъ любви,—сказаль Гейнрихъ, обнявъ Матильду и оба они поцѣловали ему руку.

Клингсоръ обнялъ дочь и вышелъ изъ комнаты.

— Милая Матильда,—сказаль Гейнрихъ послѣ долгаго поцѣлуя,—мнѣ кажется сномъ то, что ты моя; но еще болѣе изумляетъ меня, что ты не была всегда моей.

— Мнѣ кажется—сказала Матильда,—что я знаю тебя съ незапамятныхъ временъ.

— Неужели ты дѣйствительно меня любишь?

— Я не знаю, что такое любовь, но одно могу тебѣ сказать: у меня такое чувство, точно я только теперь стала жить, и я такъ привязана къ тебѣ, что хотѣла бы отдать за тебя жизнь.

— Дорогая Матильда, только теперь я понимаю, что значить быть безсмертнымъ.

— Милый Гейнрихъ, какъ ты безконечно добръ. Какой дивный духъ говорить твоими устами. Я бѣдная, незначительная дѣвушка.

— Какъ глубоко ты меня пристыдила! Вѣдь то, что есть во мнѣ, исходитъ отъ тебя. Безъ тебя я былъ бы ничѣмъ. Духъ безъ неба ничто, а ты небо, которое меня носить и сохраняетъ.

— Какимъ бы я была блаженнымъ существомъ, если бы ты былъ такой же вѣрный, какъ мой отецъ. Мать моя умерла вскорѣ послѣ моего рожденія. Отецъ мой еще до сихъ поръ почти каждый день плачетъ о ней.

— Я этого не заслуживаю, но я хотѣлъ бы быть счастливѣе его.

— Я бы хотѣла долго жить подлѣ тебя, милый Гейнрихъ. Я навѣрное сдѣлаюсь гораздо лучше, благодаря тебѣ.

— Ахъ Матильда! Даже смерть не разлучить насъ.

— Нѣтъ, Гейнрихъ; гдѣ буду я, будешь и ты.

— Да, гдѣ будешь ты, Матильда, буду вѣчно и я.

— Я не понимаю вѣчность, но мнѣ кажется, что вѣчность это то, что я испытываю, когда думаю о тебѣ.

— Да, Матильда, мы вѣчны, потому что мы любимъ другъ друга.

— Ты не повѣришь, милый, съ какимъ глубокимъ чувствомъ я сегодня утромъ, когда мы вернулись домой, опустилась на колѣни передъ образомъ Небесной Матери и какъ несказанно я молилась ей. Я точно расплывалась въ слезахъ. Мнѣ показалось, что она улыбнулась мнѣ. Теперь только я знаю, что такое благодарность.

— О, возлюбленная, небо дало мнѣ тебя для поклоненія. Я молюсь тебѣ. Ты святая, которая возноситъ мои желанія къ Богу; въ тебѣ онъ является мнѣ, въ тебѣ Онъ показываетъ мнѣ всю полноту своей любви. Что такое религія, если не безпредѣльное согласіе, не вѣчное соединеніе любящихъ сердець? Гдѣ сошлись двое, тамъ Онъ среди нихъ. Я буду вѣчно дышать тобой; грудь моя никогда не перестанетъ вдыхать тебя. Ты божественное величіе, вѣчная жизнь въ очаровательнѣйшей оболочкѣ.

— Ахъ, Гейнрихъ, ты знаешь судьбу розъ. Будешь ли ты цѣловать поблекшія уста и блѣдныя щеки съ прежней нѣжностью? Не сдѣлаются ли слѣды старости слѣдами минувшей любви?

— О, если-бъ ты могла взглянуть моими глазами въ мою душу. Но ты любишь меня и, значитъ, вѣришь мнѣ. Я не понимаю, какъ можно говорить о бренности красоты. Она не увядаема. То, что меня такъ неразрывно влечетъ къ тебѣ, что разбудило во мнѣ вѣчное стремленіе къ

тебѣ, то не во времени. Если бы ты могла видѣть, какой ты мнѣ кажешься, какой дивный образъ проникаетъ сквозь тебя и свѣтится мнѣ отовсюду, ты бы не боялась старости. Твой земной образъ лишь тѣнь того очарованія. Земныя силы стремятся сохранить его, но природа еще не совершенна. Тотъ образъ вѣчный праобразъ, частица невѣдомаго святого міра.

— Я понимаю тебя, милый Гейнрихъ; я тоже вижу нѣчто подобное, когда гляжу на тебя.

— Да, Матильда, высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Мы уже здѣсь живемъ въ немъ и видимъ его тѣсно переплетеннымъ съ земной природой.

— Ты откроешь мнѣ еще много дивнаго, любимый мой!

— О, Матильда, только отъ тебя я получилъ даръ прорицанія. Все, что у меня есть—твое; твоя любовь поведетъ меня въ святилища жизни, въ святую святыхъ духа; ты вдохновишь меня на самыя высокія мысли. Какъ знать, не превратится ли наша любовь въ пламенные крылья, которыя поднимутъ насъ и понесутъ насъ на нашу небесную родину, прежде чѣмъ смерть настигнетъ насъ. Развѣ не чудо то, что ты моя, и я держу тебя въ моихъ объятіяхъ, что ты меня любишь и хочешь быть навѣки моей?

— И мнѣ теперь все кажется возможнымъ, и я чувствую отчетливо, какъ во мнѣ горитъ тихій огонь; какъ знать, можетъ быть, онъ преобразитъ насъ и разобьетъ земныя оковы. Скажи мнѣ только, Гейнрихъ, питаешь ли ты ко мнѣ такое же безконечное довѣріе, какъ я къ тебѣ? Я никогда еще не испытывала ничего подобнаго, не питала такого чувства даже къ моему отцу, хотя я его безконечно люблю.

— Милая Матильда, я истинно страдаю, что не могу сказать тебѣ сразу все, что не могу сразу отдать тебѣ мое сердце. Я въ первый разъ въ жизни говорю съ полной откровенностью. Никакой мысли, никакого чувства я отъ тебя больше не могу утаить: ты должна все знать. Все мое существо должно слиться съ твоимъ. Только самая безграничная преданность можетъ удовлетворить моей любви; вѣдь, въ преданности любовь и состоитъ. Она таинственная гармонія нашей самой таинственной сущности.

— Гейнрихъ, такъ двое людей никогда еще не любили другъ друга.

— Я въ этомъ увѣренъ. Вѣдь, прежде еще не было никогда Матильды.

— Не было и Гейнриха.

— Ахъ, поклянись еще разъ, что ты моя на вѣки! Любовь безконечное повтореніе.

— Да, Гейнрихъ, я клянусь быть вѣчно твоей, клянусь невидимымъ присутствіемъ моей матери.

— Я клянусь быть вѣчно твоимъ, Матильда, Клянусь тѣмъ, что любовь знакъ того, что съ нами Господь.

Объятія, безчисленные поцѣлуи запечатлѣли вѣчный союзъ блаженной любящей четы.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Вечеромъ пришли гости; дѣдушка выпилъ за здоровье жениха и невѣсты и обѣщалъ вскорѣ устроить пышный свадебный пиръ.

— Зачѣмъ медлить?—сказалъ старикъ.—Ранняя свадьба—долгая любовь. Я знаю по опыту, что ранніе браки самые

счастливые. Въ позднѣйшіе годы супружество не бываетъ такое благоговѣйное, какъ въ молодости. Вмѣстѣ проведенная молодость создаетъ неразрывную связь. Воспоминаніе самая твердая основа любви.

Послѣ обѣда пришло еще нѣсколько человѣкъ. Гейнрихъ попросилъ своего новаго отца выполнить свое обѣщаніе.

Клингсоръ сказалъ гостямъ:—Я обѣщаль Гейнриху рассказать сказку; если вы согласны, то я, такъ и быть, расскажу.

— Это Гейнрихъ умно придумаль,—сказаль Шваннингъ.—Вы уже давно ничего не рассказывали.

Всѣ сѣли вокругъ камина, въ которомъ пылалъ огонь. Гейнрихъ сѣлъ рядомъ съ Матильдой и обнялъ ее. Клингсоръ началъ:

— Долгая ночь только что наступила. Старый герой ударилъ о щитъ и звукъ гулко раздался по пустыннымъ улицамъ города. Онъ трижды повторилъ свой сигналъ. Тогда высокія цвѣтныя окна дворца озарились изнутри и фигуры на нихъ зашевелились. Онѣ двигались все быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ усиливался красноватый свѣтъ, который началъ озарять улицы. Постепенно стали освѣщаться мощныя колонны и стѣны; наконецъ, всѣ онѣ засверкали чистой молочной голубизной, переливаясь нѣжнѣйшими красками. Все вокругъ освѣтилось. Отблескъ фигуръ, блескъ копій, мечей, щитовъ и шлемовъ, которые наклонялись со всѣхъ сторонъ къ появившимся съ разныхъ сторонъ вѣнцамъ, и, наконецъ, когда они исчезли, уступая мѣсто простому зеленому вѣнку, окружили его широкимъ кругомъ: все это отражалось въ недвижномъ морѣ, окружавшемъ горы, на которыхъ высился городъ; и даже далекая высокая цѣпь горъ, опоясывавшая море;

покрылась до середины мягкимъ отсвѣтомъ. Нельзя было ничего ясно различить; но слышался странный гулъ, какъ бы изъ огромной, далекой мастерской. Городъ же казался на этомъ фонѣ свѣтлымъ и яснымъ. Его гладкія прозрачныя стѣны отражали нѣжные лучи, и видна была удивительная гармонія, благородный стиль всѣхъ зданій, ихъ искусное размѣщеніе. Передъ всѣми окнами стояли красивые, глиняные сосуды съ множествомъ сверкавшихъ ледяныхъ и снѣжныхъ цвѣтовъ.

Всего прекраснѣе былъ садъ на большой площади передъ дворцомъ. Въ саду были металлическія деревья и хрустальныя растенія, и весь онъ былъ усѣянъ пестрыми цвѣтами и плодами изъ драгоценныхъ камней. Разнообразіе и грація фигуръ, яркость свѣта и красокъ являли очаровательное зрѣлище, величіе котораго довершалось высокимъ оледенѣвшимъ фонтаномъ посреди сада. Старый герой медленно прошелъ мимо воротъ дворца. Чей-то голосъ окликнулъ его изъ дворца. Онъ прислонился къ воротамъ, которыя открылись съ мягкимъ шумомъ, и вошелъ въ залу, прикрывая глаза щитомъ.

— Ты еще ничего не видишь?—спросила прекрасная дочь Арктура жалобнымъ голосомъ. Она лежала на шелковыхъ подушкахъ на тронѣ, искусно сооруженномъ изъ большого сѣрнаго кристалла и нѣсколько дѣвушекъ старательно растирали ея нѣжные члены, точно выточенные изъ молока, сливагося съ багрянцемъ. Во всѣ стороны изъ-подъ рукъ дѣвушекъ лился очаровательный свѣтъ, такъ волшебнo озарившій дворецъ. Благоуханное дуновение вѣтра пронеслось по залѣ. Герой молчалъ.

— Дай мнѣ дотронуться до твоего щита,—кратко сказала она.

Онъ приблизился къ трону и сталъ на пышный ко-

верь. Она схватила его руку, нѣжно прижала ее къ своей небесной груди и коснулась его щита. Доспѣхи его зазвенѣли и проникновенная сила оживила его тѣло. Глаза его сверкнули и сердце громко стучало о панцырь. Прекрасная Фрея повеселѣла и свѣтъ, исходившій изъ нея, сдѣлался болѣе жгучимъ.

— Идетъ король,— крикнула великолѣпная птица, сидѣвшая въ глубинѣ, за трономъ.

Служанки положили голубое покрывало на принцессу, которое закрыло ее выше груди. Герой опустилъ щитъ и взглянулъ вверхъ на куполь, къ которому вели двѣ широкія лѣстницы по обѣ стороны залы. Тихая музыка предшествовала королю, который вскорѣ появился въ куполь съ многочисленной свитой и спустился оттуда внизъ.

Прекрасная птица развернула свои сверкающія крылья, нѣжно взмахнула ими и запѣла точно тысячею голосами навстрѣчу королю:

„Нась чужестранецъ милый не обманеть,
 Настанеть вѣчность, и дохнетъ тепло.
 Отъ сновидѣннй королева встанеть,
 Когда морей расплавится стекло.
 Глухая ночь земли не затуманить.
 Къ намъ царство Басни прежнее пришло—
 И вспыхнетъ мѣръ на лонѣ Фрей страстной,
 И каждый стонъ отыщетъ стонъ согласный.“

Король нѣжно обнялъ свою дочь. Духи созвѣздй окружили тронъ, и герой занялъ свое мѣсто въ ряду. Безчисленное количество звѣздъ наполнило залу миловидными группами. Служанки принесли столъ и ящикъ, въ

которомъ лежало множество листовъ; на нихъ изображены были святыя, сокровенныя знаки, составленные изъ созвѣздій. Король благоговѣнно поцѣловалъ листки, заботливо смѣшалъ ихъ и передалъ нѣсколько листовъ дочери. Остальные онъ оставилъ себѣ. Принцесса вынула ихъ по порядку и положила на столъ; потомъ король точно осматрѣлъ свои листки и, осмотнительно выбирая, сталъ прибавлять къ лежавшимъ на столѣ по одному листку. Иногда онъ точно былъ принужденъ выбрать тотъ или другой листокъ. Часто видно было, какъ онъ радуется, когда ему удавалось вѣрно выбраннымъ листкомъ создать красивую гармонію знаковъ и фигуръ. Какъ только началась игра, всѣ окружающіе стали обнаруживать самый живой интересъ и дѣлать странныя движенія, такія, точно у каждаго въ рукахъ было невидимое орудіе, которымъ онъ усердно работалъ. Въ тоже время въ воздухѣ раздавалась нѣжная, трогательная музыка, которая какъ бы исходила изъ своеобразно сплетавшихся въ залѣ звѣзды, а также изъ другихъ странныхъ движеній. Звѣзды качались, то медленно, то быстро, въ вѣчно мѣняющихся линіяхъ и воспроизводили въ тактъ музыкѣ фигуры листовъ. Музыка безпрестанно мѣнялась, какъ картинка на столѣ, и хотя нерѣдко переходы были очень странныя и рѣзкіе, все же вся музыка объединялась одной простой темой. Звѣзды съ невѣроятной легкостью летали вслѣдъ картинкамъ. Онѣ то всѣ составляли большое сплетеніе, то распадались на маленькія кучки, а то длинный рядъ рассыпался какъ лучъ на безконечныя искры, или же среди разрастающихся маленькихъ круговъ и узоровъ появлялась снова большая изумительная фигура. Пестрыя фигуры въ окнахъ продолжали спокойно стоять. Птица неустанно шевелила на разные лады своими драгоценными перьями.

Старый герой тоже все время дѣлалъ свое невидимое дѣло, какъ вдругъ король радостно воскликнулъ:—Все уладится. Желѣзо, брось свой мечъ въ пространство, чтобы люди знали, гдѣ находится миръ.—Герой сорвалъ мечъ, которымъ былъ опоясанъ, повернулъ его остриемъ къ небу, потомъ схватилъ и бросилъ въ открытое окно, туда, гдѣ былъ городъ и ледяное море. Мечъ пролетѣлъ по воздуху, точно комета, съ свѣтлымъ звономъ разбился о горную цѣпь и разсыпался искрами.

Въ это время прекрасный юноша Эросъ лежалъ въ колыбели и мирно спалъ въ то время, какъ его кормилица Гинистана качала его колыбель и кормила грудью его молочную сестру Басню. Свой пестрый платочекъ она накинула на колыбельку для того, чтобы яркая лампа писца не мѣшала ребенку своимъ свѣтомъ. Писецъ продолжалъ свое дѣло и только иногда ворчливо обращившись на дѣтей и хмуро смотрѣлъ на кормилицу, которая добродушно улыбалась ему и молчала.

Отецъ дѣтей все время входилъ и выходилъ изъ комнаты, каждый разъ глядѣлъ на дѣтей и ласково кланялся Гинистанѣ. Онъ непрерывно что-то говорилъ писцу. Тотъ внимательно выслушивалъ, записывалъ и потомъ передавалъ листки благородной, богоподобной женщинѣ, прислонившейся къ алтарю: на алтарѣ стояла темная чаша съ прозрачной водой, и женщина глядѣла въ чашу съ ясной улыбкой. Она погружала туда всѣ листки, и когда, вынимая ихъ, замѣчала, что на нихъ остались письма, сдѣлавшіяся блестящими, то отдавала листокъ писцу. Онъ вшивалъ ихъ въ большую книгу и видимо досадовалъ на то, что трудъ его пропадалъ даромъ и что все стиралось. Женщина иногда обращалась къ Гинистанѣ и дѣтямъ, обмакивала палецъ въ чашу и брызгала на нихъ

водой; какъ только капли воды касались кормилицы, ребенка, или колыбели, онъ превращались въ синій паръ, который, являя тысячи странныхъ картинъ, носился во-кругъ нихъ и видоизмѣнялся. Когда паръ этотъ случайно касался писца, то появлялось множество чиселъ и геометрическихъ фигуръ, которыя онъ старательно нанизывалъ на нитку и вѣшалъ себѣ въ видѣ украшенія на тощую шею. Мать ребенка, олицетворенная прелесть и очарованіе, часто входила въ комнату. Она казалась непрерывно занятой и выходя уносила съ собой каждый разъ какой-нибудь предметъ домашняго обихода; если это замѣчалъ подозрительный писецъ, зорко слѣдившій за нею, то онъ начиналъ длинное увѣщаніе, на которое никто не обращалъ вниманіе. Всѣ, повидимому, привыкли къ его ненужнымъ протестамъ. Мать стала кормить грудью маленькую Басню; но вскорѣ ее отозвали, и тогда Гинистана взяла Басню обратно. Ребенокъ видимо предпочиталъ брать грудь у нея. Вдругъ отецъ принесъ тонкій желѣзный прутикъ, который онъ нашелъ во дворѣ. Писецъ осмотрѣлъ его, проворно повертѣлъ и вскорѣ увидѣлъ, что прутикъ, если его привѣситъ за середину на ниткѣ, самъ собой обращается къ сѣверу. Гинистана тоже взяла въ руки прутикъ, согнула его, сдвинула, подула на него и вскорѣ придала ему видъ змѣи, которая внезапно укусила себя за хвостъ. Писцу вскорѣ надоѣло заниматься разглядываніемъ прутика. Онъ все точно записалъ, очень пространно разсуждая о возможной пользѣ находки. Но къ великой его досадѣ, все его писаніе не выдержало испытанія и бумага вышла бѣлой изъ чаши. Кормилица продолжала вертѣть прутикъ. Вдругъ она коснулась имъ колыбели и тогда мальчикъ сталъ просыпаться, откинулъ одѣяло, защитилъ себя одной рукой отъ солнца, а дру-

гой потянулся къ змѣйкѣ. Схвативъ ее, онъ вскочилъ съ такой силой, что Гинистана испугалась, а писецъ чуть не упалъ со стула отъ ужаса. Выпрыгнувъ изъ колыбели, мальчикъ сталъ посреди комнаты, покрытый только своими золотыми волосами, и созерцая съ невыразимой радостью сокровище, которое въ его рукахъ вытягивалось къ сѣверу и, видимо, сильно его волновало. Онъ выросъ на глазахъ у всѣхъ.

— Софія,—сказалъ онъ трогательнымъ голосомъ женщинѣ,—дай мнѣ выпить изъ чаши. Она безпрекословно протянула ему чашу; онъ пилъ, не отрываясь, причѣмъ чаша оставалась полной. Наконецъ, онъ ее вернулъ Софіи и нѣжно поцѣловалъ благородную женщину. Онъ поцѣловалъ также Гинистану и попросилъ у нея ея пестрый платокъ, которымъ онъ перевязалъ чресла. Маленькую Басню онъ взялъ на руки. Онъ ей, видимо, очень нравился, и она стала разговаривать. Гинистана суетилась вокругъ него. У нея былъ очаровательно легкомысленный видъ, и она горячо прижимала его къ себѣ, точно невѣста. Что-то ему нашептывая, она увлекала его къ дверямъ, но Софія строго указала на змѣю; тогда вошла мать, и онъ быстро кинулся къ ней, привѣтствуя ее горячими слезами. Писецъ ушелъ съ мрачнымъ лицомъ. Вошелъ отецъ и, увидавъ нѣжныя объятія матери съ сыномъ, подошелъ за ея спиной къ очаровательной Гинистанѣ и поцѣловалъ ее. Софія поднялась по лѣстницѣ. Маленькая Басня взяла перо писца и стала писать. Мать и сынъ углубились въ тихій разговоръ, а отецъ ушелъ съ Гинистаной въ опочивальню, чтобы отдохнуть въ ея объятіяхъ отъ дневныхъ трудовъ. Черезъ нѣсколько времени вернулась Софія. Вошелъ писецъ. Отецъ вышелъ изъ опочивальни и отправился по своимъ дѣламъ. Гини-

стана вернулась съ пылающими щеками. Писецъ прогналъ съ руганью маленькую Басню со своего мѣста и не скоро смогъ привести въ порядокъ свои вещи. Онъ передалъ Софіи листки, исписанные Басней, чтобы получить ихъ назадъ чистыми, но вкорѣ пришелъ въ ярость, когда Софія вынула изъ чаши написанное сверкающимъ и нетронутымъ и положила передъ нимъ. Басня прижалась къ матери, которая покормила ее грудью и убрала комнату, открыла окно, впустила свѣжій воздухъ и принялась за приготовленія къ пышной трапезѣ. Изъ окна открывался очаровательный видъ; ясное небо протянулась надъ землей. На дворѣ отецъ усердно работалъ. Когда онъ уставалъ, онъ поднималъ голову къ окну, гдѣ стояла Гинистана, бросая ему сверху разныя лакомства. Мать и сынъ вышли, чтобы распорядиться и выполнить принятое рѣшеніе. Писецъ быстро писалъ и строилъ гримасы каждый разъ, когда ему приходилось спросить о чемъ-нибудь Гинистану; у нея была хорошая память, и она помнила все, что произошло. Эросъ явился вскорѣ въ красивыхъ dospѣхахъ, перевязавъ черезъ плечо шарфомъ пестрый платокъ. Онъ спросилъ совѣта у Софіи, когда и какъ ему отправиться въ путь. Писецъ вмѣшался непрошено въ разговоръ и предложилъ составить тотчасъ же точный маршрутъ; но на его предложеніе никто не обратилъ вниманія.

— Ты можешь ѣхать сейчасъ; Гинистана поѣдетъ съ тобой,—сказала Софія.—Она знаетъ всѣ дороги, и ее всюду хорошо знаютъ. Она приметъ видъ твоей матери, чтобы не вводить тебя въ искушеніе. Если ты найдешь короля, вспомни обо мнѣ; я тогда явлюсь тебѣ на помощь.

Гинистана перемѣнилась обликомъ съ матерью, что видимо доставило удовольствіе отцу. Писецъ былъ радъ

ихъ уходу, тѣмъ болѣе, что Гинистана подарила ему на прощаніе свою записную книгу, въ которой была обстоятельно изложена семейная хроника. Теперь помѣхой ему была только маленькая Басня. Ничего бы онъ такъ не желалъ для своего спокойствія и довольства, какъ того, чтобы и она уѣхала. Софія благословила опустившихся на колѣни путниковъ и дала имъ сосудъ полный воды изъ чаши; мать была очень опечалена. Маленькой Баснѣ тоже хотѣлось отправиться съ ними; отецъ же былъ слишкомъ занятъ внѣ дома, чтобы очень горевать. Наступила ночь, когда они уѣхали, и мѣсяць стоялъ высоко на небѣ.

— Милый Эросъ,—сказала Гинистана,—поспѣшимъ къ моему отцу. Онъ меня долго не видѣлъ и съ тоскою ищетъ меня всюду на землѣ. Видишь, какое у него блѣдное изможденное лицо? По твоему свидѣтельству онъ узнаетъ меня и подъ чуждымъ обликомъ.

Любовь скользила въ темнотѣ,
Лишь мѣсяцу видна.
Тѣней въ чудесной красстѣ
Раскрылась глубина.

И золотомъ краевъ горя,
Ее одѣла мгла,
И за поля и за моря
Фантазія вела.

Высоко подымалась грудь,
Взволнованно дыша,
Предвидѣла блаженный путь
Безумная душа.

Печаль, не плачь, поймешь ли ты,
 Что вновь любовь близка?
 Нѣтъ, глубже ляжетъ на черты
 Бездольная тоска.

А змѣйка тонкая ведетъ,
 Лишь сѣверу вѣрна.
 И оба мчатся безъ заботъ,
 Куда манить она.

Любовь летитъ въ пустой просторъ
 Сквозь облака и ночь.
 И входитъ къ мѣсяцу во дворъ;
 За нею слѣдомъ дочь.

На тронѣ ясномъ онъ сидѣлъ
 Одинъ въ тоскѣ своей.
 Ахъ, голосъ милой прозвенѣлъ!
 Онъ палъ въ объятія къ ней.

Эросъ стоялъ растроганный, глядя на ихъ нѣжныя объятія. Наконецъ, потрясенный старикъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и привѣтствовалъ гостя. Онъ схватилъ свой огромный рогъ и мощно затрубилъ въ него. Громкій кличъ пронесся по древнему замку. Остроконечныя башни съ ихъ сверкающими яблоками и глубокими черными крышами зашатались. Замокъ остановился, ибо онъ попалъ на гору за моремъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались слуги; ихъ странные облики и одежды безконечно тѣшили Гинистану и не пугали храбраго Эроса. Гинистана привѣтствовала своихъ старыхъ знакомыхъ, и всѣ предстали передъ нею съ новой силой и во всемъ своемъ при-

родномъ великолѣпіи. Бурный духъ прилива слѣдоваль за кроткимъ отливомъ. Старые штурмы ложились на бьющуюся грудь пламенныхъ, страстныхъ землетрясеній. Нѣжные ливни оглядывались на пеструю радугу, которая поблѣднѣла вдали отъ влекущаго ее солнца. Суровый громъ бранилъ безуміе молній изъ-за безчисленныхъ облаковъ, которыя стояли, чаруя тысячью прелестей, и манили пламенныхъ юношей. Двѣ миловидныя сестры, утренняя и вечерняя заря, радостно встрѣтили прибывшихъ. Онѣ проливали сладкія слезы, обнимая ихъ. Видъ страннаго двора былъ неописуемъ. Старый король не могъ наглядѣться на дочь. Она чувствовала себя безмѣрно счастливой въ отцовскомъ замкѣ и неустанно оглядывала вновь и вновь знакомыя ей диковины. Радость ея была безпредѣльна, когда король далъ ей ключъ отъ своей сокровищницы и разрѣшилъ ей устроить тамъ представленіе для Эроса, которое бы заняло его до того какъ дадутъ знакъ къ отбытію. Сокровищница короля была садомъ неописуемаго разнообразія и богатства. Между огромными полосатыми облаками расположены были безчисленные воздушные замки поразительнаго строенія, одни очаровательнѣе другихъ. Тамъ бродили стада овецъ съ серебристо бѣлой, золотистой и розовой шерстью; самыя разнообразныя животныя оживляли чашу своимъ присутвіемъ. Самыя изумительныя картины представлялись взорамъ и вниманіе было непрерывно занято праздничными шествіями, странными колясками, появлявшимися со всѣхъ сторонъ. На грядкахъ росли пестрые цвѣты. Зданія были переполнены всевозможнымъ оружіемъ, прекраснѣйшими коврами, обоями, занавѣсами, кубками, необозримыми рядами утвари и оружія. На возвышеніи они увидѣли романтическую мѣстность, усѣ-

янную городами и замками, храмами и кладбищами; она соединяла прелесть населенных равнинъ съ страшнымъ обаяніемъ пустыни и скалистыхъ странъ. Прекраснѣйшія краски составляли гармоничныя сочетанія. Вершины горъ сверкали, какъ фейерверкъ въ своихъ ледяныхъ и снѣжныхъ покрывахъ. Равнина улыбалась нѣжной зеленью. Даль наряжалась всѣми оттѣнками синевы, и изъ морскаго мрака выступали безчисленные пестрые флаги большихъ флотовъ. Тутъ виднѣлось въ глубинѣ кораблекрушеніе, а впереди веселый пиръ поселянъ; тамъ грозно прекрасное изверженіе вулкана, губительность землетрясенія, а на переднемъ планѣ нѣжныя ласки любящей четы подъ тѣнистыми деревьями. На крутомъ спускѣ шла кровопролитная битва, а подъ нею представлялся взорамъ театръ съ забавнѣйшими масками. Съ другой стороны на переднемъ планѣ виднѣлось молодое мертвое тѣло на смертномъ одрѣ, у котораго стоялъ безутѣшный возлюбленный; рядомъ плачущіе родители. А въ глубинѣ сидѣла миловидная мать съ ребенкомъ у груди; ангелы расположились у ногъ ея и выглядывали изъ-за вѣтвей надъ ея головой. Сцены непрерывно мѣнялись и, наконецъ, слились въ большое таинственное представленіе. Небо и земля пришли въ полное смятеніе. Всѣ ужасы вырвались наружу. Мощный голось призывалъ къ оружію. Страшное войско скелетовъ съ черными знаменами вихремъ спустилось съ темныхъ горъ и напало на жизнь, которая предавалась со своими юными полчищами веселымъ празднествамъ въ свѣтлой долинѣ и не ожидала нападенія. Поднялся страшный шумъ, земля задрожала, буря ревѣла и ночь освѣтилась чудовищными метеорами. Полчище привидѣній стало разрывать съ неслыханной жестокостью нѣжные

члены живыхъ. Воздвигся костеръ и пламя стало среди ужасающаго воя пожирать дѣтей жизни. Вдругъ изъ темной груди пепла разлился во всѣ стороны молочно синій потокъ. Привидѣнія хотѣли броситься въ бѣгство, но потокъ росъ на глазахъ и, наконецъ, поглотилъ отвратительныя созданія. Вскорѣ всѣ ужасы были уничтожены. Небо и земля слились въ сладкую музыку. Дивной красоты цвѣтокъ плылъ, сверкая, по мягкимъ волнамъ. Сіяющая дуга перекинулась черезъ потокъ, а на дугѣ сидѣли на спускахъ по обѣ стороны божественныя фигуры на пышныхъ престолахъ. Софія сидѣла на самомъ верху, съ чашей въ рукахъ, рядомъ съ величественно прекраснымъ человѣкомъ; у него былъ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ на кудряхъ, а въ правой рукѣ онъ держалъ вмѣсто скипетра пальму мира. Лилейный листокъ склонился къ чашечкѣ плавающего цвѣтка; маленькая Басня сидѣла на немъ и пѣла подъ звуки арфы нѣжныя пѣсни. Въ чашечкѣ лежалъ самъ Эросъ, склоненный надъ прекрасной спавшей дѣвушкой, которая крѣпко охватила его руками. Маленькій цвѣтокъ обвилъ ихъ обоихъ такъ, что они, начиная съ бедеръ, какъ бы превратились оба въ одинъ цвѣтокъ.

Эросъ поблагодарилъ Гинистану, выражая безграничный восторгъ. Онъ нѣжно обнялъ ее, и она охотно отвѣчала на его ласки. Утомленный тяжкимъ путемъ и всѣмъ видѣннымъ имъ, онъ почувствовалъ желаніе удобно расположиться и отдохнуть. Гинистана, испытывая сильное влеченіе къ прекрасному юношѣ, конечно, не напомнила ему о питѣѣ, которое Софія дала ему съ собой въ путь. Она повела его въ отдаленную купальню, сняла съ него вооруженіе и сама надѣла ночную одежду, въ которой имѣла странный и обольстительный видъ. Эросъ погру-

зился въ опасныя волны и вышелъ изъ нихъ опьяненный. Гинистана осушила его и стала растирать его сильныя юношескіе члены. Онъ вспомнилъ съ пламенной тоской свою возлюбленную и обнялъ въ сладкомъ забвеніи очаровательную Гинистану. Онъ беззаботно отдался своей бурной нѣжности и, наконецъ, заснулъ послѣ сладостнаго наслажденія на прекрасной груди своей спутницы.

Тѣмъ временемъ дома произошла печальная перемѣна. Писецъ запуталъ слугъ въ опасный заговоръ. Его злобная душа уже давно искала случая завладѣть управленіемъ дома и сбросить свое иго. Этотъ случай теперь представился ему. Сначала его приверженцы завладѣли матерью, которую они заковали въ желѣзныя цѣпи. Отца тоже посадили на хлѣбъ и на воду. Маленькая Басня услышала шумъ въ комнатѣ. Она залѣзла за алтарь и, увидавъ, что позади его есть потайная дверь, быстро открыла ее. За дверью оказалась лѣстница. Басня закрыла дверь за собой и спустилась въ темнотѣ внизъ по лѣстницѣ. Писецъ стремительно бросился къ алтарю, чтобы отомстить маленькой Баснѣ и взять въ плѣнъ Софію. Но обѣ онѣ исчезли. Чаши тоже не оказалось. Въ своемъ гнѣвѣ онъ разбилъ алтарь на тысячу кусковъ, но все-таки не смогъ найти потайную дверь.

Маленькая Басня долго спускалась внизъ. Наконецъ, она вышла на площадь, окруженную великолѣпной колонадой и запертую большими воротами. Все тамъ было темное. Воздухъ былъ точно огромная тѣнь; на небѣ стояло черное сверкающее небесное тѣло. Все можно было ясно различить, потому что каждая фигура была другого чернаго оттѣнка и отбрасывала свѣтлое сіяніе; свѣтъ и тѣнь какъ будто перемѣнились здѣсь ролями. Басня обрадовалась, что очутилась въ новомъ мірѣ. Она

оглядывалась съ дѣтскимъ любопытствомъ. Наконецъ, она подошла къ воротамъ, у которыхъ лежалъ прекрасный сфинксъ на тяжеломъ пьедесталѣ.

— Что тебѣ здѣсь надобно? — спросилъ сфинксъ.

— Я ищу то, что мнѣ принадлежитъ, — отвѣтила Басня.

— Откуда ты пришла?

— Изъ старины.

— Ты еще ребенокъ.

— Я всегда буду ребенкомъ.

— Кто защититъ тебя?

— Я сама себѣ защита. Гдѣ сестры? — спросила Басня.

— Вездѣ и нигдѣ, — отвѣтилъ сфинксъ.

— Ты знаешь меня?

— Еще не знаю.

— Гдѣ любовь?

— Въ воображеніи.

— А Софія?

Сфинксъ пробормоталъ что-то невнятное и зашеле-стѣлъ крыльями.

— Софія и Любовь! — торжествуяще воскликнула Басня и вошла въ ворота. Она вступила въ огромную пещеру и радостно подошла къ старымъ сестрамъ, которыя при тускломъ мракѣ лампы, горѣвшей чернымъ свѣтомъ, свершали свое странное дѣло. Онѣ не подавали виду, что узнаютъ маленькую гостью, которая привѣтливо суе-тилась вокругъ нихъ.

Наконецъ, одна сердито крикнула съ злобой гримасой. — Что тебѣ здѣсь надо, лѣнтяйка? Кто тебя впустилъ? Твое ребяческое прыганье колеблетъ тихое пламя. Масло горитъ безъ всякой пользы. Лучше бы ты сѣла и взялась за какое-нибудь дѣло.

— Милая тетенька, — сказала Басня, — я совсѣмъ не

люблю бездѣльничать. Какая у васъ смѣшная привратница. Ей хотѣлось взять меня и покормить грудью, но она вѣрно слишкомъ наѣлась и не могла подняться. Позвольте мнѣ сѣсть у дверей и дайте мнѣ пряжу. Здѣсь мнѣ не видно. Къ тому же, сидя за прялкой, я люблю пѣть и болтать, а это могло бы помѣшать вамъ въ вашихъ важныхъ думкахъ.

— Изъ пещеры мы тебя не выпустимъ, но въ комнатѣ рядомъ есть свѣтъ; лучъ изъ верхняго міра проникаетъ сквозь расщелины скалъ. Тамъ ты можешь прясть, если умѣешь. Тутъ цѣлыя груды старыхъ концовъ. Ихъ ты можешь скрутить. Но, берегись: если ты будешь прясть лѣнливо, или если порвется нитка, то нити обовьются вокругъ тебя и задушатъ тебя.—Старуха злобно засмѣялась и продолжала пряжу.

Басня схватила охапку нитей, взяла прялку и веретено и выскочила, напѣвая, изъ комнаты. Она выглянула въ отверстіе и увидѣла созвѣздіе Феникса. Радуюсь этому счастливому знаку, она весело взялась за пряжу, раскрыла немного дверь коморки и стала тихо напѣвать:

„Проснитесь въ темной кельѣ,
Вы, жившіе вѣка.
Покиньте подземелье,
Заря недалеко.

Я скоро ваши нити
Въ одну соединю.
Раздоры прокляните,
Пойдемъ навстрѣчу дню.

Одинъ—во всѣхъ разлейся,
И все—въ одномъ живи.

О, сердце всѣхъ, согрѣйся
Дыханіемъ любви!

Пока вы—духъ безъ плоти,
Видѣніе и вздохъ.
Но если въ адъ сойдете,
Спугните этихъ трехъ.“

Веретено завертѣлось съ невѣроятной быстротой между маленькими ножками, въ то время какъ она крутила обѣими руками тонкую нить. Изъ подъ пѣсни появились безчисленные огоньки, которые проскальзывали въ замочную скважину и наполняли пещеру уродливыми личинами. Старухи въ это время продолжали ворчливо прятать и ждали криковъ и плача маленькой Басни. Но, до чего онѣ испугались, когда вдругъ за ихъ плечами показался какой-то страшный носъ и когда, обернувшись, онѣ увидѣли, что вся пещера полна страшныхъ существъ, производившихъ всевозможныя безчинства. Онѣ бросились другъ къ дружкѣ, завывали страшнымъ голосомъ и окаменѣли бы отъ ужаса, если бы въ эту минуту не вошелъ въ пещеру писецъ и не имѣлъ бы при себѣ волшебный корень мандрагоры. Огоньки заползли въ ущелья скалъ, и въ пещерѣ стало свѣтло, потому что черная лампа среди общаго смятенія упала и потухла. Старухи обрадовались приходу писца, но негодовали противъ маленькой Басни. Они позвали ее, закричали на нее хриплыми голосами и запретили ей продолжать работу. Писецъ насмѣшливо ухмыльнулся, считая, что теперь маленькая Басня въ его власти и сказала:—Хорошо, что ты здѣсь и что можно заставить тебя работать. Надѣюсь, что тебя будутъ въ достаточной мѣрѣ наказывать. Это тебя твой

добрый геній привелъ сюда. Желая тебѣ долгой жизни и много удовольствія.

— Благодарю за добрыя пожеланія,—сказала Басня.— Видно, что тебѣ теперь хорошо живется. Недостаетъ только песочныхъ часовъ и серпа, а то ты былъ бы на видъ совсѣмъ точно братъ моихъ красавицъ тетокъ. Если тебѣ нуженъ будетъ стволъ для гусянаго пера, выщипни горсточку нѣжнаго пуха изъ ихъ щекъ.

Писецъ хотѣлъ было броситься на нее. Она улыбнулась и сказала:—Если тебѣ милы твои густые волосы и умные глаза, то берегись; вспомни мои ногти. У тебя и такъ не много осталось терять.

Онъ раздраженно повернулся къ старухамъ, которыя терли глаза и ощупью искали прялку. Онѣ ничего не могли найти, потому что лампа потухла, и стали осыпать Басню бранными словами.

— Отправьте ее,—злобно сказалъ онъ,—ловить тарантулъ для изготовленія вашего масла. Я хотѣлъ сказать вамъ въ утѣшеніе, что Эросъ безъ усталости летаетъ, и вашимъ ножницамъ будетъ много работы. Его мать, которая часто заставляла васъ прясть нити длиннѣе, станетъ завтра добычей пламени.

Онъ пощекоталъ себя, чтобы засмѣяться, когда увидѣлъ, что Басня при этомъ извѣстїи пролила нѣсколько слезъ, затѣмъ далъ кусочекъ корня старухамъ и ушелъ, морща носъ.

Сестры сердитымъ голосомъ приказали Баснѣ отправиться за тарантулами, хотя у нихъ былъ еще достаточный запасъ масла. Басня быстро побѣжала. Она сдѣлала видъ, точно открываетъ ворота, затѣмъ громко снова захлопнула ихъ и тихонько прокралась вглубь пещеры, гдѣ свѣшивалась сверху лѣстница. Она поспѣшно вска-

рабкалась вверхъ по ней и вскорѣ дошла до западной двери, которая открывалась въ покои Арктура.

Король сидѣлъ, окруженный своими совѣтчиками, когда появилась Басня. Сѣверная корона украшала его голову. Онъ держалъ лилію въ лѣвой, вѣсы въ правой рукѣ. Орелъ и левъ сидѣли у ногъ его.

— Монархъ,—сказала Басня, почтительно преклоняясь передъ нимъ.—Слава твоему твердо укрѣпленному престолу! Радостныя вѣсти твоему раненому сердцу! Скорое возвращеніе мудрости! Вѣчное пробужденіе миру! Покой мятежной любви! Просвѣтленіе сердца! Жизнь древности и воплощеніе будущему!

Король коснулся ея открытаго лба лиліей.—Все, чего ты просишь, будетъ исполнено.

— Я буду трижды просить, а когда приду въ четвертый разъ, то любовь будетъ стоять передъ дверью. Теперь дай мнѣ лиру.

— Эриданъ! Принеси ее сюда,—воскликнулъ король.

Эриданъ шумно низринулся съ потолка и Басня извлекла лиру изъ его сверкающихъ струй.

Басня взяла нѣсколько вѣщихъ аккордовъ; король велѣлъ подать ей кубокъ; она отпила глотокъ и убѣжала послѣ многократныхъ выраженій благодарности. Она скользила очаровательными волнистыми движеніями надъ ледянымъ моремъ, извлекая изъ струнъ радостную музыку.

Ледъ издавалъ очаровательнѣйшіе звуки подъ ея стопами. Утесъ скорби принялъ ихъ за голоса его ищущихъ возвращающихся дѣтей и отвѣчалъ тысячекратнымъ эхо.

Басня вскорѣ дошла до берега. Она встрѣтила свою мать. У нея было блѣдное изможденное лицо, она сдѣлалась стройной и строгой, и ея благородныя черты носили слѣды безнадежнаго горя и трогательной вѣрности.

— Что съ тобой случилось, дорогая мать?—спросила Басня.—Ты стала совсѣмъ другой; безъ внутреннаго знака я бы тебя не узнала. Я надѣялась найти утоленіе у твоей груди. Я давно тоскую о тебѣ.

Гинистана нѣжно приласкала ее и лицо ея сдѣлалось радостнымъ и привѣтливымъ.—Я знала, что писецъ тебя не поймаетъ. Твой видъ освѣжаетъ меня. Мнѣ очень тяжело, но я скоро утѣшаюсь. Можетъ быть, у меня будетъ минута покоя. Эросъ здѣсь по близости, и если онъ тебя увидитъ и ты ему о чемъ-нибудь расскажешь, онъ, быть можетъ, останется нѣсколько времени. А пока возьми мою грудь; я дамъ тебѣ, что у меня есть. Она взяла Басню на колѣни, протянула ей грудь и продолжала, улыбаясь, говорить съ малюткой, которая жадно пила:

— Я сама виновата,—сказала она,—въ томъ, что Эросъ сдѣлался такимъ дикимъ и непостояннымъ. Но я не раскаиваюсь, ибо тѣ часы, которые я провела въ его объятіяхъ, сдѣлали меня бессмертной. Я таяла отъ его пламенныхъ ласкъ. Точно небесный разбойникъ, онъ жестоко уничтожалъ меня и потомъ съ гордостью торжествовалъ надъ своей трепетной жертвой. Мы поздно проснулись послѣ нашего запретнаго упоенія въ странно измѣненномъ видѣ. Длинные серебристо бѣлыя крылья покрывали его бѣлыя плечи и очаровательную полноту гибкаго стана. Сила, которая его внезапно превратила изъ мальчика въ юношу, точно вся ушла въ его сверкающія крылья, и онъ снова сдѣлался мальчикомъ. Тихій зной его лица превратился въ капризный, блуждающій огонекъ, священная строгость въ притворное лукавство, внушительное спокойствіе въ дѣтское непостоянство, благородная степенность въ смѣющуюся подвижность. Я по-

чувствовала непреодолимое страстное влеченіе къ своему нравному мальчику и его веселая насмѣшка и равнодушіе въ отвѣтъ на мои нѣжнѣйшія просьбы причиняли мнѣ страданіе. Я увидѣла, какъ измѣнился мой обликъ. Моя безпечная веселость исчезла и уступила мѣсто печальной озабоченности, нѣжной робости. Мнѣ хотѣлось скрыться съ Эросомъ отъ всѣхъ глазъ. У меня не хватало духа взглянуть въ его оскорбляющіе глаза, и я чувствовала себя пристыженной и униженной. Онъ одинъ занималъ мои мысли, и я готова бы была отдать жизнь, чтобы освободить его отъ его недостатковъ. Я продолжала его обожать, какъ глубоко онъ ни ранилъ мои чувства.

Съ того времени, какъ онъ ушелъ и покинулъ меня, какъ трогательно и слезно я ни молила его остаться со мной, я всюду слѣдовала за нимъ. Онъ точно нарочно дразнить меня. Едва я настигаю его, какъ онъ коварно улетаетъ отъ меня. Его стрѣлы вносятъ всюду опустошеніе. Я должна все время утѣшать несчастныхъ, а между тѣмъ, сама нуждаюсь въ утѣшеніи. Голоса несчастныхъ, призывающихъ меня, указываютъ мнѣ его путь, а ихъ горестный плачь, когда мнѣ приходится снова покинуть ихъ, западаетъ мнѣ глубоко въ душу. Писецъ преслѣдуетъ насъ съ ужасающей яростью и мститъ бѣднымъ жертвамъ. Плодомъ той таинственной ночи были множество странныхъ дѣтей, похожихъ на своего дѣда и названныхъ по немъ. Окрыленные, какъ ихъ отецъ, они постоянно сопровождаютъ его и мучатъ несчастныхъ, въ которыхъ попадаетъ его стрѣла. Но вотъ приближается веселый караванъ. Я должна оставить тебя. Прощай, милое дитя. Его близость будитъ мою страсть. Будь счастлива въ твоёмъ начинаніи.

Эросъ прошелъ мимо, не достаивая Гинистану, побѣжавшую ему на встрѣчу, нѣжнаго взгляда. Но къ Басни отъ отнесся привѣтливо и его маленькіе спутники весело заплясали вокругъ нея. Басня обрадовалась свиданію со своимъ молочнымъ братомъ и спѣла подъ лиру веселую пѣсенку. Эросъ задумался и уронилъ лукъ. Спутники его заснули на травѣ. Гинистана обняла его, и онъ не отклонилъ ея ласки. Наконецъ, и Эросъ сталъ дремать; онъ прижался къ Гинистанѣ и заснулъ, распростерши надъ нею свои крылья. Утомленная Гинистана была безконечно счастлива и не спускала глазъ со спавшаго прекраснаго юноши. Во время пѣнія со всѣхъ сторонъ появились тарантулы. Они протянули сверкающую сѣть надъ травой и оживленно двигались въ тактъ по нитямъ. Басня стала утѣшать мать и обѣщала ей скорую помощь. Съ утеса раздавались нѣжные отголоски музыки, баюкая уснувшихъ. Гинистана брызнула нѣсколько капель изъ бережно сохраненнаго сосуда въ воздухъ и прелестнѣйшіе сны упали на спавшихъ. Басня взяла сосудъ съ собой и снова двинулась въ путь. Ея струны не умолкали и тарантулы слѣдовали на быстро сотканныхъ нитяхъ за волшебными звуками.

Вскорѣ она увидѣла издали высокое пламя костра, поднимавшагося надъ зеленымъ лѣсомъ. Она грустно взглянула на небо и обрадовалась, увидавъ синее покрывало Софіи; оно тянулось волнами по землѣ и покрыло на вѣки огромную бездну. Солнце стояло на небѣ огненно красное отъ гнѣва; мощное пламя всасывало его похищенный свѣтъ и какъ сильно оно ни старалось сохранить себя, все же оно становилось все болѣе блѣднымъ и пятнистымъ. Пламя дѣлалось все болѣе бѣлымъ и могучимъ по мѣрѣ того, какъ блѣднѣло солнце.

Оно все сильнѣе всасывало въ себя свѣтъ и вскорѣ сіяніе, окружавшее дневное свѣтило, было все съѣдено. Солнце превратилось въ тусклый блестящій кругъ, и каждый новый порывъ зависти и ярости увеличивалъ изверженіе убѣгающихъ свѣтовыхъ волнъ. Наконецъ, отъ солнца остался только черный выгорѣвшій шлакъ, упавшій затѣмъ въ море. Пламя сдѣлалось невыразимо блестящимъ. Костеръ выгорѣлъ. Она медленно поднялась вверхъ и направилась къ сѣверу. Басня вступила во дворъ, имѣвшій запущенный видъ; домъ тѣмъ временемъ развалился. Кусты терновника росли въ скважинахъ оконныхъ карнизовъ и насѣкомыя ползали по сломаннымъ ступенямъ. Она услышала страшный шумъ въ комнатѣ. Писецъ и его товарищи любовались смертью сгорѣвшей матери, но сильно испугались, увидавъ гибель солнца.

Они тщетно силились затушить огонь и при этомъ сильно потерпѣли. Терзаемые болью и страхомъ, они выкрикивали неистовыя проклятія и жалобы. Они еще сильнѣе испугались, когда вошла въ комнату Басня, и съ бѣшеннымъ крикомъ кинулись къ ней, чтобы излить на нее свой гнѣвъ. Басня пробралась за колыбель и ея преслѣдователи попали въ своемъ неистовствѣ въ сѣтъ тарануль, которые отмстили имъ за это безчисленными укусами. Вскорѣ всѣ вмѣстѣ пустились въ бѣшенный плясъ подъ звуки веселой пѣсенки, которую стала играть Басня. Смѣясь надъ ихъ забавными гримасами, Басня подошла къ обломкамъ алтаря и отодвинула ихъ, чтобы найти потайную дверь; по ней она спустилась внизъ вмѣстѣ со своей свитой изъ тарануль.

Сфинксъ спросилъ:—Что быстрѣе молніи?

— Мечь,—отвѣтила Басня.

— Что всего непрочнѣе?

— Обладаніе не по праву.

— Кто знаетъ міръ?

— Тотъ, кто знаетъ себя.

— Что составляетъ вѣчную тайну?

— Любовь.

— У кого покоится эта тайна?

— У Софіи.

Сфинксъ жалобно съежился и Басня вошла въ пещеру.

— Вотъ я вамъ принесла тарантуль,—сказала она старухамъ, которыя снова зажгли лампу и усердно работали. Онѣ испугались, и одна подбѣжала къ Баснѣ съ ножницами, чтобы заколоть ее. Но она нечаянно ступила на тарантула, который ужалилъ ее въ ногу. Она жалобно крикнула отъ боли. Другія старухи бросились ей на помощь, но ихъ тоже стали жалить обозленные тарантулы. Такъ онѣ и не могли подступиться къ Баснѣ и дико прыгали по пещерѣ.

— Сотки намъ тотчасъ же,—гнѣвно крикнули онѣ дѣвушкамъ,—легкія одежды для танцевъ. Мы не можемъ пошевелиться въ тугихъ юбкахъ и изнываемъ отъ жары; но непремѣнно смочи нитку паучьимъ сокомъ, чтобы она не порвалась; и нужно заткать пряжу цвѣтами, что выросли въ огнѣ; а не то тебѣ грозитъ смерть.

— Хорошо,—сказала Басня и ушла въ сосѣдную комнату.

— Я добуду вамъ трехъ большихъ мухъ,—сказала она паукамъ крестовикамъ, которые укрѣпили свою воздушную пряжу вокругъ потолка и на стѣнахъ,—но зато вы должны тотчасъ же соткать мнѣ три красивыхъ легкихъ платья. Цвѣты, которыми нужно заткать платья, я сейчасъ принесу.—Крестовики согласились и взялись быстро

за работу. Басня пробралась къ лѣстницѣ и направилась къ Арктуру.—Монархъ,—сказала она,—злые пляшутъ, а добрые отдыхаютъ. Прибыло ли пламя?—Прибыло,—сказалъ король.—Ночь миновала и ледъ таетъ. Моя супруга показала издалека. Та, которая была моимъ врагомъ, сгорѣла. Все оживаетъ. Но я не могу еще показаться, ибо одинъ я не король. Проси, чего ты хочешь.—Мнѣ нужны,—сказала Басня,—цвѣты, выросшіе въ огнѣ. Я знаю, что у тебя есть искусный садовникъ, который умѣетъ возвращать ихъ.

— Цинкъ,—позвалъ король,—дай намъ цвѣтовъ.—Садовникъ выступилъ впередъ, взялъ горшокъ, полный огня, и сталъ сыпать въ него сверкающую сѣмянную пыль. Черезъ короткое время оттуда взлетѣли цвѣты. Басня собрала ихъ въ передникъ и направилась въ обратный путь. Пауки много наработали за это время и оставалось только прикрѣпить цвѣты, за что они тотчасъ же принялись, работая проворно и проявляя много вкуса. Басня благоразумно не обрывала концовъ, которые еще висѣли на ткачихахъ.

Она снесла платья уставшимъ плясуньямъ, онѣ упали, обливаясь потомъ и нѣсколько времени отдыхали отъ непривычнаго напряженія. Она ловко раздѣла тошихъ красавицъ, которыя при этомъ ругали маленькую служанку, и надѣла на нихъ новыя платья, очень изящныя и отлично на нихъ сидѣвшія. Одѣвая ихъ, она все время расхваливала чары и доброту своихъ повелительницъ и старухи были восхищены лестью и красотой нарядовъ. Онѣ успѣли отдохнуть и, снова уелекшись танцами, стали весело кружиться, коварно обѣщая дѣвочкѣ длинную жизнь и хорошую награду. Басня вернулась въ комнату рядомъ и сказала крестовикамъ:—Теперь вамъ

разрѣшается съѣсть мухъ, которыхъ я заманила въ вашу ткань.—Пауковъ и безъ того раздражало дерганіе нитокъ, концы которыхъ было еще въ нихъ; а старухи кружились какъ безумныя. Они поэтому всѣ выбѣжали и бросились на плясуній. Тѣ хотѣли защититься ножницами, но Басня потихоньку ихъ унесла. Старухи такимъ образомъ были побѣждены своими товарищами по ремеслу. Пауки давно такъ не лакомились; они высосали старухъ до мозга костей. Басня выглянула изъ ущелья и увидѣла Персея съ большимъ желѣзнымъ щитомъ. Ножницы сами налетѣли на щитъ и Басня попросила Персея обрѣзать ими крылья Эроса и затѣмъ увѣковѣчить сестеръ щитомъ и завершить великое дѣло.

Послѣ того она покинула подземное царство и радостно поднялась въ дворецъ Арктура.

— Ленъ весь сотканъ. Неживое снова бездыханно. Живое будетъ царствовать, создавать безжизненное и пользоваться имъ. Внутреннее выявится, внѣшнее сокроется. Занавѣсъ скоро поднимается и представленіе начнется. Еще одинъ разъ я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой, а потомъ я буду прясть дни вѣчности.— Счастливое дитя, — сказалъ растроганный монархъ, — ты наша избавительница.— Я только крестница Софіи, — сказала дѣвочка.— Разрѣши садовнику Турмалину и Золоту проводить меня. Мнѣ нужно собрать пепель моей приеменной матери, и древній Носитель долженъ снова подняться для того, чтобы земля опять вознеслась, а не лежала на хаосѣ.

Король позвалъ всѣхъ троихъ и велѣлъ имъ проводить дѣвочку. Въ городѣ было свѣтло и на улицахъ замѣтно было большое оживленіе. Море съ ревомъ прибывало къ высокому утесу и Басня проѣхала туда въ

коляскѣ короля со своими провожатыми. Турмалинъ тщательно собралъ взлетавшій пепель. Они обошли вокругъ земли, пока не добрались до стараго великана, по плечамъ котораго они сползли внизъ. Онъ казался разбитымъ параличомъ и не могъ шевельнуться. Золото положилъ ему въ ротъ монету, а садовникъ пододвинулъ миску подъ его чресла. Басня коснулась его глазъ и вылила воду изъ сосуда на его лобъ. Какъ только вода стекла съ глазъ въ ротъ и внизъ въ миску, по всѣмъ его мышцамъ пробѣжала молніей искра жизни. Онъ открылъ глаза и мощно выпрямился. Басня прыгнула къ своимъ провожатымъ на поднимающуюся землю и ласково поздоровалась съ нимъ.—Ты снова пришла, милое дитя?—спросилъ старикъ.—Я все время видѣлъ тебя во снѣ. Я зналъ, что ты явишься прежде, чѣмъ отяжелѣютъ мои глаза и земля станетъ мнѣ тяжелой. Я вѣрно долго спалъ.—Земля опять стала легкой, какъ и была всегда легка добрымъ,—сказала Басня.—Старыя времена возвращаются. Скоро ты будешь снова среди старыхъ знакомыхъ. Я сотку тебѣ радостные дни и у тебя будетъ помощникъ для того, чтобы ты иногда принималъ участіе въ нашихъ радостяхъ и могъ бы, опираясь на подругу, вдыхать молодость и силу. Гдѣ наши старыя пріятельницы, геспериды?—У Софіи. Вскорѣ ихъ садъ снова зацвѣтетъ и золотой плодъ будетъ по прежнему благоухать. Онѣ ходятъ и собираютъ изнывающія растенія.

Басня удалилась и поспѣшила къ дому. Онъ превратился въ развалины. Плющъ обвился вокругъ стѣнъ. Высокіе кустарники покрывали своею тѣнью прежній дворъ и мягкій мохъ устилалъ старыя ступени. Она вошла въ комнату. Софія стояла у вновь отстроеннаго алтаря.

Эросъ лежалъ у ея ногъ, въ dospѣхахъ, болѣе серьезный и благородный, чѣмъ когда либо. Великолѣпная люстра свисала съ потолка. Полъ былъ выложенъ пестрыми камнями; они широкимъ кругомъ обводили алтарь, образуя благородныя значительныя фигуры. Гинистана наклонилась надъ ложемъ, на которомъ лежалъ отецъ, видимо, погруженный въ глубокой сонъ, и плакала. Ея цвѣтущую грацію безконечно возвышало выраженіе благочестія и любви. Басня передала урну, въ которой собранъ былъ пепель, святой Софiи, которая ее нѣжно обняла.

— Милое дитя,—сказала она,—твое рвеніе и твоя вѣрность обезпечили тебѣ мѣсто среди вѣчныхъ звѣздъ. Ты избрала безсмертное въ себѣ. Фениксъ принадлежитъ тебѣ. Ты будешь душой нашей жизни. Теперь разбуди жениха. Глашатай зоветь, Эросъ долженъ отправиться въ поиски за Фреей и разбудить ее.

Басня несказанно обрадовалась этимъ словамъ. Она позвала своихъ провожатыхъ, Золото и Цинка, и подошла къ ложу. Гинистана смотрѣла на нее, преисполненная ожиданія. Золото расплавилъ монету и наполнилъ вмѣстилище, гдѣ лежалъ отецъ, сверкающимъ потокомъ. Цинкъ обвилъ грудь Гинистаны цѣпью. Тѣло поплыло по дрожащимъ волнамъ.—Наклонись, милая мать,—сказала Басня,—и положи руку на сердце возлюбленнаго.

Гинистана наклонилась. Она увидѣла свой многократно отраженный образъ. Цѣпь коснулась потока, ея рука его сердца; онъ проснулся и привлекъ восхищенную невѣсту къ себѣ на грудь. Металь сплавился и превратился въ свѣтлое зеркало. Отецъ поднялся, глаза его сверкнули, и какъ ни была прекрасна и значительна его фигура, все же тѣло его казалось какъ бы тонкой, безконечно подвижной влагой, которая передавала каждое

впечатлѣніе разнообразѣйшими и очаровательнѣйшими движеніями.

Счастливая чета подошла къ Софіи, которая благословила ихъ и внушила имъ, чтобы они усердно глядѣли въ зеркало, ибо оно отражаетъ все въ истинномъ видѣ, уничтожаетъ всякую мишуру и вѣчно хранитъ первообразъ. Она взяла затѣмъ урну и высыпала пепель въ чашу на алтарѣ. Мягкое шипѣніе возвѣстило о томъ, что пепель растворился, и легкій вѣтеръ пронесся по одеждѣ и кудрямъ присутствовавшихъ.

Софія передала чашу Эросу и онъ другимъ. Всѣ отвѣдали божественное питье и ощутили несказуемую внутреннюю радость, внимая привѣтствію матери. Ея близость ощущалась всѣми и ея таинственное присутствіе точно все преображало.

Ожиданіе исполнилось выше мѣры. Всѣ поняли, чего имъ не доставало и комната сдѣлалась обиталищемъ блаженныхъ. Софія сказала:—Великая тайна всѣмъ открылась и остается на вѣки не разгаданной. Изъ страданій рождается новый міръ; въ слезахъ пепель растворяется и становится питьемъ вѣчной жизни. Въ каждомъ обитаетъ небесная мать, чтобы вѣчно рождать каждое дитя. Чувствуете ли вы сладостное рожденіе въ стукѣ вашего сердца?

Она вылила на алтарь остатокъ изъ чаши. Земля сотряслась въ своихъ глубинахъ. Софія сказала:—Эросъ, поспѣши вмѣстѣ съ сестрой къ твоей возлюбленной. Вскорѣ вы снова меня увидите.

Басня и Эросъ поспѣшили уйти со своими провожатыми. На землѣ разлилась мощная весна. Все поднялось и зашевелилось. Земля пронеслась ближе подъ покровомъ. Мѣсяць и облака промчались съ веселымъ га-

момъ на сѣверъ. Королевскій замокъ дивно сіялъ надъ моремъ, и на зубцахъ стоялъ окруженный свитой король во всемъ своемъ великолѣпїи. Со всѣхъ сторонъ поднимались вихри пыли, въ которыхъ вырисовывались знакомыя фигуры. Они встрѣчали толпы юношей и дѣвушекъ, которыя стремились въ замокъ и восторженно привѣтствовали ихъ. На многихъ холмахъ сидѣли счастливыя, только что проснувшіяся влюбленныя пары и заключали другъ друга въ объятія, по которымъ давно истосковались. Новый мїръ казался имъ сновидѣніемъ и они неустанно радовались прекрасной дѣйствительности.

Цвѣты и деревья мощно росли и зеленѣли. Все казалось одушевленнымъ. Все говорило и пѣло. Басня привѣтствовала всюду старыхъ знакомыхъ. Звѣри подходили къ проснувшимся людямъ, радостно привѣтствуя ихъ. Растенія угощали ихъ плодами и ароматами и очаровательно наряжали ихъ. Никакой камень не давилъ болѣе ни одной человѣческой груди и всѣ тяжести сплотились вмѣстѣ, образуя твердый полъ. Они пришли къ морю. Судно изъ полированной стали было привязано къ берегу. Они сѣли въ него и отвязали веревку. Носъ повернулся къ сѣверу и судно prorѣзало, точно на лету, ласкающіяся къ нему волны. Шелестящій камышъ затихъ и они тихо пристали къ берегу. Они быстро поднялись по широкой лѣстницѣ. Любовь была поражена царственнымъ городомъ и его богатствами. Во дворѣ билъ ожившій фонтанъ, роща шелестѣла сладчайшими звуками и въ ея горячихъ стволахъ и листьяхъ, въ ея сверкающихъ цвѣтахъ и плодахъ точно зарождалась и цвѣла жизнь. Старый герой встрѣтилъ ихъ у дверей дворца.—Почтенный старецъ,—сказала Басня.—Эросу нуженъ твой мечъ. Онъ получилъ отъ Золота цѣпь,

которая однимъ концомъ спускается въ море, а другимъ охватываетъ его грудь. Возьмись за нее вмѣстѣ со мной и поведи насъ въ залъ, гдѣ покоится принцесса.

Эросъ взялъ изъ рукъ старика мечъ, приставилъ его къ груди и наклонилъ остріе впередъ. Двери зала распахнулись и Эросъ, восхищенный, подошелъ къ спавшей Фрей. Вдругъ произошло сильное сотрясеніе. Свѣтлая искра пролетѣла отъ принцессы къ мечу; мечъ и цѣпь блеснули, герой поддержалъ маленькую Басню, которая чуть не упала. Султанъ на шлемъ Эроса заколыхался. — Брось мечъ, — крикнула Басня, — и разбуди твою возлюбленную. Эросъ уронилъ мечъ, устремился къ принцессѣ и пламенно поцѣловалъ ея сладостныя уста. Она открыла свои большіе темные глаза и узнала возлюбленного. Долгій поцѣлуй запечатлѣлъ вѣчный союзъ.

Съ купола спустился внизъ король, держа за руку Софію. Созвѣздія и духи природы слѣдовали за ними блестящими рядами. Несказанно ясный день наполнилъ залу, дворецъ, городъ и небо. Безчисленная толпа излилась въ огромный королевскій залъ и смотрѣла съ тихимъ умиленіемъ, какъ любящіе склонили колѣни передъ королемъ и королевой, которые торжественно благословили ихъ. Король снялъ съ головы вѣнецъ и возложилъ его на золотые кудри Эроса. Старый герой снялъ съ него доспѣхи и король набросилъ на него свою мантию. Затѣмъ онъ далъ ему лилію въ лѣвую руку и Софія надѣла очаровательное запястье на соединенныя руки любящихъ, а также увѣнчала своимъ вѣнцомъ темные волосы Фрей.

— Слава нашимъ повелителямъ! — воскликнулъ народъ. — Они всегда жили среди насъ, но мы ихъ не знали. Благо намъ! Они будутъ вѣчно властвовать надъ нами! Благословите и насъ!

Софія сказала новой королевѣ:—Брось запястье, знаменующее вашъ союзъ, на воздухъ, для того, чтобы народъ и міръ оставались въ союзѣ съ вами. Запястье разлилось въ воздухъ и вскорѣ надъ каждой головой появились свѣтлые круги; сверкающая лента протянулась надъ городомъ, надъ моремъ и землей, которая праздновала вѣчный праздникъ весны. Вошелъ Персей; въ рукахъ у него было веретено и корзинка.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—останки твоихъ враговъ. Въ корзинкѣ лежала каменная доска съ черными и бѣлыми квадратами и рядомъ множество фигуръ изъ алебаstra и изъ черного мрамора.

— Это шахматы,—сказала Софія;—всѣ войны сведены къ этой доскѣ и къ этимъ фигурамъ. Это памятникъ стараго смутнаго времени. Персей обратился къ Баснѣ и далъ ей веретено.

— Въ твоихъ рукахъ это веретено будетъ вѣчно насъ радовать, и ты будешь намъ прясть изъ самой себя золотую неразрывную нить.

Фениксъ прилетѣлъ съ звучнымъ шумомъ къ ея ногамъ, распростеръ передъ нею свои крылья, на которыя она сѣла, и пронесся съ нею надъ трономъ, на который болѣе не спускался. Она пропѣла небесную пѣсню и стала прясть, причемъ нить какъ бы вилась изъ ея груди. Народъ снова пришелъ въ восторгъ и всѣ взоры устремились на милого ребенка. Потомъ снова въ дверяхъ раздалось ликованіе. Старый мѣсяць явился со своей странной придворной свитой и за нимъ народъ несъ, какъ бы въ триумфальномъ шествіи, Гинистану и ея жениха.

Ихъ обвивали вѣнки цвѣтовъ. Королевская семья встрѣтила ихъ съ сердечной нѣжностью и новая королевская чета провозгласила ихъ своими намѣстниками на землѣ.

— Отдайте мнѣ,—сказаль мѣсяць,—царство парокъ, странныя строенія котораго только что выступили изъ подъ земли на дворцовомъ дворѣ. Я позабавлю васъ тамъ представленіями, для чего мнѣ понадобится помощь маленькой Басни.

Король согласился; маленькая Басня ласково кивнула головой и народъ обрадовался странному, занимательному времяпровожденію. Геспериды прислали поздравленія съ восшествіемъ на престоль и попросили защиты для своихъ садовъ. Король велѣлъ принять ихъ, и такъ слѣдовали одно за другимъ безчисленныя радостныя посольства. Тѣмъ временемъ тронъ незамѣтно преобразился и сдѣлался пышнымъ, брачнымъ ложемъ, надъ пологомъ котораго носились Фениксъ и маленькая Басня. Три каріатиды изъ темнаго порфира подхватывали пологъ сзади, а спереди онъ покоился на базальтовой фигурѣ сфинкса. Король обнялъ свою краснѣющую возлюбленную и народъ послѣдовалъ примѣру короля: всѣ стали обниматься. Слышны были только нѣжные поцѣлуи и шопоть. Наконецъ, Софія сказала:—Мать среди насъ, ея присутствіе принесетъ намъ счастье навѣки. Послѣдуйте за нами въ наше жилище; мы будемъ вѣчно жить тамъ въ храмѣ и будемъ хранить тайну міра. Басня стала усердно прясть и громко запѣла:

„Основанъ Вѣчности завѣтный градъ.
Въ любви и мирѣ позабытъ разладъ.
Прошли, какъ сонъ, страданья вѣковыя.
Властительница душъ навѣкъ Софія“.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ИСПОЛНЕНИЕ.

МОНАСТЫРЬ ИЛИ ПРЕДВЕРІЕ.

Astralis.

Я лѣтнимъ утромъ былъ рожденъ на свѣтъ;
И я почувствовалъ, какъ бьется жизнь
Впервые,—и пока была любовь
Затеряна въ восторгахъ безъ конца,
Я больше просыпался, и стремленье
Къ сильнѣйшему, послѣдному сліянью
Во мнѣ росло и крѣпло каждый мигъ.
Я силой сладострастья былъ зачать.
Я—середина, я—священный ключъ,
Откуда каждое томленье льетъ
Струи свои, куда стремить опять,
Разбитое, покорную волну.
Вы видѣли меня, не зная.
Вы помните, какъ я при васъ
Ночнымъ скитальцемъ въ первый разъ вошелъ
Въ тотъ вечеръ радостный? какъ въ тотъ же мигъ
Вы дивной дрожью были зажжены?
Я затаенный въ чашечкахъ медовыхъ,
Благоухалъ и колыхалъ цвѣты
Въ туманѣ золотомъ. Я былъ незримымъ
Ручьемъ, бореньемъ тихимъ, все текло
Ко мнѣ и сквозь меня, волнуя нѣжно.
И вотъ пыльца, упавшая на пестикъ,

— Вы помните вечерній поцѣлуй?—
 Запѣнила холодную волну,
 Какъ молнія; въ меня движенья влились,
 Всѣ нити тонкія зашевелились.
 Что было тайнымъ помысломъ моимъ,
 Вдругъ становилось зримымъ и земнымъ.
 Но былъ я слѣпъ, и только звѣздъ горѣнье
 Въ таинственномъ манило отдаленѣ,
 И чудилось мнѣ много тѣней странныхъ
 Временъ былыхъ, временъ обѣтованныхъ.
 Рожденный мудрой мукой и любовью
 Недолго жилъ сознанія ростокъ.
 Кто сладострастіе во мнѣ зажегъ,
 Тотъ напоилъ меня и горькой кровью,
 И міръ зацвѣлъ по склонамъ озареннымъ,
 И прорицанье стало окрыленнымъ.
 Нѣтъ Гейнриха, Матильды нѣтъ въ созданѣ,
 Они слились въ одномъ очарованѣ!
 Исполнилось! взошло земное сѣмя,
 Меня къ лазури вихри вознесли!
 Блаженный мигъ! приди и утоли!
 Свои права утратившее время
 Дары свои отниметь у земли.

Иного міра близки дни.
 Въ нихъ померкнутъ солнечные огни,
 И вспыхнутъ въ запусѣнѣ мшистомъ
 Дни грядущіе въ торжествѣ лучистомъ.
 И все, что длилось каждый день,
 Какъ сказочная встанетъ тѣнь.
 Любви опять настала власть,
 И Басня начинается прясль.

Вотъ древнія игры естества.
 Вотъ новыя, мощныя слова.
 Такъ духъ великій, міровой
 Зацвѣтаетъ всюду, всегда живой.
 Все должно другъ въ друга проникнуть,
 Все другъ отъ друга зардѣтъ, возникнуть.
 Каждый—со всѣмъ соединень.
 Въ единствѣ крѣпкомъ пали покровы,
 Въ завѣтныя нѣдра входитъ онъ,
 Тамъ воскресаетъ для жизни новой,
 Новымъ сознаниемъ тамъ окрыленъ.
 И сонъ—какъ міръ, и міръ—какъ сонъ.
 Все, что казалось,—свершено,
 Вдругъ въ отдаленье унесено.
 Всѣ перепутавъ нити, строитъ
 По волѣ свободное воображенье:
 Здѣсь что-то завѣситъ, а здѣсь пріоткроетъ,
 Въ волшебномъ развѣтѣ дуновеньѣ.
 Горечь и сладость, жизнь и тлѣнье
 Слиты въ одно для души живой,—
 И не узнаетъ исцѣленья,
 Кто преданъ страсти роковой.
 Съ болью повязка разорвется,
 Упавъ навѣкъ съ духовныхъ глазъ,
 Вѣрное сердце не вернется,
 Съ печальнымъ міромъ разлучась.
 И тѣло изойдетъ рыданьемъ
 И міръ могилой назоветъ,
 И въ міръ, сожженное страданьемъ.
 Какъ пепель, сердце упадетъ.

По узкой тропинкѣ, котóрая поднималась въ горы,

шелъ странникъ, погруженный въ глубокія мысли. Полдень миновалъ. Сильный вѣтеръ свистѣлъ въ синемъ воздухѣ и его глухіе многообразные голоса замолкали, едва раздавшись. Не пролетѣлъ ли онъ черезъ страны дѣтства? Или черезъ другія говорящія страны? То были голоса, звукъ которыхъ отдавался на глубинѣ души и все же странникъ какъ будто не зналъ этихъ голосовъ. Онъ дошелъ до горы, гдѣ надѣялся обрѣсти цѣль своего пути.

— Надѣялся?—Онъ уже ни на что не надѣялся. Мучительный страхъ, а также сухой холодъ равнодушнѣшаго отчаянія погнали его къ дикимъ ужасамъ горъ. Трудности пути смирили разрушительную игру внутреннихъ силъ. Онъ усталъ, но успокоился. Онъ еще не видѣлъ того, что постепенно заполнило пространство вокругъ него, когда сѣлъ на камень и оглянулся. Ему показалось тогда, что онъ спитъ и видитъ сонъ или ж былъ во снѣ до того. Необозримое великолѣпіе открылось его взорамъ; вскорѣ у него потекли слезы и силы оставили его. Ему захотѣлось выплакать всего себя вдаль, чтобы не осталось и слѣда его существованія. Среди сильныхъ рыданій онъ, наконецъ, какъ будто пришелъ въ себя; мягкій ясный воздухъ проникъ въ него, міръ снова открылся его чувствамъ и старыя мысли стали вести утѣшающія рѣчи.

Передъ нимъ былъ Аугсбургъ съ его башнями, вдали на горизонтѣ блистало зеркало страшнаго таинственнаго потока. Огромный лѣсъ повернулся съ утѣшающей строгостью къ страннику, зубчатая гора внушительно покоилась надъ равниной и вмѣстѣ съ лѣсомъ какъ бы говорили:—
—Мчись, потокъ, сколько хочешь, ты отъ насъ не уйдешь. Я послѣдую за тобой на окрыленныхъ судахъ; я сломаю тебя, схвачу и поглочу тебя! Довѣрься намъ,

странникъ, этотъ потокъ и нашъ врагъ, котораго мы сами создали. Какъ бы онъ ни мчался со своей добычей, все равно онъ отъ насъ не уйдетъ.

Бѣдный странникъ вспомнилъ старыя времена съ ихъ несказанными очарованіями. Но какъ тускло пронеслись эти милыя воспоминанія. Широкая шляпа закрывала молодое лицо. Оно было блѣдно, какъ ночной цвѣтокъ. Бальзамъ молодой жизни претворился въ слезы, его вздымающееся дыханіе въ глубокіе стоны. Всѣ краски поблѣднѣли и слились въ пепельно сѣрый цвѣтъ.

Въ сторонѣ, на склонѣ, онъ увидѣлъ какъ будто монаха, стоявшаго на колѣняхъ подъ старымъ дубомъ.— Неужели это старый придворный капелланъ?—подумалъ онъ почти безъ изумленія. Монахъ казался ему все болѣе высокимъ и неуклюжимъ, по мѣрѣ того, какъ онъ къ нему подходилъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что ошибся; передъ нимъ стоялъ высокій утесъ, надъ которымъ склонилось дерево. Онъ въ тихомъ умиленіи обнялъ камень и, громко плача, прижалъ его къ груди.—О, если бы теперь исполнились твои слова и святая мать подала бы мнѣ знакъ! Я вѣдь такъ несчастенъ и покинуть всѣми. Неужели въ моей пустынѣ нѣтъ святаго, который помолился бы за меня? Помолись же ты, дорогой отецъ, теперь за меня.

Въ то время, какъ онъ это подумалъ, дерево стало дрожать; камень глухо зазвенѣлъ и точно откуда-то изъ глубокой подземной дали раздалось нѣсколько ясныхъ голосковъ. Они запѣли:

„Она лишь радость знала,
 Не мучась, не грустя,
 И къ сердцу прижимала
 Любимое дитя,

Цѣлуя лобикъ милый,
 Цѣлуя вновь и вновь.
 И въ ней съ непомѣрной силой
 Къ ребенку росла любовь“.

Тонкіе голоса пѣли, видимо, съ безконечной радостью. Они повторили пѣсню нѣсколько разъ. Затѣмъ все снова затихло и изумленный странникъ услышалъ, какъ кто-то сказалъ изъ дерева:

— Если ты съиграешь пѣсню въ мою честь на твоей лютнѣ, то сюда придетъ бѣдная дѣвушка. Возьми ея съ собой и не отпускай ее. Помни обо мнѣ, когда ты придешь къ императору. Я избрала это мѣсто, чтобы жить здѣсь съ моимъ ребенкомъ. Вели выстроить мнѣ здѣсь крѣпкій теплый домъ. Мой ребенокъ побѣдилъ смерть. Не печалься. Я съ тобой; ты еще пробудешь нѣсколько времени на землѣ, но дѣвушка будетъ утѣшать тебя, пока ты тоже не умрешь и не приобщись нашимъ радостямъ.

— Это голосъ Матильды!—воскликнулъ странникъ и палъ на колѣни, молясь. Тогда взора его коснулся сквозь вѣтви длинный лучъ, и сквозь этотъ лучъ онъ узрѣлъ въ маленькомъ видѣ далекую дивную красоту, которую невозможно было бы ни описать, ни искусно изобразить красками. То, что онъ видѣлъ, были необычайно тонкія фигуры, и глубокая ихъ радость и наслажденіе, ихъ небесное блаженство сказывались въ томъ, что даже неживая утварь, колонны, ковры, украшенія, словомъ, все, что представлялось взорамъ, казалось не сдѣланнымъ руками, а какъ бы выросшимъ и составившимся, подобно полному соковъ растенію, изъ собственной жажды радости. А среди этихъ предметовъ двигались люди очаро-

вательнаго вида, въ высшей степени любезные и ласковые другъ съ другомъ. Впереди всѣхъ стояла возлюбленная странника, и казалось, что она хочетъ съ нимъ заговорить. Но ея словъ не было слышно и странникъ только смотрѣлъ съ глубокимъ томленіемъ на ея очаровательныя черты и на то, какъ она съ ласковой улыбкой кивнула ему и приложила руку къ лѣвой сторонѣ груди. Видъ ея былъ ему безконечно отраденъ и странникъ еще долго лежалъ въ блаженномъ восторгѣ, когда видѣніе исчезло. Святой лучъ извлекъ всѣ страданія и заботы изъ его сердца; душа его сдѣлалась снова чистой и легкой и духъ его свободнымъ и веселымъ. Ничего не оставалось, кромѣ тихаго глубокаго томленія и грустнаго отзвука на самой глубинѣ. Дикія муки одиночества, суровая боль несказанной утраты, ужасающее чувство пустоты и земной слабости исчезли и странникъ снова почувствовалъ себя въ полномъ значительномъ мірѣ. Голось и рѣчь снова въ немъ ожили и все казалось ему болѣе знакомымъ и пророческимъ, чѣмъ прежде; смерть представилась ему высшимъ откровеніемъ жизни, на свое собственное быстротечное существованіе онъ глядѣлъ теперь съ дѣтскимъ чувствомъ свѣтлой растроганности. Грядущее и минувшее соприкоснулись въ немъ и заключили тѣсный союзъ. Онъ очутился далеко внѣ дѣйствительности и міръ сталъ дорогъ ему лишь теперь, когда онъ потерялъ его и сталъ въ немъ чужимъ, которому предстояло лишь недолго блуждать по большимъ пестрымъ заламъ. Наступилъ вечеръ и земля лежала передъ странникомъ, какъ старый милый домъ, который онъ нашелъ бы покинутымъ послѣ долгаго отсутствія. Тысячи воспоминаній тѣснились въ немъ. Каждый камень, каждое дерево, каждый холмъ будилъ па-

мать о немъ. Каждый предметъ въ отдѣльности напоминалъ о старой были.

Странникъ взялъ лютню и запѣлъ:

„Слезы счастья, пламя жизни,
Брызны, брызны,
Освяти мой храмъ веселый,
Гдѣ я призванъ раемъ вѣчнымъ.
Взвейтесь, слезы, словно пчелы
Въ славословьѣ безконечномъ.

Васъ родныя вѣтви примуть
И обнимуть,
И спасутъ отъ грозъ и града.
Чудомъ станеть и святыней
Это дерево въ долину
Ей взлелѣяннаго сада.

Даже камень, весь склоненный,
Опьяненный,
Къ Матери припаль, рыдая.
Если въ камняхъ—благочестье,
Намъ ли не заплакать вмѣстѣ,
Кровь за Дѣву отдавая?

Угнетенные, столпитесь
И склонитесь
Здѣсь въ неутомимомъ хорѣ.
Здѣсь отъ жалобъ всѣ отвыкнуть,
Всѣ счастливые воскликнуть:
Нѣкогда мы знали горе!

Стѣны каменныя встануть,
 Ввысь воспрянуть.
 Но въ долинахъ крикъ моленій
 Въ трудное и злое время:
 Сердцу сладко это бремя,
 Вверхъ на грозныя ступени!

Матерь Божья, ликъ любимый!
 Я гонимый
 Удаляюсь въ озареньѣ.
 Вѣчной кротости внимаю.
 Ты—Матильда! Знаю, знаю,
 О тебѣ мое томленье.

Не спрошу я, нечестивый,
 Но призыву
 Пламенному вѣчно внемлю.
 Греза о твоей отчизнѣ,
 Въ тысячахъ волшебныхъ жизней
 Я хочу прославить землю.

Чудеса временъ застывшихъ
 И небывшихъ—
 Васъ навѣки я взлелѣялъ.
 Славься, храмъ мой незабвенный,
 Гдѣ потокъ лучей священный
 Грезы горькія развѣялъ“.

Занятый пѣніемъ, онъ ни на что не обращалъ вниманія. Когда же онъ оглянулся, то увидѣлъ, что около него, подлѣ утеса, стояла молодая дѣвушка. Она ласково привѣтствовала его какъ стараго знакомаго и

пригласила его пойти съ нею въ ея домъ, гдѣ она уже приготовила ему ужинъ. Онъ нѣжно заключилъ ее въ свои объятія. Все въ ея существѣ было ему мило. Она просила его подождать нѣсколько мгновений, стала подъ дерево, съ невыразимой улыбкой взглянула наверхъ и высыпала изъ передника много розъ на траву. Затѣмъ она тихо стала на колѣни подлѣ нихъ, но тотчасъ же поднялась и увела странника.

— Кто говорилъ тебѣ обо мнѣ?—спросилъ странникъ.

— Наша мать.

— Кто твоя мать?

— Матерь Божія.

— Съ которыхъ поръ ты здѣсь?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ гроба.

— Развѣ ты уже разъ умерла?

— А то какъ бы я теперъ жила?

— Ты здѣсь живешь совсѣмъ одна?

— Въ моемъ домѣ живетъ старикъ, но я знаю еще многихъ другихъ, которые жили.

— Тебѣ хочется остаться у меня?

— Я вѣдь тебя люблю.

— Откуда ты меня знаешь?

— Съ далекихъ временъ. И о тебѣ рассказывала моя прежняя мать.

— У тебя еще есть мать?

— Да, но она все та же.

— Какъ ее звали?

— Марія.

— Кто былъ твой отецъ?

— Графъ Гогенцолернъ.

— Я его тоже знаю.

— Конечно, знаешь; вѣдь онъ и твой отецъ.

— Мой отецъ въ Эйзанахъ.

— У тебя есть еще другіе родители.

— Куда же мы идемъ?

— Всякій путь ведетъ домой.

Они вышли на большое открытое мѣсто въ лѣсу, гдѣ стояли нѣсколько развалившихся башенъ за глубокими рвами. Молодой кустарникъ вился вокругъ старыхъ стѣнъ, какъ молодой вѣнокъ вокругъ серебристыхъ волосъ старца. Тому, кто глядѣлъ на сѣрые камни, на молніеобразныя трещины и на высокія страшныя фигуры, открывалась безмѣрность временъ, и самыя длинныя исторіи виднѣлись сжатыми въ маленькія сверкающія мгновенія. Такъ небо являетъ безграничныя пространства облеченными въ глубокую синеву и окутываетъ далекія полчища своихъ тяжелыхъ огромныхъ облаковъ молочнымъ блескомъ, невиннымъ какъ щеки младенца. Они вошли въ старыя ворота и странникъ не мало удивился, когда очутился среди рѣдкихъ растений и увидѣлъ скрытый среди развалинъ очаровательный садъ. Позади былъ маленькій каменный домикъ новой архитектуры, съ большими свѣтлыми окнами. Тамъ стоялъ старый человѣкъ за широколиственными кустами и привязывалъ слабыя вѣтви къ палочкамъ. Спутница странника подвела его къ старику и сказала:

— Вотъ Гейнрихъ, о которомъ ты такъ часто меня спрашивалъ.

Когда старикъ обернулся къ нему, Гейнриху показалось, что передъ нимъ стоитъ рудокопъ.

— Это врачъ Сильвестръ, — сказала дѣвушка. Сильвестръ обрадовался Гейнриху и сказалъ:

— Много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ меня посѣтилъ твой отецъ такимъ же молодымъ, какъ ты те-

перь. Я тогда познакомилъ его съ сокровищами минувшаго, съ драгоценнымъ наслѣдіемъ слишкомъ рано угасшаго міра. Я увидѣлъ у него задатки большого скульптурнаго дарованія. У него были глаза преисполненные радости, истинно творческіе глаза. Лицо его выражало внутреннюю твердость и упорное прилежаніе. Но непосредственная дѣйствительность пустила слишкомъ глубокіе корни въ немъ. Онъ не слушался зова своей истинной природы; хмурая суровость неба на его родинѣ убила въ немъ нѣжные ростки благороднѣйшаго растенія. Онъ сдѣлался искуснымъ ремесленникомъ и его воодушевленіе превратилось въ безразсудство.

— Я дѣйствительно часто съ грустью замѣчалъ въ немъ скрытое недовольство, — сказалъ Гейнрихъ. — Онъ работаетъ безъ устали по привычкѣ, но безъ внутренняго желанія. Ему точно чего-то не достаетъ, чего ему не можетъ замѣнить мирная тишина его жизни, удобства его обеспеченности, радостное сознаніе того, что его уважаютъ и любятъ его сограждане и что къ нему обращаются за совѣтами во всѣхъ городскихъ дѣлахъ. Его знакомые считаютъ его очень счастливымъ человѣкомъ; но они не знаютъ, до чего онъ пресыщенъ жизнью и какимъ пустымъ ему иногда кажется міръ, какъ страстно ему хочется покинуть его; не знаютъ они также и того, что онъ такъ прилежно работаетъ не изъ стяжательства, а только для того, чтобы разсѣять это настроеніе.

— Что меня болѣе всего удивляетъ, — возразилъ Сильвестръ, — это то, что онъ предоставилъ ваше воспитаніе вашей матери и старательно избѣгалъ вмѣшательства въ дѣло вашего развитія, не предназначалъ васъ ни къ какой опредѣленной дѣятельности. Вы должны радоваться тому, что выросли, не терпя ни въ чемъ огра-

ниченія отъ своихъ родителей. Вѣдь, большинство людей лишь остатки пышнаго пиршества, расхищеннаго людьми разныхъ аппетитовъ и вкусовъ.

— Я не знаю, — возразилъ Гейнрихъ, — что такое воспитаніе, какъ не жизнь и взгляды моихъ родителей и преподаваніе моего учителя, придворнаго капеллана. Мнѣ кажется, что мой отецъ, при всей холодности и твердости своего образа мыслей, побуждавшего его видѣть во всѣхъ обстоятельствахъ лишь кусокъ металла и искусственную работу, все же невольно, и самъ того не зная, питаетъ тихое благоговѣніе и страхъ Божій ко всѣмъ непостижимымъ явленіямъ высшаго порядка; расцвѣтъ ребенка онъ не можетъ поэтому не созерцать со смиреннымъ самоотверженіемъ. Тутъ дѣйствуетъ духъ, исходящій изъ непосредственнаго источника безконечности. Чувство превосходства ребенка въ самомъ возвышенномъ, неотразимая мысль о необходимости руководить этимъ невиннымъ существомъ, которое собирается вступить на столь опасный путь, при его первыхъ шагахъ отпечатокъ дивнаго міра, еще не ставшаго неузнаваемымъ въ потокъ земнаго, и, наконецъ, обаяніе собственныхъ воспоминаній о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда міръ казался намъ болѣе свѣтлымъ, болѣе дружественнымъ и болѣе страннымъ, и духъ пророчества почти видимо насъ сопровождалъ—все это расположило моего отца къ благоговѣйному и скромному обращенію.

— Сядемъ здѣсь на терновую скамейку среди цвѣтовъ— прервалъ его старикъ.—Ціана насъ позоветъ, когда будетъ готовъ ужинъ, и я прошу васъ продолжить рассказъ о вашей прежней жизни. Мы, старики, больше всего любимъ слушать про дѣтскіе годы, и мнѣ кажется, что благодаря вамъ я вдыхаю аромать цвѣтка, котораго не
 . новались.

вдыхалъ съ дѣтства. Только скажите мнѣ сначала, какъ вамъ нравится моя пустыня и мой садъ; эти цвѣты мои подруги. Мое сердце здѣсь, въ этомъ саду. Все, что вы здѣсь видите, любить меня и любимо мною нѣжной любовью. Я здѣсь среди моихъ дѣтей и кажусь себѣ старымъ деревомъ, изъ корней котораго выросла вся эта веселая молодежь.

— Счастливый отецъ, — сказалъ Гейнрихъ, — вашъ садъ—миръ. Развалины—матери этихъ цвѣтущихъ дѣтей. Пестрое живое мірозданіе извлекаетъ пищу изъ развалинъ минувшихъ временъ. Но неужели мать должна была умереть для того, чтобы процвѣли дѣти и неужели отецъ долженъ сидѣть одинъ у ея могилы въ вѣчныхъ слезахъ?

Сильвестръ протянулъ руку рыдающему юношѣ и всталъ, чтобы принести ему только что расцвѣтшую незабудку, которую онъ привязалъ къ вѣткѣ кипариса. Вечерній вѣтеръ странно шевелилъ верхушки сосенъ, стоявшихъ за развалинами. Доносился ихъ глухой шелестъ. Гейнрихъ спряталъ заплаканное лицо, обнявъ шею добраго Сильвестра, и когда онъ снова всталъ, вечерняя звѣзда поднялась во всемъ своемъ блескѣ надъ лѣсомъ.

Помолчавъ, Сильвестръ началъ:—я хотѣлъ бы васъ видѣть въ Эйзенахъ среди вашихъ сверстниковъ. Ваши родители, почтенная ландграфиня, славные сосѣди вашего отца, и старый придворный капелланъ составляютъ прекрасное общество. Ихъ бесѣды должны были рано вліять на васъ, въ особенности ввиду того, что вы были единственнымъ ребенкомъ. Я представляю себѣ также мѣстность, гдѣ вы жили, въ высшей степени пріятной и значительной.

— У меня является дѣйствительное знаніе моей родины,—возразилъ Гейнрихъ,—лишь съ тѣхъ поръ, какъ я

покинулъ ее и увидѣлъ много другихъ мѣстъ. Каждое растеніе, каждое дерево, каждый холмъ и каждая гора имѣютъ свой особый кругозоръ, свою характерную для каждой изъ нихъ мѣстность. Она принадлежитъ данной горѣ, и ею объясняется строеніе горы, весь ея составъ. Только животное и человѣкъ могутъ передвигаться съ мѣста на мѣсто; имъ принадлежитъ весь міръ. Всѣ мѣстности вмѣстѣ взятыя являютъ большую міровую мѣстность, безконечный кругозоръ, вліяніе котораго на человѣка и на животныхъ столь же явственно, какъ вліяніе ближайшей среды на растеніе. Вотъ почему люди, которые много путешествовали, такъ же какъ перелетныя птицы и хищные звѣри, отличаются отъ другихъ своимъ болѣе развитымъ умомъ и другими удивительными свойствами и способностями. Но, конечно, среди нихъ есть и болѣе и менѣе воспріимчивые къ воздѣйствію этихъ міровыхъ круговъ, ихъ разнообразнаго содержанія и распредѣленія. Кромѣ того, многимъ людямъ недостаетъ нужнаго вниманія и спокойствія, чтобы проникнуть сначала въ смѣну зрѣлищъ и ихъ связь, а потомъ уже подумать и сдѣлать нужныя сравненія. Я теперь только часто чувствую, до чего моя родина окрасила неизгладимыми красками мои самыя раннія мысли; образъ ея сдѣлался таинственнымъ выраженіемъ моей души и я тѣмъ яснѣе вижу это, чѣмъ глубже понимаю, что судьба и душа человѣческая названія одного и того же понятія.—На меня,—сказалъ Сильвестръ,—всегда наиболѣе сильное впечатлѣніе производила природа, живой покровъ земли. Я всегда тщательнѣйшимъ образомъ изучалъ всѣ разнородности растительнаго царства... Растенія непосредственный языкъ почвы. Каждый новый листокъ, каждый своеобразный цвѣтокъ являетъ какую-нибудь тайну, пробиваю-

шуюся наружу; она становится нѣмымъ, спокойнымъ растеніемъ только потому, что отъ любви и радости не можетъ двинуться и сказать слово. Когда въ глуши видишь такой цвѣтокъ, не кажется ли, точно все вокругъ просвѣтилось и точно звуки маленькихъ пернатыхъ существъ охотнѣе всего носятся по близости этого цвѣтка? Хочется плакать отъ радости и, отдѣлившись отъ міра, зарыться руками и ногами въ землю, чтобы пустить корни и никогда не лишаться такого отраднago сосѣдства. Весь сухой міръ устланъ этимъ таинственнымъ зеленымъ ковромъ любви. Каждой весной онъ обновляется, и его странныя письма понятны лишь тому, кто любимъ—какъ восточный букетъ цвѣтовъ. Онъ будетъ вѣчно и ненасытно читать, и съ каждымъ днемъ ему будетъ раскрываться новый смыслъ, новыя все болѣе и болѣе чарующія тайны любящей природы. Это безконечное наслажденіе и составляетъ для меня скрытыя чары хожденія по всей поверхности земли: каждая мѣстность въ отдѣльности разрѣшаетъ для меня другія загадки и все болѣе объясняетъ мнѣ, откуда идетъ путь и куда онъ ведетъ.

— Да,—сказалъ Гейнрихъ,—мы начали говорить о дѣтскихъ годахъ и о воспитаніи, потому что находились въ вашемъ саду; истинное откровеніе дѣтства, невинный міръ цвѣтовъ, незамѣтно разбудилъ въ насъ вылившееся въ словахъ воспоминаніе о цвѣтахъ прежняго времени. Мой отецъ тоже большой любитель садоводства; самые счастливые часы своей жизни онъ проводитъ среди цвѣтовъ. Благодаря этому душа его осталась открытой для пониманія дѣтей, ибо цвѣты подобны дѣтямъ. Щедрое богатство безконечной жизни, мощныя силы позднѣйшаго времени, величіе конца міра и золотое будущее всего

сушаго здѣсь еще тѣсно слиты, но все же наиболѣе ясно и понятно раскрываются нѣжно помолодѣвшими. Все-могущая любовь уже даетъ ростки, но еще не зажигаетъ. Это не пожирающее пламя, а разсѣивающееся благоуханіе, и какъ ни тѣсно единеніе нѣжныхъ душъ, все же оно не сопровождается рѣзкими движеніями и всепожирающимъ неистовствомъ, какъ у животныхъ. Такъ дѣтство въ своихъ глубинахъ ближе всего къ землѣ; облака же, быть можетъ, явленія второго, высшаго дѣтства, вновь обрѣтеннаго рая; поэтому они изливаются на первое благотворными росами.

— Есть, конечно, нѣчто очень таинственное въ облакахъ,—сказаль Сильвестръ,—и они оказываютъ часто самое чудотворное вліяніе на насъ. Они несутся, и имъ точно хочется поднять и унести насъ со своей холодной тѣнью. И если очертанія ихъ прелестны и пестры какъ вздохъ, выражающій наше затаенное желаніе, то ясность облаковъ, дивный свѣтъ, проливающійся изъ за нихъ на землю, становится какъ бы предвозвѣстіемъ невѣдомаго, несказаннаго очарованія. Но бываютъ также мрачныя, строгія и страшныя облака, которыя какъ бы грозятъ всѣми ужасами древней ночи. Небо точно никогда не хочетъ проясниться, радостная синева уничтожена и тусклый мѣднокрасный цвѣтъ на изсѣро-черномъ фонѣ вызываетъ ужасъ и страхъ въ груди каждаго. Когда послѣ того сверкнуть пагубные лучи и насмѣшливымъ хохотомъ звучать раскаты грома, то мы пугаемся до глубины души. И если въ насъ тогда не возникаетъ возвышенное чувство нашего нравственнаго превосходства, то намъ кажется, что мы во власти злыхъ духовъ и ужасовъ ада.

Это просыпаются въ насъ отзвуки старой дочеловѣческой природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и будящіе звуки

высшей природы, божественной совѣсти. Смертное содргается въ своихъ основахъ, но безсмертное начинаетъ ярче свѣтиться и познаетъ себя.

— Когда же, наконецъ,—сказаль Гейнрихъ,—прекратится необходимость боли, скорби и всякаго зла на землѣ?

— Когда утвердится *единая* сила—сила совѣсти, когда природа сдѣлается цѣломудренной и нравственной. Причина зла только одна—общая слабость. Слабость же эта ничто какъ недостаточная нравственная воспримчивость и недостаточное влеченіе къ свободѣ.

— Объясните мнѣ сущность совѣсти.

— Если бы я могъ объяснить ее, я былъ бы Богомъ, ибо постиженіе совѣсти есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ея возникновеніе. Можете ли вы объяснить мнѣ сущность поэтическаго творчества?

— Нельзя давать опредѣленія тому, что носить личный характеръ.

— Тѣмъ болѣе нельзя объяснить тайну высшей недѣлимости. Развѣ можно объяснить музыку глухому?

— Такъ значить пониманіе означаетъ участіе въ новомъ, имъ самимъ открытомъ мірѣ? Значить постичь что-нибудь можно лишь обладая тѣмъ, что постигаешь?

— Міръ какъ цѣлое раздѣляется на безконечныя міры, входящія въ міры еще большіе. Всѣ чувства въ концѣ концовъ *одно и то же* чувство. Одно чувство ведетъ, какъ и одинъ міръ, постепенно ко всѣмъ мірамъ. Но на все есть свое время и все существуетъ по своему. Только живущій въ цѣлостномъ мірѣ можетъ понять соотношенія нашего міра. Трудно сказать, можемъ ли мы, ограниченные ощущеніями нашего тѣла, расширить нашъ міръ новыми мірами, умножить наши чувства новыми чувствами, или же каждое расширеніе нашего познаванія,

каждую ново-приобрѣтенную способность слѣдуетъ считать только развитіемъ нашего мірового чувства въ его теперешнемъ видѣ.

— Можетъ быть, оба они одно и то же,—сказалъ Гейнрихъ. Я знаю только то, что для меня басня все въ себѣ заключающее орудіе, которымъ созидается мой теперешній міръ. Даже совѣсть, эта сила, творящая чувства и міры, этотъ зародышъ всякой личности, представляется мнѣ духомъ міровой поэмы, случайностью вѣчнаго романтическаго соединенія безконечно измѣняющейся общей жизни.

— Почтенный странникъ,—возразилъ Сильвестръ,—совѣсть проявляется въ каждомъ серьезномъ завершеніи, въ каждой образовавшейся истинѣ. Каждое влеченіе, каждое умѣніе, переработанное путемъ мысли въ міровой образъ, становится явленіемъ, преображеніемъ совѣсти. Всякое образованіе ведетъ къ тому, что нельзя назвать иначе чѣмъ свободой, хотя этимъ слѣдуетъ обозначать не только самое понятіе, но и созидательную причину всего сущаго. Эта свобода—мастерство. Мастеръ пользуется свободой творчества согласно своимъ намѣреніямъ и въ опредѣленной обдуманной послѣдовательности. Произведенія его искусства принадлежать ему и зависятъ отъ него; онъ ими не скованъ и они ему не препятствуютъ. И эта всеобъемлющая свобода, мастерство или владычество и составляетъ сущность, дѣйственную силу совѣсти. Въ ней раскрывается священная обособленность, непосредственное творчество личности, и каждое дѣйствіе мастера вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство высшаго, простого, незапутаннаго міра—слово Господне.

— Значитъ и то, что прежде, какъ мнѣ кажется, называлось ученіемъ о нравственности, только религія, какъ

наука, только такъ называемое богословіе въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова? Только законопорядокъ, который относится къ богопочитанію, какъ природа къ Богу? Только построеніе словъ, строй мыслей, который обозначаетъ высшій міръ, его собой представляетъ и на извѣстной ступени развитія его замѣняетъ? Религія для способности понимать и судить? Приговоръ, законъ распаденія и опредѣленія всевозможныхъ обстоятельствъ индивидуальнаго существа?

— Конечно, совѣсть — сказалъ Сильвестръ, — прирожденный посредникъ всякаго человѣка. Она замѣняетъ Бога на землѣ и потому является для многихъ высшимъ и послѣднимъ. Но какъ далека была современная наука, которую называютъ ученіемъ о добродѣтели или о нравственности, отъ чистаго образа этой возвышенной, всеобъемлющей, индивидуальной мысли. Совѣсть самое основное въ человѣкѣ въ полномъ своемъ преобразеніи; она небесный праобразъ человѣка. Совѣсть — это не то или другое; она не отдаетъ приказаній въ изреченіяхъ общаго характера, она не состоитъ изъ отдѣльныхъ добродѣтелей. Есть только одна добродѣтель — чистая и напряженная воля, которая въ рѣшительную минуту непосредственно рѣшаетъ и выбираетъ. Обиталищемъ для ея живой и своеобразной нераздѣльности служить тотъ нѣжный символъ, каковымъ является человѣческое тѣло; она одухотворяетъ его и можетъ вызвать къ существеннѣйшей дѣятельности все, что въ немъ есть духовнаго.

— О, дорогой отецъ, — прервалъ его Гейнрихъ, — какой радостью преисполняетъ меня свѣтъ, исходящій изъ вашихъ словъ! Значитъ истинный духъ басни — благосклонное преобразеніе духа добродѣтели; истинная же цѣль подчиненнаго ей поэтическаго творчества стать дви-

гательной силой высшаго и истиннѣйшаго бытія. Есть поражающее сходство между подлинной пѣснью и благороднымъ поступкомъ. Праздная совѣсть въ ровномъ непротиводѣйствующемъ мірѣ превращается въ захватывающую бесѣду, въ повѣствующую обо всемъ поэзію. Въ поляхъ и въ покояхъ этого первосушаго міра живетъ поэтъ, и добродѣтель духъ его земныхъ передвиженій и воздѣйствій. Также, какъ совѣсть непосредственно дѣйственное божество среди людей и вмѣстѣ съ тѣмъ дивный отсвѣтъ высшаго міра, и поэзія является тѣмъ же самымъ. Какъ увѣренно можетъ поэтому поэтъ слѣдовать голосу своего вдохновенія или, если онъ обладаетъ высшимъ сверхчеловѣческимъ чувствомъ, слѣдовать высшимъ существамъ и отдаваться своему призванію съ дѣтскимъ смиреніемъ. И въ немъ говоритъ высшій голосъ міра и зоветъ обаятельными притчами въ болѣе благодные, болѣе знакомые міры. Какъ религія относится къ добродѣтели, такъ вдохновеніе относится къ поэзіи, и если въ священныхъ книгахъ сохранились исторіи откровенія, то поэзія разнообразно отражаетъ жизнь высшаго міра въ возникающихъ чудеснымъ образомъ поэмахъ. Поэзія и исторія сопровождаютъ другъ друга на самыхъ запутанныхъ путяхъ въ тѣсномъ сплетеніи и въ самыхъ странныхъ преображеніяхъ; біблія такъ же, какъ поэзія, созвѣздія, идущія по *одной* орбитѣ.

— Это совершенная правда, — сказалъ Сильвестръ, — и теперь вамъ будетъ понятно, что только благодаря духу добродѣтели природа существуетъ и все болѣе утверждается. Духъ добродѣтели всезажигающій всеоживляющій свѣтъ въ предѣлахъ земного. Отъ звѣзднаго неба, этого возвышеннаго купола каменнаго царства, до кудряваго ковра на пестромъ лугу все держится имъ, черезъ

него связано съ нами и становится намъ понятнымъ; и черезъ него невѣдомый путь безконечной исторіи природы ведетъ къ конечному преображенію.

— Да, и вы такъ прекрасно доказали мнѣ только что связь добродѣтели съ религіей. Все, что объемлетъ собой опытъ и земную дѣятельность, входитъ въ сферу совѣсти, которая соединяетъ нашъ міръ съ высшими мірами. При высшемъ пониманіи возникаетъ религія, и то, что прежде казалось непостижимой потребностью нашей природы на самой ея глубинѣ, общимъ закономъ безъ опредѣленнаго содержанія, становится чудеснымъ, роднымъ, безконечно разнообразнымъ и всецѣло удовлетворяющимъ міромъ, непостижимо тѣснымъ единеніемъ всѣхъ блаженныхъ въ Богѣ и осязательнымъ обожествляющимъ присутствіемъ наиболѣе личнаго существа или его воли, его любви на глубинѣ насъ самихъ.

— Невинность вашего сердца дѣлаетъ васъ пророкомъ, — отвѣтилъ Сильвестръ. — Вамъ все сдѣлается понятнымъ; міръ и его исторія превращается для васъ въ священное писаніе, такъ же какъ въ священномъ писаніи открывается для васъ великій примѣръ того, какъ вселенная можетъ быть выявлена въ простыхъ словахъ и разсказахъ; если и не прямо, то путемъ возбужденія и пробужденія высшихъ чувствъ. Къ тому, что вамъ открыла восторженная любовь къ языку, меня привело изученіе природы. Искусство и исторія дали мнѣ знаніе природы. Родители мои жили въ Сициліи, неподалеку отъ знаменитой горы Этны. У нихъ былъ удобный домъ старинной архитектуры; онъ стоялъ подъ прикрытіемъ вѣковыхъ каштановыхъ деревьевъ у самаго скалистаго морского берега, составляя украшеніе сада, гдѣ росли разнообразнѣйшія растенія. По близости было много

хижинъ, гдѣ жили рыбаки, пастухи и винодѣлы. Наши кладовыя и погреба полны были всего, что сохраняет жизнь и украшаетъ ее; предметы нашего домашняго обихода радовали всѣ сокровенныя чувства своимъ совершенствомъ. Не было недостатка и въ другихъ вещахъ, созерцаніе которыхъ, такъ же какъ и пользованіе ими, поднимало душу надъ обыденной жизнью, возвышало потребности и подготовляло къ болѣе достойному состоянію, сулило душѣ болѣе чистую радость отъ самой ея сущности и давало эту радость. Тамъ были изображенія людей изъ камня, утварь, расписанная цѣлыми повѣствованіями, маленькіе камни съ отчетливыми фигурами на нихъ и другіе предметы, сохранившіеся отъ иныхъ, болѣе радостныхъ временъ. Кромѣ того, въ ящикахъ лежало много пергаментныхъ свитковъ, въ которыхъ, въ длинныхъ рядахъ буквъ, хранились знанія и мысли, рассказы и стихи того минувшаго времени, изложенные въ мастерскихъ красивыхъ выраженіяхъ. Благодаря своей славѣ, которую онъ пріобрѣлъ, какъ искусный толкователь звѣздъ, отецъ мой получалъ многочисленныя запросы даже изъ далекихъ странъ, и къ нему приходило много посѣтителей. А такъ какъ предвидѣніе будущаго казалось людямъ очень рѣдкимъ драгоцѣннымъ даромъ, то они хорошо вознаграждали его за его предсказанія; отецъ мой могъ, благодаря ихъ подаркамъ, свободно вести свой удобный и пріятный образъ жизни.

ПРОДОЛЖЕНІЕ „ГЕЙНРИХА ФОНЪ ОФТЕРДИНГЕНЪ“ ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ ТИКА.

Дальше авторъ не пошелъ въ разработкѣ этой второй части. Онъ озаглавилъ эту часть „Исполненіемъ“, такъ же какъ назвалъ первую „Ожиданіемъ“, ибо здѣсь все должно было разрѣшиться и исполниться, что намѣчено было въ первой части. Поэтъ намѣревался, по окончаніи „Офтердингена“, написать еще шесть романовъ, въ которыхъ хотѣлъ изложить свои взгляды на естествознаніе, на общественную жизнь, на исторію, политику и любовь, такъ же какъ въ „Офтердингенѣ“ изложены были его взгляды на поэзію. И безъ моего указанія освѣдомленный читатель увидитъ, что въ этомъ произведеніи авторъ не считалъ себя связаннымъ съ точнымъ временемъ или съ личностью извѣстнаго минезингера, хотя все должно напоминать его и его время. То, что онъ не смогъ закончить этотъ романъ—непоправимая утрата не только для друзей автора, но и для искусства; оригинальность романа и его высокій замыселъ проявились бы во второй части еще болѣе ярко, чѣмъ въ первой. Не тѣмъ онъ былъ занятъ, чтобы рассказать и изобразить то или другое происшествіе, постигнуть страницу поэзіи и пояснить ее образами и событіями. Онъ хотѣлъ, какъ уже намѣчено въ послѣдней главѣ первой части, выразить самую сущность поэзіи и выяснить ея

основныя заданія. Потому все, природа, исторія, война, обычная жизнь со всѣми обыкновеннѣйшими происшествіями, превращается въ поэзію, что она духъ, все оживляющій.

Я попытаюсь, насколько я сохранилъ въ памяти разговоры съ моимъ другомъ и насколько мнѣ это выяснилось изъ оставленныхъ имъ бумагъ, дать понятіе читателю о содержаніи второй части этого произведенія.

Поэту, который проникъ въ самую суть своего искусства, ничто не кажется противорѣчивымъ и чуждымъ; всѣ загадки для него разгаданы, волшебство фантазіи связываетъ для него эпохи и міры; чудеса исчезаютъ и все превращается въ чудо. Такъ написана эта книга, и въ особенности въ сказкѣ, которая заканчиваетъ первую часть, читатель найдетъ самую смѣлую объединенія. Уничтожены всѣ различія, которыми эпохи казались раздѣленными одна отъ другой и вслѣдствіе которыхъ одинъ міръ казался враждебнымъ другому. Эта сказка введена была поэтомъ для перехода ко второй части, въ которой рассказъ изъ самаго обыденнаго возносится въ чудесное; обыденное и чудесное взаимно объясняютъ и дополняютъ одно другое; духъ, который произноситъ написанный стихами прологъ, долженъ былъ возвращаться послѣ каждой главы и длить тоже настроеніе, тоже волшебное преображеніе всего. Благодаря этому невидимый міръ оставался въ постоянномъ сплетеніи съ видимымъ. Этотъ говорящій духъ—сама поэзія и вмѣстѣ съ тѣмъ звѣздный человѣкъ, родившійся отъ объятій Гейнриха и Матильды. Въ нижеслѣдующемъ стихотвореніи, которое должно было войти въ „Офтердингена“, поэтъ выразилъ въ чрезвычайно легкой формѣ внутренний духъ своихъ книгъ:

Когда не знаки и не числа
 Дадутъ ключи мірского смысла,
 Когда пѣвецъ или влюбленный,
 Узнаетъ больше, чѣмъ ученый,
 Когда на волю міръ умчится
 И заново къ міру обратится,
 Когда сіянія и мраки
 Опять сольются въ ясномъ бракѣ,
 И въ сказкахъ разгадають снова
 Исторію пути мірского,
 Тогда заклинанье прозвучитъ,
 И міръ извращенный улетитъ.

Садовникъ, съ которымъ говоритъ Гейнрихъ, тотъ же самый старикъ, который уже однажды принималъ отца Офтердингена; молодая дѣвушка, которую зовутъ Ціаной, не его дочь, а дочь графа Гогенцолерна; она родомъ съ востока, и хотя рано покинула родину, но все же ее помнить. Она долго вела странную жизнь въ горахъ, гдѣ ее воспитывала ея умершая мать. Одного брата она потеряла очень рано и сама однажды очень близка была къ смерти, попавъ въ могильный склепъ; ее спасъ необычайнымъ образомъ одинъ старый врачъ. Она весела и привѣтлива и очень сроднилась съ чудеснымъ. Она рассказываетъ поэту исторію его собственной жизни такъ, точно она уже слышала ее когда-то отъ своей матери. Она посылаетъ его въ отдаленный монастырь, монахи котораго составляютъ нѣчто вродѣ колоніи духовъ; все тамъ вродѣ мистической, магической логи. Они жрецы священнаго огня въ молодыхъ душахъ. Онъ слышитъ далекое пѣніе братьевъ, въ самой церкви ему является видѣніе. Съ однимъ старымъ монахомъ Гейнрихъ гово-

рять о смерти и о магіи; у него являются предчувствія смерти и мысли о камнѣ мудрости. Онъ посѣщаетъ монастырскій садъ и кладбище. О кладбищѣ у него есть слѣдующее стихотвореніе:

„Славьте праздникъ нашъ безстрастный,
Тихіе сады и кельи,
И удобную посуду
И добро въ домахъ.
Гости множатся всечасно
Ранній ты иль поздній: всюду
Жаркое горитъ веселье
На широкихъ очагахъ.

Тысяча рѣзныхъ бокаловъ,
Прежде облитыхъ слезами,
Кольца, панцыри и латы—
Это наша дань.
И камней тяжеловѣсныхъ
Много въ подземельяхъ тѣсныхъ,
И не счесть богатствъ окрестныхъ,
Хоть безъ усталы считай.

Населявшіе бывшее,
Древности сѣдой герои,
Сотрясавшіе высокій
Голубой эфиръ,
Дѣвы нѣжныя, пророки,
Старцы дряхлые и дѣти
Собрались въ единой клѣти
Видятъ снова прежній міръ.

Не покинетъ нашей сѣни,
 Нашей участи завидной,
 Кто за радостнымъ обѣдомъ
 Гостемъ былъ хоть разъ.
 Смолкли горестныя пени,
 Раны старыя не видны,
 Плачь томительный невѣдомъ,
 Вѣчно длится вѣчный часъ.

Горними взволнованъ снами
 Въ упоеніи нездѣшнемъ
 Куполь неба передъ нами,
 Синева—ясна.
 Окрыленные покровы
 Носятъ насъ по нивамъ вешнимъ,
 Вѣтеръ не дохнетъ суровый,
 Неизмѣнна тишина.

Упоенье чаръ полночныхъ,
 Волхованье силъ заочныхъ,
 Игръ неясныхъ наслажденье
 Вѣдомы лишь намъ.
 Въ нашей волѣ дерзновенье
 Исчезать въ водоворотѣ,
 Распыляться въ водометѣ,
 Жадно приникать къ волнамъ.

Страсть была намъ первой жизнью.
 Трепетные, какъ стихіи,
 Рвемся въ жизненныя волны,
 Въ буйный сплавъ сердець.
 Сладостно распались волны.

Да, враждебныя стихіи
 Будуть страсти высшей жизнью,
 Тайнымъ сердцемъ всѣхъ сердець.

Слышимъ только лепеть нѣги,
 Видимъ только, что сильѣе
 Глазъ стыдливое склоненье,
 Пьемъ лишь поцѣлуи устъ.
 Все, что незамѣтно тронемъ,
 Вдругъ плодомъ зардѣетъ знойнымъ,
 Нѣжной грудью тихо дрогнетъ,
 Жертвой буйныхъ чувствъ.

Вѣчное растеть томленье
 Милаго обнять въ волненьѣ,
 Въ сокровенномъ единеньѣ
 Все съ любимымъ слить.
 Жаждѣ не сопротивляться,
 Вѣчно гибнуть и мѣняться,
 Лишь другъ другомъ упиваться,
 Лишь другъ въ другѣ вѣчно быть.

Такъ любви и сладострастью
 Мы вѣрны въ тиши великой,
 Съ той поры, какъ искрой дикой
 Прежній міръ потухъ;
 Съ той поры, какъ холмъ закрылся,
 И костеръ угасъ блестящій,
 И навѣкъ душѣ дрожащей
 Ликъ земли закрылся вдругъ.

Чарами воспоминанья,
 Сладостной и жуткой дрожью

Всѣ пронизаны желанья,
 Страсть охлаждена.
 Есть нестынущія раны,
 Мы печаль лелѣемъ Божью.
 Въ пламенные океаны
 Всѣхъ соединить она.

Въ этихъ волнахъ мы сойдемся
 Всѣ по волѣ непонятной,
 Въ океанѣ всѣхъ явленій,
 Въ Божьей глубинѣ.
 Но изъ сердца міра льемся,
 Какъ и прежде, въ кругъ возвратный;
 Духъ верховныхъ устремленій
 Съ нами на завѣтномъ днѣ.

Рвите золотыя цѣпи,
 Изумруды и рубины,
 Драгоценныя запястья,
 Блескъ и звонъ колець.
 Бросьте ложа въ душномъ склепѣ.
 Подземелья и руины,
 Въ розахъ неземного счастья
 Взвейтесь къ Баснѣ во дворець.

Если будущіе братья
 Разгадають, какъ охотно
 Ихъ восторги, ихъ желанья
 Дѣлимъ мы всегда—
 Блѣдное существованье
 Всѣ покинуть безъ изъятья,—
 Люди! время быстролетно!
 Милые! скорѣй сюда!

Кто земного духа свяжетъ,
 Кто значенье смерти схватить,
 Слово жизни кто укажетъ?
 Прежній міръ ушелъ.
 Повелитель мертвымъ ляжетъ,
 Свѣточъ прежній свѣтъ утратитъ,
 Сильный сверженнаго свяжетъ,
 Духъ земной, твой часъ прошелъ.

Это стихотвореніе было, быть можетъ, опять прологомъ къ второй главѣ. Тутъ долженъ былъ начаться совершенно новый періодъ всего произведенія; изъ тишайшей смерти должна была развиться высшая жизнь. Онъ жилъ среди мертвыхъ и самъ съ ними говорилъ; книга должна была приобрести почти характеръ драмы, а эпическій тонъ долженъ былъ какъ бы только соединять отдѣльныя сцены и легко ихъ объяснять. Гейнрихъ попадаетъ вдругъ въ беспокойную Италію, расшатанную войнами, и оказывается полководцемъ во главѣ войска. Все, входящее въ составъ войны, окрашено поэзіей. Онъ нападаетъ съ небольшимъ отрядомъ на непріятельскій городъ, и сюда вставленъ эпизодъ любви знатнаго пизанца къ флорентинской дѣвушкѣ. Военныя пѣсни.—Великая война, какъ поединокъ, абсолютно благородная, человѣчная, проникнутая философскимъ смысломъ. Духъ стараго рыцарства. Рыцарскіе турниры. Духъ вакхической грусти.—Люди должны сами убивать другъ друга; это благороднѣе, чѣмъ падать сраженными судьбой.—Они идутъ на встрѣчу смерти.—Честь, слава—радость и жизнь воина. Въ смерти и какъ тѣнь живетъ воинъ. Радость смерти—воинственный духъ.—На землѣ война у себя дома; война должна существовать на землѣ.—Въ Пизѣ

Гейнрихъ встрѣчается съ сыномъ императора Фридриха второго, который становится его близкимъ другомъ. Онъ попадаетъ и въ Лоретто. Тутъ должны были быть включены нѣсколько пѣсень.

Буря заноситъ поэта въ Грецію. Древній міръ съ его героями и сокровищами искусства охватываетъ его душу. Онъ говоритъ съ однимъ грекомъ о морали. Все, относящееся къ тому времени, становится ему близкимъ; онъ постигаетъ древнія картины и древнюю исторію. Разговоры о греческихъ государственныхъ системахъ, о миѳологіи.

Послѣ того, какъ Гейнрихъ постигъ геройскій періодъ и древность, онъ направляется на востокъ, куда онъ страстно стремился съ дѣтства. Онъ посѣщаетъ Іерусалимъ, знакомится съ восточной поэзіей. Странныя происшествія среди невѣрныхъ задерживаютъ его въ пустынныхъ странахъ; онъ встрѣчаетъ семью восточной дѣвушки (см. первую часть); тамошняя жизнь кочевыхъ племенъ. Персидскія сказки. Воспоминанія о древнѣйшемъ мірѣ. Книга должна была среди различныхъ происшествій оставаться одного и того же цвѣта и напоминать о голубомъ цвѣткѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ самыя отдаленныя и разнородныя сказанія должны были быть объединены: греческія, восточныя, библейскія и христіанскія съ воспоминаніями и намеками индійской и сѣверной миѳологіи. Крестовые походы. Жизнь на морѣ. Гейнрихъ отправляется въ Римъ. Время римской исторіи.

Насыщенный опытомъ, Гейнрихъ возвращается въ Германію. Свиданіе съ дѣдомъ, человѣкомъ очень глубокимъ. Съ нимъ Клингсоръ. Вечернія бесѣды съ обоими.

Гейнрихъ отправляется къ двору Фридриха и знакомится лично съ императоромъ. Дворъ долженъ былъ быть изо-

браженъ очень внушительнымъ; тамъ сошлись лучшіе, величайшіе и прекраснѣйшіе люди со всего свѣта—и въ центрѣ всѣхъ самъ императоръ. Тутъ осуществлена величайшая пышность, настоящей высшій свѣтъ. Разъяснена нѣмецкая исторія и нѣмецкій характеръ. Гейнрихъ говоритъ съ императоромъ о государственной власти, о монархіи, ведетъ темныя рѣчи объ Америкѣ и Остѣ-Индіи. Взгляды правителя. Мистическій императоръ. Книга *de tribus impostoribus*.

Послѣ того, какъ Гейнрихъ переживаетъ по новому и болѣе возвышенно чѣмъ въ первой части—въ „Ожиданіи“ — опять тоже самое: любовь и смерть, войну, востокъ, исторію и поэзію, онъ возвращается въ свою душу, точно на родину. Изъ пониманія міра и самого себя у него рождается стремленіе къ преображенію: полный чудесъ сказочный міръ подступаетъ совсѣмъ близко, потому что сердце открылось для пониманія его.

Въ Манесской коллекціи миннезингеровъ есть довольно непонятное состязаніе въ пѣніи Гейнриха фонъ Офтердингена и Клингсора съ другими пѣвцами: вмѣсто этого состязанія авторъ хотѣлъ изобразить другой, своеобразно поэтической споръ, борьбу добраго и злого начала въ пѣсняхъ вѣрующихъ и невѣрующихъ, въ противоположеніи невидимаго міра видимому. „Въ вакхическомъ опьяненіи поэты восторженно состязаются за смерть“. Воспѣваются науки; математика тоже вступаетъ въ состязаніе. Поэты славятъ индійскія травы: индійская мифологія въ новомъ преображеніи.

Это послѣднее дѣяніе Гейнриха на землѣ, переходъ къ его собственному преображенію. Тутъ разрѣшеніе всего произведенія, исполненіе сказки, заканчивающей первую часть. Все объясняется и завершается самымъ сверх-

естественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ естественнымъ образомъ; стѣна между басней и правдой, между прошлымъ и настоящимъ, пала: вѣра, фантазія, поэзія раскрываютъ самую сокровенную глубину внутреннаго міра.

Гейнрихъ приходитъ въ страну Софіи, въ природу, какой она могла бы быть, въ аллегорическую природу, послѣ бесѣды съ Клингсоромъ о нѣкоторыхъ странныхъ знакахъ и предчувствіяхъ. Предчувствія рождаются въ немъ главнымъ образомъ при звукахъ старой пѣсни, которую онъ случайно слышитъ; въ ней поется про глубокое озеро въ скрытомъ мѣстѣ. Эта пѣсня будитъ давно забытыя воспоминанія; онъ идетъ къ озеру и находитъ маленькій золотой ключикъ, который у него давно укралъ воронъ и который онъ такъ и не могъ отыскать. Этотъ ключикъ ему далъ, вскорѣ послѣ смерти Матильды, старый человѣкъ. Онъ сказалъ Гейнриху, чтобы онъ понесъ его императору и тотъ скажетъ, что дѣлать съ ключикомъ. Гейнрихъ отправляется къ императору, который очень обрадованъ его приходомъ и даетъ ему старинную грамоту. Въ ней сказано, чтобы король далъ ее прочесть тому, кто когда-нибудь принесетъ ему случайно золотой ключикъ. Человѣкъ этотъ найдетъ въ скрытомъ мѣстѣ старинную драгоцѣнность—талисманъ, карбункулъ для короны, въ которой оставлено для камня пустое мѣсто. Самое мѣсто тоже описано на пергаментномъ листѣ. По этому описанію Гейнрихъ направляется къ нѣкой горѣ. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ чужестранца, который впервые разсказалъ ему и его родителямъ про голубой цвѣтокъ; онъ говоритъ съ нимъ объ откровеніи. Онъ входитъ въ гору и вѣрная Ціана слѣдуетъ за нимъ.

Вскорѣ онъ приходитъ въ ту чудесную страну, въ

которой воздухъ и вода, цвѣты и животныя совершенно иного рода, чѣмъ на землѣ. Разсказъ превращается мѣстами въ драму. „Люди, животныя, растенія, камни и звѣзды, стихіи, звуки, краски сходятся, какъ одна семья, дѣйствуютъ и говорятъ, какъ одинъ родъ“.—Цвѣты и животныя говорятъ о человѣкѣ.—„Сказочный міръ становится видимымъ, дѣйствительный міръ кажется сказкой“. Онъ находитъ голубой цвѣтокъ; это Матильда. Она спитъ и у нея карбункулъ; маленькая дѣвочка, дочь его и Матильды, сидитъ у гроба и возвращаетъ ему молодость.—„Это дитя начало міра, золотой вѣкъ въ концѣ его.“—Тутъ христіанство примирено съ язычествомъ и воспѣты исторіи Орфея, Психеи и другихъ.

Гейнрихъ срываетъ голубой цвѣтокъ и освобождаетъ Матильду отъ злыхъ чаръ; но онъ снова теряетъ ее. Оцѣпенѣвъ отъ скорби, онъ превращается въ камень. Эдда (голубой цвѣтокъ, восточная женщина, Матильда) приноситъ себя въ жертву камню; онъ превращается въ звенящее дерево. Ціана срубаетъ дерево и сжигаетъ себя вмѣстѣ съ нимъ; онъ становится золотымъ бараномъ. Эдда, Матильда должна заклать его и онъ вновь становится человѣкомъ. Во время этихъ превращеній онъ ведетъ удивительныя бесѣды.

Онъ счастливъ съ Матильдой, которая одновременно и восточная женщина и Ціана. Празднуется радостный праздникъ души. Все предшествовавшее была смерть. Послѣдній сонъ и пробужденіе. Клингсоръ возвращается какъ король Атлантиды. Мать Гейнриха—фантазія; отецъ—мысль. Шванингъ—мѣсяцъ, рудокопъ—антикваръ и вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзо. Императоръ Фридрихъ—Арктуръ. Графъ Гогенцолернъ и купцы тоже возвращаются. Все сливается въ аллегорію. Ціана приноситъ императору камень,

но Гейнрихъ самъ теперь поэтъ изъ той сказки, которую ему рассказали прежде купцы.

Блаженная страна страдаетъ еще только отъ околдовавшихъ ее чаръ въ томъ смыслѣ, что она подвержена смѣнѣ временъ года. Гейнрихъ разрушаетъ царство солнца. Все произведеніе должно было закончиться большимъ стихотвореніемъ, только часть котораго была написана:

БРАКЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА.

Думой глубокой занять новый монархъ. Онъ при-
помнилъ
Сонъ полуночный свой, давній припомнилъ раз-
сказъ,
Какъ о небесномъ цвѣткѣ онъ впервые узналъ.
Пораженный
Правдою вѣщихъ сновъ, замеръ въ могучей любви.
Словно слышитъ онъ снова завѣтный волнующій
голосъ.
Вотъ онъ остался одинъ, шумныхъ покинулъ гостей.
Бѣглые блики луны озаряли стучащія ставни
И въ молодой груди жаркій клубился огонь.
— Эда, — молвилъ король, — ты знаешь влюбленнаго
сердца
Тайную жажду? ты — знаешь и муку его?
Скажешь — поможемъ ему, мы всеильны; вѣкомъ
блаженнымъ
Сдѣлаемъ время вновь, счастье ты въ небо про-
льешь.
Ахъ, времена враждуютъ! Развѣ слиться не мо-
гутъ
Въ вѣчный и крѣпкій бракъ — Завтра, Сегодня, Вчера?

Пусть зима сольется съ лѣтомъ, осень съ весною
 Старость и Юность въ одно въ строгой сольются
 игрѣ:

Въ этотъ мигъ, мой супругъ, изсякнетъ источникъ
 печали.

Сердца завѣтные сны будутъ исполнены всѣ“.

Такъ говорила. Король въ упоеніи милую обнялъ:
 Подлинно изрекла слово небесное ты.

Это слово давно на устахъ горячихъ дрожало,

Ты лишь сумѣла его ясно и четко сказать.

Пусть запрогутъ скорѣй коней, мы сами похитимъ
 Года сперва времена, возрасты жизни потомъ.

Они ѣдутъ къ солнцу и забираютъ день, затѣмъ ѣдутъ
 къ ночи, потомъ на сѣверъ за зимой и на югъ за лѣ-
 томъ; съ востока они привозятъ весну, съ запада осень.
 Затѣмъ они спѣшатъ къ юности, потомъ къ старости,
 къ прошлому и будущему.

Вотъ, что я могу дать читателю по моимъ воспоми-
 наніямъ, а также по отдѣльнымъ словамъ и намекамъ въ
 бумагахъ моего друга. Разработка этого большого плана
 была бы вѣчнымъ памятникомъ новой поэзіи. Я старался
 быть сухимъ и краткимъ, чтобы не прибавить чего-ни-
 будь изъ собственной фантазіи. Быть можетъ, читателей
 тронетъ отрывочность этихъ стиховъ и словъ, какъ она
 трогаетъ меня, который не могъ бы съ болѣе благо-
 говѣйной грустью глядѣть на остатокъ разрушенной кар-
 тины Рафаэля или Корреджіо.

Людвигъ Тикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе З. Венгеровой	III
Библіографія	XXXIX
Предисловіе переводчика стиховъ	XLI

Первая часть. ОЖИДАНИЕ.

Первая глава	7
Вторая „	17
Третья „	31
Четвертая „	51
Пятая „	64
Шестая „	98
Седьмая „	114
Восьмая „	121
Девятая „	129

Вторая часть. ИСПОЛНЕНІЕ.

Монастырь или предверіе	165
Продолженіе „Гейнриха фонъ Офтердингенъ“ въ из- ложеніи Тика	188

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА,

Большой Козихинскій пер., д. 31, кв. 2. Тел. 3-52-0-9.

Бекфордъ. Ватекъ. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева
Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека“ П. Муратова
Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ Ваятель масокъ. Переводъ въ стихахъ
К. Бальмонта. Ц. 50 к.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Аврелія Изиды.
Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная
статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Кристоферъ Марло. Трагическая исторія доктора Фауста.
Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Ц. 80 к.

Ф. М. Клингерь. Жизнь, дѣянiя и гибель Фауста. Пер. съ
нѣм. со вступ. статьей и примѣчанiями А. Лютера. Ц. 1 р. 85 к.

Райнеръ Марія Рильке. Замятки Мальте Лауридсъ Бригге.
Цѣна за 2 тома 1 р. 30 к.

Просперъ Мериме. Избранные рассказы. Переводъ Е. С.
Уреніусъ со вступит. статьей П. Муратова. Цѣна 1 р. 25 к.

Романъ Тристана и Изольды. Въ изложенiи Ж. Бедье.
Переводъ Е. С. Уреніусъ. Цѣна 1 руб.

В. Эльснеръ. Современные нѣмецкіе поэты. Рисунокъ об-
ложки Н. Калмакова. Цѣна 1 руб.

Французскіе лирики XVIII вѣка. Сборникъ переводовъ, со-
ставленный І. М. Брюсовой, подъ ред. и съ предисловіемъ
Валерія Брюсова. Ц. 2 р.

Новеллы Итальянскаго Возрожденiя. Переводы и ха-
рактеристики П. Муратова. Рисунокъ обложки Н. Ульянова.
Томъ I. Часть I. Новеллисты Треченто: Новеллино —
„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго“ — Боккаччіо — Франко
Саккетти — Серкамби — Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты*
Кватроченто. Новелла о Мазуччіо — Корнаццано. Цѣна 2 р.
50 коп.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія *Томъ II. Часть III. Новеллисты Чинквеченто*. Мольца—Банделло—Аньоло Фиренцуола—Грацини—Дони—Фортини—Джиральди—Парабоско—Де Мори—Страпарола—Челіо Малеспини—Баргальи. Ц. 2 р. 50 к.

Борисъ Зайцевъ. Разказы. Книга четвертая. Ц. 1 р. 50 к.
Павель Сухотинъ. Стихотворенія (Полынь). Цѣна 75 к.
Наталія Крандіевская. Стихотворенія Цѣна 75 к.
С. Ауслендеръ. Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Цѣна 1 руб.
Н. Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. (Стих.) Предисловіе Валерія Брюсова. Изданіе 2-е. Цѣна 60 к.
Н. Клюевъ. Лѣсныя были. (Стих.) Цѣна 60 к.
Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданіе второе. Цѣна 1 р.
Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Русовъ. Повѣсти. Цѣна 1 р.
Н. Русовъ. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Цѣна 60 коп.

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. I. „Тамъ внизу“ (Бездна). Перев. Ю. Спасскаго. (Наложень арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп.
Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 2. „Въ пути“. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. 50 к.
Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 3. Парижскія арабески. Переводъ Ю. Спасскаго. Цѣна 1 руб.
Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. I. Автобіографія. Спутникъ человѣческой. Трагизмъ и драма. Пер. съ нѣмецкаго Л. Горбуновой. Цѣна 1 р. 20 к.
Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Т. 2. „Странички жизни“. Новеллы. Переводъ Л. Горбуновой. Цѣна 1 р. 20 к.
Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. I. На серебряномъ шарѣ. Ром. Пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.
Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. II. Побѣдитель. Ром. Перев. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.
Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Перев. съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. I. Балконъ. Трагедія любви. Большой выигрышъ. Цѣна 1 р.
Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Т II. Совѣтъ народа. Тетка Ульрика. Король Мидасъ. Ц. 1 р.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Пер. А. Дмитриевой. Редакція и вступит. ст. А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.; Т. II Ц. 2 р.

Графиня Шуазель Гуффе. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Переводъ З. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престоль. Перев. Н. П. Ширяевой. Цѣна 3 р.

Мемуары г-жи де Ремюза. Переводъ О. И. Рудченко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. Томъ 1. Цѣна 2 руб.

Аббатъ Жоржель. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе Императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ц. 1 р. 20 коп.

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, рассказанная имъ самимъ. Пер. В. Г. Малахѣевой-Мировичъ. Подъ редакціей Бор. Зайцева. Вступительная статья А. А. Андреевой. Ц. 2 р. 50 к.

Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Цѣна 90 к.

В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. Цѣна 2 р.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Ц. 60 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Цѣна 40 к.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Ц. 50 к.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Ц. 50 к.

Кир. Левинъ. Русская исторія въ простыхъ рассказахъ Ц. 1 р.

Памятники древняго искусства.

Церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Объяснительная статья Н. Первухина; фотографіи И. Лазарева, П. Мосягина и С. Шитова; рисунокъ обложки С. Малютина. Цѣна 16 руб.

Церковь Или Пророка въ Ярославль. Объяснительная статья Н. Первухина, фотографіи И. А. Лазарева. Рисунокъ обложки А. Красотина. Ц. 16 руб. (Издание выйдетъ осенью 1914 г. Цѣна по подпискѣ 12 р 50 к.)

Древне-русская иконопись въ собраніи И. С. Остроухова. Текстъ П. Муратова. Фотографіи И. А. Лазарева. Ц 16 руб.

Древне-русское шитье. Текстъ Н. М. Щекотова. (Готовится къ печати).

